

ДОЛДИН Н.И.

ПУТИ ЗЕМНЫЕ

второй том

Содержание

Том второй - Илийский край

1. Весточки от Обухова Вадима Геннадиевича	4
2. Русская эмиграция в Синьцзяне. Елена Никол. Наземцева и Сергей Тепляков	12
3. Свидетельства соотечественников:	
- Уразовский Владимир Михайлович	35
- Казанцев Владимир Иванович	47
- Гольм Иван Александрович	57
- Назарова Валентина Ивановна	60
- Дьячков Евгений Иванович	60
- Али Джон	69
4. Русско - китайские отношения...	
Моисеев Владимир Анисимович	71
5. Дунганское восстание . Buryadai	85
6. Русские в Синьцзяне. Рэм Музипов.	96
7. Просто Мария (о Чечелевых). Хельча Исмаилова	103
8. А Минька, где? Добрянская Валентина Михайловна.	108
9. Записки путешествия по Китаю. Снатенков Владимир	113
10. Где ты, моя Родина? Сафронова Екатерина Ивановна	117
11. Поездка в Кульджу. Наталья Старкова	201
12. Шестая Конференция соотечественников в Китае проживающих. Лариса Жебокритская (Харбин)	207
12. Кадриль над Тянь-Шанем. Борис Зазулин	212
13. Произведения писателя В.Г. Обухова	214
14. Мне кажется порою, что солдаты... Гамзатов Расул	217
15. Мы помним. Грачева Надежда Васильевна	218

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ ОТЦОВ И ДЕДОВ

ДОЛДИН Н.И.

ПУТИ ЗЕМНЫЕ

ТОМ ВТОРОЙ

ИЛИЙСКИЙ КРАЙ

Жизнь и судьба соотечественников переселенцев
с Урала, Алтая, Семиречья в поисках Беловодья,
время военных и мирных событий в Илийском крае.

ТОМСК 2016

Весточки от В.Г. Обухова

Николай Иванович, добрый день! В Москве в скором времени, надеюсь, выйдет моя книга "Беловодье в огне. Схватка за Синьцзян" о событиях в регионе в 1917-1943 гг. Там есть упоминание и о Вашем отце. И фото.

С уважением, Вадим Обухов, редактор Восточно-Казахстанской
областной газеты "7 дней". 24.05.14 г.

Из книги «Беловодье в огне»

«...Вскоре Синьцзян стал практически советской колонией. Советское правительство гарантировало стабильность ее валюты путем предоставления большого кредита, мы доминировали в сфере торговли и направляли политику этой китайской провинции. Являясь номинально частью Китая, Синьцзян направил в Россию своих консулов, и посол Китая, понимая ситуацию, не высказал возражений. Примерно в это же время, в 1935 г., Чан Кайши через свое министерство ВВС запросил у нас самолеты. Мне было дано указание ответить отказом. Сталин не хотел усиления позиций Чан Кайши.

У меня возник небольшой конфликт с ОГПУ по поводу артиллерии, которую мы отправляли в Синьцзян. Губернатор сообщил, что присланные ему пушки уже были в употреблении. Проведенная проверка показала, что бригады ОГПУ, возвращавшиеся из Синьцзяна после подавления мятежа, решили «обменять» свои пушки на новые, не удосужившись информировать об этом Москву. Я пожаловался Розенгольцу (А. Розенгольц в то время - народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР) и услышал в ответ: «Не ссорься с ОГПУ. Уменьши цену Синьцзяну и забудь об этом».

«ТАМ САМ ЧЕРТ НОГУ СЛОМИТ...»

...Домой или к местам своей постоянной дислокации вернулись, конечно, не все советские военнослужащие. Вот только один пример...

В 1933 г. Иван и его старший брат Гавриил Долдины, будучи красноармейцами кавалерийской части ОГПУ, принимали участие в особой операции ГУПВО ОГПУ по оказанию помощи дубаню Синьцзяна Шэн Шицаю против дунганских повстанцев. Гавриил погиб в 1934 г. в бою под Кульджой, а Иван при выводе советских войск из Синьцзяна в 1935-м был оставлен на территории провинции для выполнения особого задания. Долдин под своей фамилией инфильтровался (Инфильтрация - переброска (чаще тайная) агента или другого лица на территорию иностранного государства, где должна вестись разведка. Обратная операция - эксфильтрация.) в Илийском округе и обзавелся семьей, оставаясь советским гражданином. Скорее всего, ему было поручено участвовать в жизни русской диаспоры Кульджи, присматривать за ней по мере возможности, помогать советским дипломатам и т.д. Таких агентов в то время в Синьцзяне было много - как из числа бывших белогвардейцев, так и беженцев от коллективизации, и живших там советских граждан.

Из воспоминаний Анны Долдиной (Вдова И. Долдина Анна, в девичестве Серикова, с пятью детьми репатрировалась в СССР в 1956 г.): «Жили мы в любви и согласии, хоть и не имели большого богатства. Иван все больше трудился на стройках, выполнял каменные и по дереву работы, ремонтировал и красил крыши, печи ставил и окна стеклил. Со временем накопили мы денег и купили коня и бречку. Стал Иван извозчиком, возил людей и грузы по городу и на пристань на реке Или и даже в аэропорт за город. А я все больше была с детьми дома, шила одежду по заказам людей, а также готовила и продавала дрожжи на дому».

Возможно, супруга И. Долдина была не совсем в курсе того, чем на самом деле занимался ее муж. Во всяком случае на фотографии того

периода Иван Долдин больше похож на офицера, нежели на каменщика или извозчика.

В 1937 г. И. Долдин участвовал в боях на стороне Нарынской группы РККА в рамках войсковой операции Красной Армии по подавлению очередного дунганского восстания на территории Синьцзяна. В декабре 1944-го при освобождении Кульджи 33-летний гражданин СССР Иван Долдин погиб. До сих пор точная дата смерти и место захоронения советского солдата неизвестны. Его сын Николай на все запросы о судьбе отца как в китайские, так и российские архивы получает стандартный ответ: «Сведений не имеем»...

А в середине 1930-х гг. ситуации в Восточном Туркестане советское руководство уделяло достаточно большое внимание. Следил за регионом и лично генсек Сталин. Еще 12 декабря 1933 г., например, член ВКП(б) с 1917 г. комдив Иван Кутяков написал ему письмо, в котором, в частности, предложил: «...белогвардейцев, живущих за границей, нужно всех амнистировать. Мы теперь настолько сильны, что нам их бояться нечего. Разрешить им жить в Дальневосточном крае». На это уже 25 декабря 1933 г. вождь ответил: «Я знаю, например, что в Синьцзяне имеется 2 тыс. белогвардейцев, которые ведут себя неплохо и которых мы, вполне возможно, амнистируем не в далеком будущем - все равно - согласятся они пойти на Дальвост или нет. Но такие вещи надо делать... без шума, в порядке тщательного отбора и кропотливой работы по проверке людей»...

На фото - протоиерей Димитрий Млодзяновский.

Благочинным Синьцзянского округа и настоятелем Свято-Николаевского храма в Кульдже он служил с 1947 по 1952 гг. Подробнее о нем - в моей книге "Уран Беловодья". Есть о нем информация и в Сети - от его внука. Именно в то время и была сделана фотография. Кто ее автор - мне неизвестно. У меня есть немного другой ракурс.

Завидую, что у Вас и Ваших друзей есть настоящие фото из Синьцзяна. У меня в архиве их несколько сотен, но все - сканированные. Настоящих практически нет...

Вадим Геннадиевич Обухов, Усть-Каменогорск.

"...не обижайся я знакомых не нашел кроме Матери и тети Тани, еще Отец и еще кто-то очень знаком. Не Осадчевы ли?..»

Василий Шевкунов, г.Мончегорск, Мурманская область.

«Интересная фотография. Но меня здесь нету. Меня бабушка редко брала в церковь в Кульдже, но мы внутри были. Помню, причащались. А этого мероприятия я не помню... Я не знаю. Но тоже вижу лицо мужчины, похожего на его отца и чуть-чуть видно лицо женщины, похожее на т.Таню (его бабушка). У Василия сохранились фотографии из Китая...»

Мария Звонарева (двоюродная сестра Василия Ш.), Томск.

Из книги «Битва за Синьцзян», Вадим Обухов

... На Фатыха Муслимова обратили внимание сотрудники НКВД. Так отец стал советским разведчиком. Женился, с семьей сначала жил в Кульдже, затем переехал за город. В 1943 году отцу было приказано создать в горах отряды, в которые следовало вербовать социально опасные для китайцев элементы — бандитов, воров, конокрадов, контрабандистов. За несколько дней до начала восстания китайцам стало известно о планах повстанцев. За Муслимовым из советского консульства пришла машина, его спрятали под сиденьем и переправили в Алма-Ату. Но наша семья попала в руки китайцев. Отцу было предложено сдаться, в противном случае грозили расстрелять семью. Для нас уже были вырыты могилы. Но за день до казни, выполняя приказ отца, нас освободил отряд Гани Маматбаева», ставшего известным под именем Гани-батур...

...Осенью несколько партизанских отрядов объединились 8 ноября 1944 года они подошли к центру Илийского округа — Кульдже, где шли жестокие уличные бои между восставшими городскими подпольщиками и гоминьдановцами. Партизаны совместно с подпольщиками освободили значительную часть города.

Китайский отряд численностью до 800 человек укрепился в северной части города — крепости Айранбаг, местечке Ляншань и на аэродроме. Но был плотно блокирован и особой опасности не представлял. Однако полностью ханьцы были уничтожены лишь в январе 1945 года. Был убит гоминьдановский губернатор Илийского округа Лю Биндэ, незадолго до этого сменивший на высоком посту Цю Пайту. В этих боях повстанцы захватили 4 самолета, 618 винтовок, 56 пулеметов и 12 минометов...

Обухов Вадим,

10 Июль 2006г. перевод-пересказ из книги

"THE ILI REBELLION THE MOSLEM CHALLENGE TO CHINESE

AUTHORITY IN XINJIANG 1944-1949" by LINDA BENSON:

Повстанцы успешно установили контроль над Нилхой и следующей целью стал город Инин (Кульджа). Кульджа была самым большим городом Илийской долины с населением около 149000 человек. В городе проживали 92 тысячи уйгуров, 15 тысяч ханьцев, 22900 казахов, 7700 дунган и 4500 "белых русских" (белых эмигрантов, а не белорусов, как кто-то тут написал). Гарнизон города насчитывал три батальона гоминдановской армии, 1-й и 2-й батальоны 19 полка и 3 батальон 21 полка. Кроме них стояли и резервные войска, плохо обученные и слабо вооруженные. Всего в городе было около 8 тысяч китайских солдат. Утром 7 ноября всего 400-500 повстанцев, в основном уйгуров, казахов и русских атаковали город, по некоторым данным сигнал к восстанию был подан из советского посольства. За три дня боев мятежники окружили и блокировали китайцев в трех точках города: в армейских казармах в Айрамбаке в восточной части города, в храме Guiwang возле аэропорта и в военном аэродроме.

12 ноября 1944 г. повстанцы объявили о создании Восточно-Туркестанской республики, правительство которой возглавил наиболее авторитетный исламский ученый Алихан-торе. Интересно, что республика была создана еще до того, как были уничтожены китайские войска в городе. 9 ноября генерал Зао связался с Урумчи, требуя подкреплений. 15 ноября гарнизону города Дзиньхо было приказано отправить на помощь китайцам части 7 дивизии и свежесформированную 45 дивизию под командованием генерала Ли Теиджуна. Однако огонь восстания распространился по всему округу и генерал Ли не смог пробиться к Кульдже и вскоре был выбит обратно к Дзиньхо. Командующий Урумчийским гарнизоном генерал Чжу Шаолян приказал генералу Ду отправиться в Кульджу, принять командование войсками на себя и доложить ему об обстановке. Генерал Ду сумел прибыть в Кульджу на самолете 22 ноября и радировал штабу в тот же день. Ситуация в Кульдже становилась отчаянной, из всех защитников храма Guiwang осталось всего около сотни солдат. Ду просил подкреплений, которые ему выслали, но и эти войска не смогли добраться до Кульджи из-за сильного сопротивления повстанцев. Несмотря на тяжелые потери,

киты продолжали удерживать позиции, самолеты сбрасывали им припасы, но большей частью они попадали в руки партизан. Генерал Чжу сам пытался прибыть в Кульджу, но его самолет не смог приземлиться из-за сильного огня противника.

25 декабря город Нуйуан возле Кульджи оказался в руках туркестанцев, 3 января 1945 г. и город Suiding, расположенный к западу от Кульджи на дороге к Дзиньхо, был взят. Соппротивление в Кульдже продолжалось до 28 января, когда генерал Jiang, командовавший китами в храме Guiwang был убит. После этого поражения, командование из Урумчи отдало приказ китайцам прорываться из Кульджи в сторону Дзиньхо 29 января. Остатки гоминдановцев стали отступать из города, но в боях с повстанцами китайцы понесли огромные потери. Из 4 тысяч человек, державших оборону аэродрома, осталось всего около 8 сотен, большинство было убито при отступлении. Вследствие этой победы туркестанцев, китайцы потеряли контроль над Кульджой. Несмотря на сильные морозы война продолжалась. 17 февраля партизаны взяли Xinertai, одержав перед этим победы над китайцами у Sungshukou и Santai. 20 февраля стало известно, что три тысячи солдат, посланных из Дзиньхо, на подмогу Xinertai были уничтожены туркестанцами. К концу февраля повстанцы взяли в осаду Дзиньхо.

5 февраля 1945 г. генерал Ли Тейджун телеграфировал правительству отчет о положении дел. По его словам мятежники объявили о создании Восточно Туркестанской республики в Кульдже. Новое правительство контролировало более 10 уездов/округов (counties не знаю как точно перевести) с населением около 500 тыс. человек, половина из которых казахи. Он также утверждал, что весь инцидент начался в Алма-Ате и что регулярные армейские части из Казахстана участвовали в боях на стороне повстанцев, оружие, которое использовали повстанцы было получено ими из СССР, т.к. оно было в основном немецкого и японского производства. Много других источников утверждало о том же, однако правительство не отправило СССР официальной ноты протеста. Провинциальное правительство решило принять политические контрмеры и освободило нескольких представителей аристократии коренных народов, дав им высокие посты. Один из них по имени Ален Ван (Ван - китайский титул, соответствующий князю) персонально посетил Оспан-батыра и пытался убедить его выступить против Илийских повстанцев, однако Оспан отклонил это предложение. Тем временем гоминдановские войска отсиживались в гарнизонах, бездействовали, страдая от рекордно

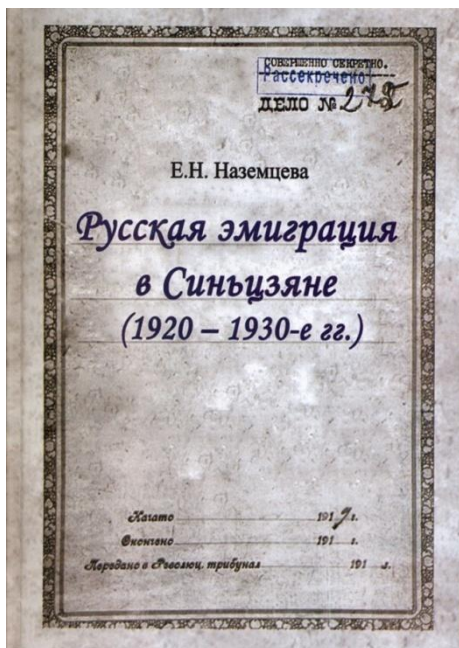
сильных холодов. Все это не способствовало поднятию морального духа войск.

К концу февраля повстанцы вернулись к Дзиньхо, гарнизон которого был увеличен до 15 тысяч человек. Т.к. город был сильно укреплен, повстанцы предпочли разгромить несколько китайских блокпостов к востоку от него и полностью блокировать Дзиньхо. К середине июля Илийские войска успешно перерезали главную дорогу, соединяющую город с Таченгом (Таченгом называли как сам город Таченг (Чугучак), так и весь Тарбагатайский округ, непонятно, что имеется в виду.) и Вусу. К концу июля весь Тарбагатайский округ, включая и его столицу был в руках повстанцев. В августе повстанческие силы, называющие себя армией Восточно-Туркестанской республики взяли округ (уезд?) Hefeng, вынудив гоминдановцев отступить на юг к Вусу. Также в августе казахские войска под командованием Оспан-батыра взяли столицу Алтайского округа Ашан (Шара-Сумэ?), контролируя город и прилежащие участки к концу сентября. (Поправка: по предварительным данным, требующим подтверждения, город Шара-Сумэ был взят совместными действиями частей армии Восточно-Туркестанской республики и партизан, а Оспан действительно очистил к тому времени почти весь алтайский округ от китайцев. Трехтысячный гарнизон города пленил, заманив в засаду Далелхан Сугурбаев. - прим. Dingir). Одержав блестящие победы над китайцами, повстанцы вернулись к Дзиньхо и 3 сентября начали штурм, 7 сентября город пал.

5 сентября повстанцы начали штурм города Вусу (кажется его второе название - Шихо), китайцы утверждали, что в атаках города участвовала советская авиация, впрочем повстанцы захватили аэродром в Кульдже и теоретически могли использовать авиацию самостоятельно (ХА-ХА - прим. Дингир). 6 сентября гоминдановцы бросились бежать из Вусу в сторону реки Манас. После того как эта новость достигла Урумчи потоки беженцев оттуда хлынули в сторону Хами и далее. Жены чиновников вывозились на самолетах и, судя по всему, гоминдановцы были готовы покинуть провинцию. (Далее указываются политические перестановки китайцев, обращения в советское посольство и т.д.) Однако, неожиданно повстанческая армия остановилась на берегу реки Манас, не дойдя до желанной цели - города Урумчи всего 220 километров...

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СИНЬЦЗЯНЕ

Монография Наземцевой Елены Николаевны "Русская эмиграция в Синьцзяне (1920-1930-е гг.)" посвящена малоизвестному сюжету из истории Русского зарубежья — истории русской эмиграции в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (СУАР).

Впервые вводимые в научный оборот уникальные архивные документы, на протяжении длительного времени остававшиеся недоступными, редкие свидетельства непосредственных участников описываемых событий позволили реконструировать историю формирования, выявить особенности политического, экономического, социального положения русской эмиграции в Синьцзяне в 20-30-е гг. XX в.

Значительное внимание уделено изучению мотивов, масштабов и последствий участия русских эмигрантов в событиях внутривосточной жизни провинции, их антисоветской деятельности. Данные вопросы рассмотрены в контексте международных отношений в регионе. Книга рассчитана на специалистов-историков, а так же на всех, кто интересуется историей русской эмиграции в Китае.

Синьцзян: русский остров в Китае

Сергей Тепляков 27.05.2011 г.

На недавнем Дне науки в Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА) состоялась презентация необычной книги «Русская эмиграция в Синьцзяне в 1920-1930 гг.», написанной преподавателем этого вуза Еленой Наземцевой. Книга сразу стала библиографической редкостью, и не только потому, что тираж крайне мал (150 экземпляров), но еще и потому, что о том, как выдвленные из России после Гражданской войны русские жили в Китае, известно крайне мало, и книга Елены Наземцевой в буквальном смысле открывает неизвестный мир.

- Как вы заинтересовались темой? Все же Гражданская война, эмиграция, казаки и атаманы вроде не женская тема...

- Я из семьи военных: папа – подполковник авиации, 15 лет мы прослужили в разных частях нашей страны, и это мне близко. С детства тянуло на военную романтику. Даже в вузе мне интересно было изучать военные темы. И дипломная работа моя была посвящена советско-германскому военному сотрудничеству в 20-30-е годы.

- А говорят, что не было никакого сотрудничества...

- Было. Но на тот момент для обоих государств это было совершенно нормально. И Германия, и Россия были после Первой мировой два европейских изгоя – с кем же им еще дружить, как не друг с другом? После окончания исторического факультета БГПУ встал вопрос, чем дальше заниматься. С тематикой советско-германской дружбы надо было ехать в Москву или Петербург, но родители непустили. На тот момент начала интересоваться эмигрантская тематика. Диплом писала у Валерия Анатольевича Бармина, который предложил мне взять тему русской эмиграции в Синьцзяне. Он и сам занимался этим регионом, в 2000-2005 годах в Барнауле с подачи Владимира Анисимовича Моисеева из АлтГУ и Валерия Анатольевича Бармина был создан очень сильный центр востоковедных исследований.

У этой темы очень интересная судьба. Первоначально ею интересовался профессор Гуревич, доктор исторических наук из Института востоковедения в Москве. Моисеев учился у него в докторантуре в 1970-е годы. Тогда эта тема была закрыта. Синьцзян – особый регион. Это Китай, но живут там мусульмане и так называемые

угнетенные народы – уйгуры, дунгане. До 1917 года у России были тесные связи с этой провинцией. В 1903-1905 гг. этот регион очень активно изучался нашими военными. Исследовали его экономику, военный потенциал, географию.

- Это место было ничьё?

- Это была провинция Китайской империи. Но этот регион традиционно представлял интерес для Великобритании. В 20-30-е годы там шла интересная дипломатическая игра, а русские эмигранты оказались в ее центре.

- Сколько русских туда ушло?

- Исследователи расходятся в определении численности. Можно сказать, что в разные моменты число было разное. До 50 тысяч – это в 20-21-м годах. Но граница была прозрачная, и многие потом вернулись в Россию. Уходили остатки Семиреченского казачьего войска, Оренбургское казачье войско во главе с атаманом Дутовым, уходил Оренбургский корпус генерала Бакича – 16 тысяч человек. И более мелкие отряды, выступавшие против Советской власти на территории юга Сибири. С Алтая уходил атаман Анненков. Дутов, Анненков и Бакич встретились в Сергиополе, приняли решение уходить на территорию Западного Китая. Анненков шел через горы Алтая, Дутов и Бакич – через Казахстан.

Китайцы отнеслись к приходу наших настороженно. Еще бы: десятки тысяч людей, имевших громадный военный опыт - четыре года на русско-германском фронте, потом Гражданская война. Оружие никто не сдавал. Были планы вновь с территории Китая вести борьбу. У каждого из трех руководителей были претензии на лидерство. Но у Бакича было больше денег. Дутов уходил практически без средств и без людей. Но у него был политический вес. Он был значимой фигурой. У Анненкова был колоссальный боевой опыт.

- И чем они занимались в Китае?

- Это все-таки были казаки. Они умели и воевать, и пахать. Занимались торговлей, пахали, работали на шахтах. Кто-то покинул провинцию, поступил на службу в китайскую администрацию. Но первое время все жили надеждой на продолжение борьбы. И в Советской России это отлично понимали. Поэтому предприняли все для ликвидации

лидеров: сначала был убит Дутов, а потом по договоренности с китайским правительством на территорию Синьцзяна были введены советские войска, разгромившие отряд Бакича. Над Бакичем состоялся суд, он был расстрелян.

Анненкова китайцы сами посадили в тюрьму. Боялись и его самого, и возможных осложнений с Россией. Он известен был своей жестокостью, неоднозначностью. Своей деятельностью мог взбудоражить мусульман в Синьцзяне. В общем, опасений было много. Когда Анненков отправился в центр Китая, в Урумчи, его выманили из отряда и обвинили в том, что он хочет поднять восстание, и он оказался в китайской тюрьме на три года. Когда вышел из тюрьмы, хотел мирно поселиться в Китае. Но Советская власть хотела его обезвредить и доказать эмигрантскому сообществу, что даже такие люди могут раскаяться и просить о возвращении. Появилось покаянное письмо Анненкова – «хочу вернуться в Россию и принять любое наказание». И далее он оказывается в России, где в Семипалатинске над ним открывается процесс, материалы которого до сих пор почти полностью закрыты. Строгости до сих пор такие, будто это материалы атомной программы. В архиве внешней политики я работала с воспоминаниями Анненкова. Копировать нельзя, переписываешь рукой. Приходишь в 10 утра и до 16 часов ты только пишешь...

- В вашей книге – автографы Анненкова, Дутова. От таких находок руки не тряслись?

- Конечно. Это сродни работе кладоискателя. Когда берешь в руки документ, который подписан непосредственно Анненковым...

- В каких архивах вы работали?

- Это в основном сибирские архивы – Омский, Новосибирский, в котором находится дело Бакича полностью, его в Новониколаевске судили и расстреляли в 1922 году. Основная часть – в Москве: Архив внешней политики РФ, мидовский архив; огромное количество документов, из которых многие и не брал никто. Я открывала дело и видела, что до меня его смотрели в 1935 году. Я сама себе завидовала.

По операциям, которые проводили на территории Синьцзяна в 1921-1922 годах, документы – в Российском государственном военном архиве: фонд Среднеазиатского военного округа, Туркестанского военного

округа, фонд Анненкова, богатейший фонд Бакича, который до сих пор не исследован до конца. Это несколько десятков толстенных томов.

30-е годы – это документы РГВА и Архива внешней политики. ГАРФ. Госархив РФ. Там богатейшая коллекция документов самих эмигрантов: переписка Бакича, Анненкова, Дутова друг с другом, с китайским руководством провинции. Очень много закрыто, засекречено – большая часть анненковских документов.

Была у меня интересная переписка с русским эмигрантом Анатолием Порублевым, которому больше 80 лет, он живет в Австралии. Родился в Синьцзяне. Но в 1949 году семья оттуда уехала. Лично встречалась с Екатериной Ивановной Софроновой. Тоже родилась в Синьцзяне, но она не из белых русских – ее родители переехали в 30-е годы, спасаясь от коллективизации. Потом переехали в Австралию, в США. В середине 90-х годов вернулись в Россию и живут под Воронежем в селе Ново-Подклетное. В 1997 году она выпустила мемуары «Где ты, моя родина?». Я также встречалась с теми русскими, которые сейчас живут в Синьцзяне.

Удалось связаться с Ольгой Михайловной Бакич, которая сейчас живет в Торонто, профессор славистики. Она – внучка генерала Бакича. Не всем отвечает. Я отправила ей книгу. Она написала: «Спасибо за достаточно объективную оценку». Я попыталась пройти между белыми и красными. Это – трагедия страны, трагедия людей.

- А какие планы на будущее?

- Планов много. Но возможности... Была идея сделать второй том – о жизни русских эмигрантов в 40-е годы. Это вообще неисследованная тема. Я знаю, где эти документы, но надо еще получить к ним доступ...

«Русская эмиграция в Синьцзяне в 1920-1930 гг.»

Уход «белых» в Китай

(...) По словам генерала А.С. Бакича, более предметные переговоры об уходе в Китай начались в начале 1920 г., после того, как части Красной армии начали очередное наступление. 20 января 1920 г. Б.В. Анненков издаёт директиву № 187, согласно которой «если противник начнёт активные действия и наши части будут не в состоянии сдерживать наступление, то в целях сбережения оренбургских частей приказываю перейти китайскую границу в районе Бахтов, с оружием и боевыми припасами. (...) Если китайские власти потребуют сдачи оружия, то таковое можно сдать лишь при условии, если китайские власти берут на себя охрану наших безоружных частей». После этого А.С. Бакич через консула В.В. Долбежева возобновил переговоры с губернатором Синьцзяна. В результате были выработаны следующие условия интернирования: белогвардейцы должны были сдать всё оружие, за исключением 60 винтовок на отряд, китайские власти брали интернированных под своё покровительство и обязывались выдавать по полтора джина муки на человека в день, остальное довольствие должно было производиться из собственных армейских сумм, которые составляли на тот момент 150 000 керенских, 16 млн. сибирских рублей и 240 пудов разменного серебра, полученного А.С. Бакичем от В.В. Долбежева.

(...) Оставив Семиречье, атаман Б.В. Анненков отступил в горы. Продвижение туда заняло две недели. В горах, недалеко от русско-китайской границы, куда вёл единственный узкий проход, на высоте 8000 футов (около 2500 м), отряд расположился лагерем на стоянку. Здесь анненковцы оставались около двух месяцев. Местность, где стоял отряд, партизаны называли «Орлиное гнездо». Всего в лагере находилось около 5000 человек. Условия, в которых они оказались, были тяжелейшими. В лагере плохо питались, почти голодали: на каждого партизана ежедневно выдавалось по пол-фунта пшеничного зерна, которое сначала обжаривали, а потом ели. Те, кто имел вещи или ценности, выменивали их на продукты у киргизов, монголов, иногда подъезжавших к лагерю. Например, за одну лепёшку отдавали отрез мануфактуры в 3-4 аршина. Баранина выменивалась за костюм. Однако это не спасало. Кроме того, несколько сот человек умерло от тифа. Готовясь к уходу в Китай, во время стоянки в лагере «Орлиное гнездо» Б.В. Анненков издал

специальный приказ, в котором объявил о том, что он прекращает борьбу и предоставляет каждому солдату и офицеру право самостоятельно решить свою дальнейшую судьбу. То есть им предоставлялась возможность либо покинуть отряд и вернуться в Россию, либо остаться в отряде, уйти в Китай и продолжить борьбу. Возможно, со стороны Б.В. Анненкова это был своеобразный тест на прочность для своих партизан. Те, кто изъявил желание вернуться в Россию (около 1500 человек), вскоре были расстреляны. В эмиграции ему нужны были люди в буквальном смысле выкованные из стали, те, для кого война и борьба стали синонимом обычной жизни, своеобразным смыслом существования.

(...) Для облегчения питания отряда Анненковым в это время отдаётся приказ, что семьи (женщины и дети) должны покинуть «Орлиное гнездо». И вот во исполнение приказа до 150 женщин и детей на рассвете начинают спускаться в долину Бороталы. Не достигнув ещё выхода из ущелья, они были встречены пулемётным огнём и, исключая двух (жена полковника Глушкова, проживающая в Урумчи, имя второй неизвестно. - Прим. автора документа), которые отделились от других и шли боковой тропинкой, все полегли в этой ужасной «Щели кошмара». Не выяснено точно, кто инициатор этого злодеяния. По одним версиям - это личный приказ Анненкова, по другим - самочинное выступление начальника заставы Васильева. После этого случая часть войск, преимущественно оренбургских казаков, уходивших в Синьцзян вместе с анненковцами, были возмущены такой жестокостью, самовольно покинули лагерь и отправились в г. Суйдун, где должны были вскоре обосноваться остатки Оренбургской армии во главе с самим атаманом А.И. Дутовым. Верными Б.В. Анненкову остались только коренные партизаны - 2000 человек.

(...) Отряд Дутова: «Пройдя после перевала ещё 50 вёрст, отряд вышел к китайской границе по р. Боротале, без вещей, денег, сохранив лишь пулемёты, винтовки и икону покровительницы Оренбургского казачьего войска - Табынской Божьей Матери». Дутов в Сайдуне: «Сам он занимал комнатку без окон, готовил себе обед, состоявший из рисового супа с бараниной и лапшой, и даже считал себя буржуем: «ибо со мною самовар, и его воркотня напоминает мне Родину».

В Синьцзяне

«(...) Некоторые поступки белогвардейцев «доставляли хлопоты» самим китайцам. В частности, в начале декабря 1921 г. во время

празднования белогвардейцами тезоименитства Николая II четверо из них в пьяном виде продефилировали под окнами советского представительства с пением гимна бывшей Российской империи «Боже, царя храни». Во избежание осложнений с советскими властями даоинь арестовал смутьянов и, принеся свои извинения советскому уполномоченному, в кандалах отправил их на советскую территорию». «(...) По сведениям консула СССР в Илийском округе Китаева, за последние месяцы 1929 г. заметно активизировался переход советско-китайской границы пограничными жителями Казахстана, как русскими, так и казахами. С октября 1929 г. по январь 1930 г. зарегистрированы переходы нескольких десятков семей. По словам беженцев, причиной их бегства являются тяжёлые условия в СССР, «непомерно высокие налоги» и т. д.». «(...) к апрелю 1930 г. бегство приняло массовый характер: уходили, бросая скот и имущество, не только семьями, но и целыми колхозами, причём в числе беженцев были не только середняки, но и бедняки. Поток новой волны эмигрантов не поддавался точному учёту, и в течение долгого времени консульство не имело точных сведений о количестве перешедших границу советских граждан. Обеспокоенные китайские власти обратились в советское консульство с заявлением о задержании в Суйдуне и Кульдже 200 беженцев и о своём намерении передать их советским представителям. Однако, по словам Синь Чжен Чжана, власти Урумчи соглашались на передачу беженцев с непременным условием предоставления консульством гарантии сохранения беженцам жизни по возвращении их в СССР. Кроме того, китайские власти указывали на то, что они буквально не в силах бороться с таким количеством переходящих границу беженцев. Иного выхода, кроме их выселения обратно в Союз, они не видели. Помимо этого китайская сторона требовала усиления охраны границы со стороны советских погранотрядов.

В ответ на это консул СССР в Илийском округе Китаев в своём письме к Синь Чжен Чжану отверг обвинения в адрес советских властей о притеснении беженцев в СССР и тяжелых условиях в стране, побудивших такое большое количество людей покинуть Советский Союз. По мнению Китаева, большинство из перешедших границу являлись уголовными преступниками. Тем не менее после того, как переход границы принял массовый характер, провинциальное правительство отдало приказ об обязательном задержании беженцев из СССР и передаче их обратно.

(...) По официальной справке управления Бахтинской комендатуры, за время с 1 октября 1929 г. по 30 марта 1930 г. китайскими властями

было передано в СССР из числа эмигрировавших всего 47 человек. Следует отметить, что эти передачи были произведены в результате постоянных требований советского консульства и касались только беженцев казахской национальности. Русских же среди возвращённых не было ни одного. По мнению консульства, такая политика китайских властей была связана с их опасением относительно влияния казахов на мусульманское население провинции. Русским же беженцам была предоставлена возможность заняться хозяйством. В дальнейшем количество возвращённых увеличилось. К середине апреля оно достигло 1200 человек, однако национальный состав остался тот же: русских среди них не было».

Восстание мусульман в Синьцзяне в 1931 году

«(...) советское руководство приняло решение оказать помощь администрации провинции даже несмотря на ее сотрудничество с бывшими белогвардейцами. Уже с середины 1931 года Советский Союз начал осуществлять поставки оружия, военной техники и отправлять в Синьцзян своих инструкторов, причём получали необходимое вооружение и одежду и белогвардейские части. Естественно, эта деятельность не афишировалась. В результате часть оружия для русских эмигрантских соединений была закуплена через британского консула в Кашгаре из Индии, другая - предоставлена советскими властями. Таким образом, сложилась весьма неординарная ситуация: части русских эмигрантов, вооруженные советскими винтовками, среди которых попадались и английские образцы, выступали на стороне китайцев, проводивших в свою очередь политику, выгодную Советскому Союзу. Кроме того, поскольку советские и эмигрантские соединения действовали совместно, иногда советские инструкторы попадали под начальство бывших белогвардейцев.

Например, по просьбе правительства Синьцзяна в провинцию была направлена группа советских инструкторов-лётчиков. В неё входили лётчики С. Антоненко, Ф. Польшин, Т. Тюрин, штурман А. Хватов, техники С. Тарахтунов, П. Кузьмин и др. В декабре 1933 г. на самолётах Р-5 они перелетели из Семипалатинска в город Шихо, где были подчинены бывшему полковнику царской армии Иванову».

Переворот в Синьцзяне 1933 года

«(...) фактически силами бывших русских белогвардейцев был осуществлён государственный переворот в Синьцзяне 12 апреля 1933 года. (...) После этих событий роль белогвардейцев во внутривластной жизни провинции значительно выросла. (...) Как указывали советские источники, «белогвардейцы окрепли и усилились», причём и в военном, и в политическом отношении. Их лидеры - П.П. Паппенгут, Хиловский, К.В. Гмыркин, Н.И. Могутнов и др. - вошли в состав нового временного правительства и имели большое влияние на организационные мероприятия в дальнейший период (...) Однако со временем отношение к русским стало меняться. Примером может служить так называемый «Чугучакский инцидент». Его суть состоит в том, что дислоцировавшиеся в городе русские части были противозаконно разоружены по приказу командующего китайскими войсками генерала Джао. Русские эмигранты расценили это как безответственный и глупый поступок и ожидали наказания виновных.

Однако этого не последовало. 10 ноября 1934 г. во время банкета у дубаня, устроенного в честь возвращения с фронта частей Русского отряда, (...) произошёл случай, свидетельствующий об отношении к русским эмигрантам: при входе в зал генерал Бектеев был обезоружен конвоем дубаня в присутствии всех своих офицеров и гостей. Извинения дубаня Бектеева не удовлетворили. Уходя, он отказался взять свой маузер и нарочно громко, чтобы слышали все присутствовавшие, сказал: «В дни осады я ежедневно являлся в Ямынь к дубаню в полном вооружении, и никто тогда меня не обезоруживал». В довершение к этому он пообещал вообще больше не брать в руки оружие, вернуть его дубаню и не надевать военной формы, тем самым дав понять, что во время опасности с ним считались, а теперь китайское руководство начало забывать его заслуги».

1937 год в Синьцзяне

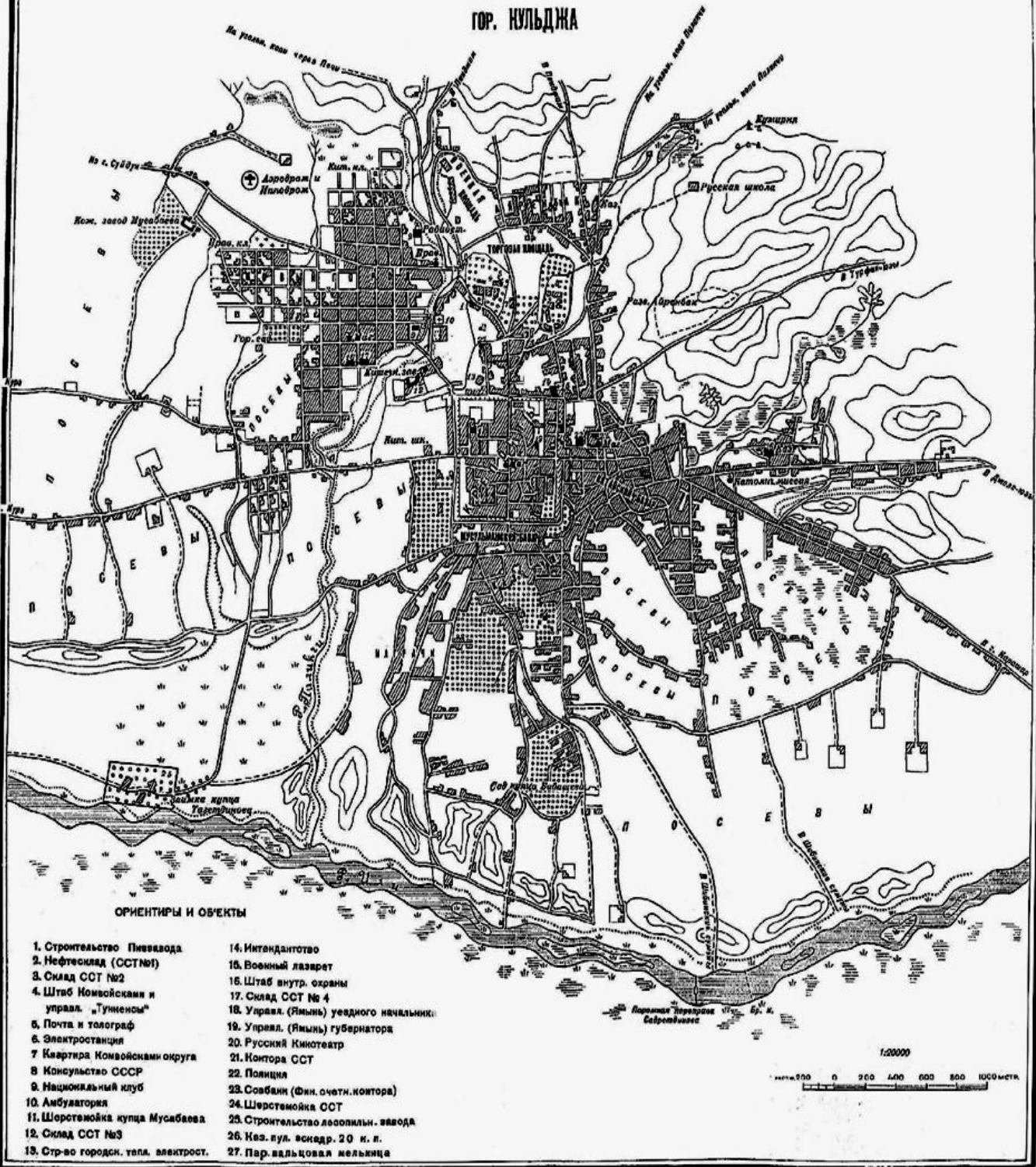
«Трескин так описывает это время: «Царили произвол и насилие; люди исчезали. Почти каждый день поступали сведения о новых арестах. Ночью к дому подходил автомобиль «чёрный ворон», врвалась группа следователей, производился обыск, конфисковалось всё, что вызывало подозрения, забирали главу семьи и уезжали. С семьями арестованных прекращалось общение, знакомые и друзья их избегали и сторонились, боясь навлечь подозрение». В большинстве случаев обвиняли в заговоре по свержению правительства. При допросах заключённых подвергали

пыткам. Показания давали подставные свидетели. Многие не выдерживали истязаний и подписывали всё, что от них требовали. Как отмечает Трескин, «получалась беспрерывная цепь, которая тянула за собой новых обречённых». Свидания и переписка с заключёнными не разрешались, «но передачи принимали, хотя многих арестованных давно не было в живых». С начала 1950-х гг. русские стали разъезжаться в массовом количестве. Часть эмигрировали в Австралию, Аргентину, США, другие репатриировались в СССР. Оставшиеся в Синьцзяне русские после ухудшения советско-китайских отношений начали подвергаться притеснениям, гонениям, снова начались исчезновения.

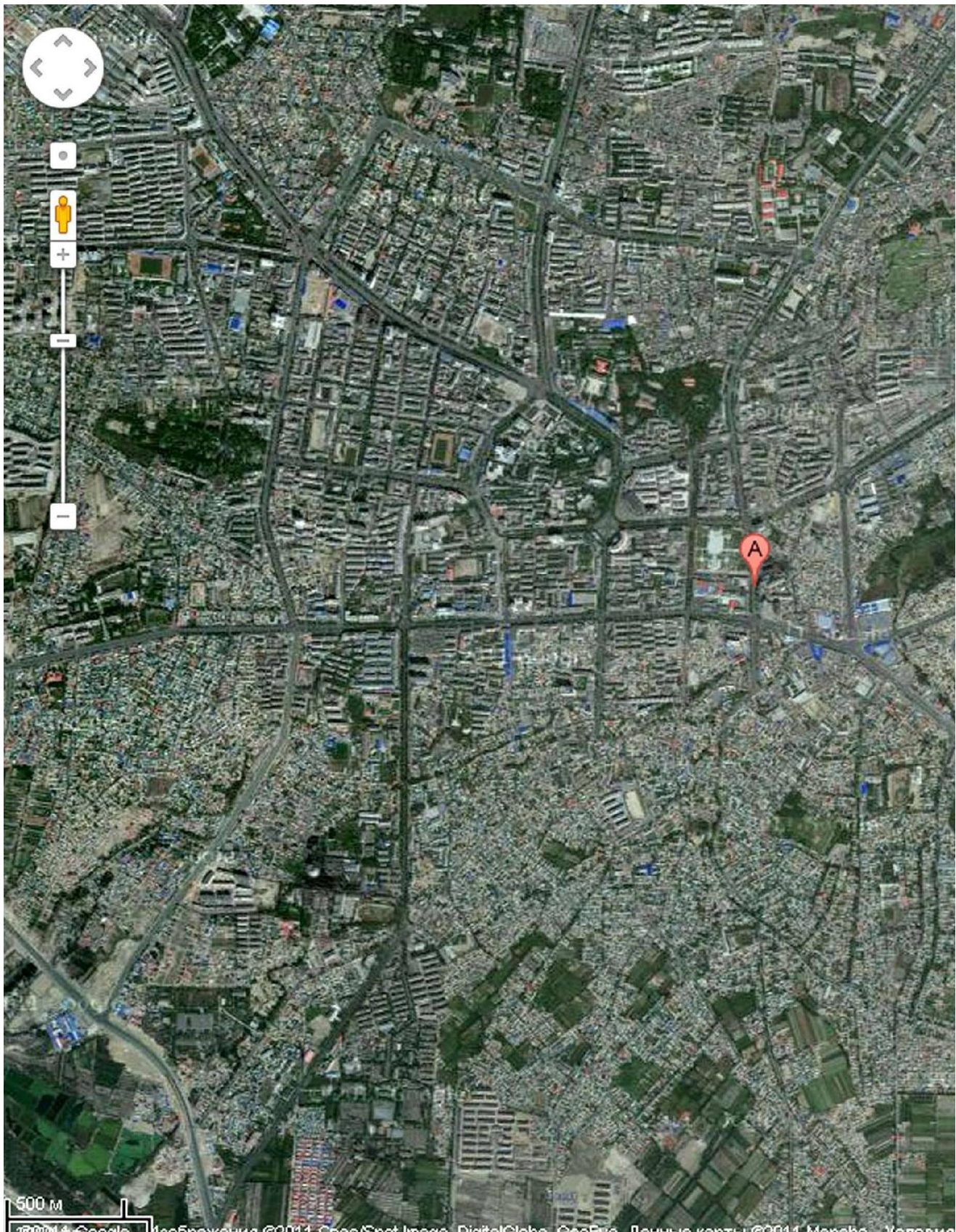
Их угоняли в лагеря на работы, откуда практически никто не возвращался. Именно поэтому число русских в Синьцзяне на протяжении 50-х и в особенности 60-х гг. XX в. постоянно уменьшалось. Пути эмиграции оставались теми же, что и в 40-е гг.: в Шанхай, затем в Австралию или США или в Советский Союз. Тем не менее часть русских всё же остались в Синьцзяне. По данным политуправления Средне-Азиатского военного округа, в 1980г. в провинции находилось 600 человек русских».

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

ГОР. КУЛЬДЖА

1937 г. Схематический план г.Кульджа в Синьцзяне.

2012 г. центр г. Кульджи, знак «А» на ул. Победа, мкр. Аримбак – от него вправо – вверх. Территория консульства Советского Союза в Кульдже – сады влево - вверх от знака «А»

2014 г. – мкр Аримбак г. Кульджа: внизу - расположены сады консульства Советского Союза с 1920 по 1960 годы, ул. Победа – следом - вверх, а за улицей слева стадион – место бывшей начальной Аримбакской русской школы.

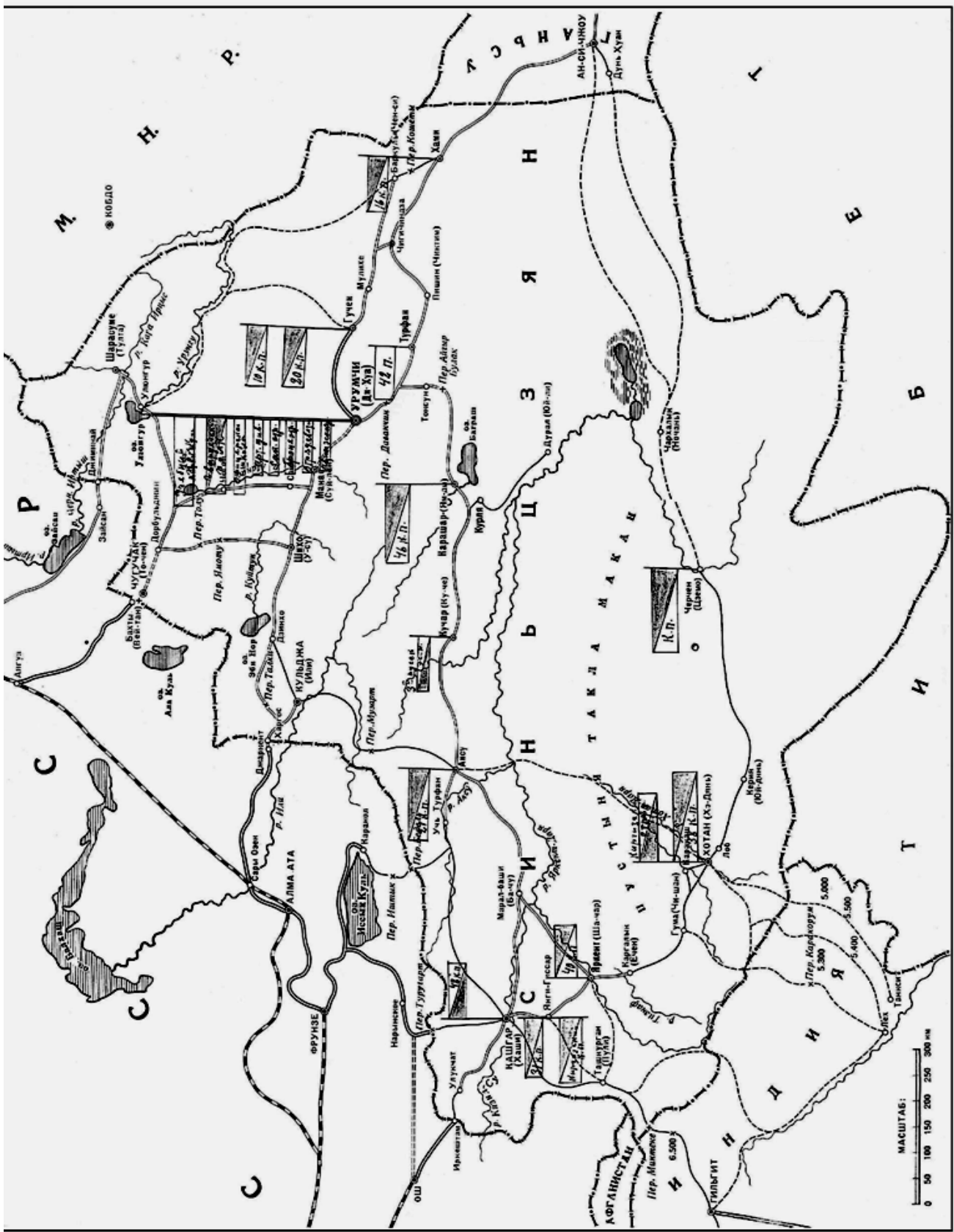
Борис Владимирович Анненков (9.03.1889 -24.08.1927 г.г.) – генерал в палатке. Центральный музей Вооруженных сил Министерства обороны РФ, 3/992412.

Александр Ильич Дутов (5.08.1879 – 6.02.1921г.г.) – генерал, Атаман Оренбургского казачьего войска.

Его преосвященство Виктор, епископ Пекинский и Китайский. Бывший офицер отряда генерала А.С. Бакича. ГАРФ, Ф.5873. Оп.1, Д.91, Л.85.

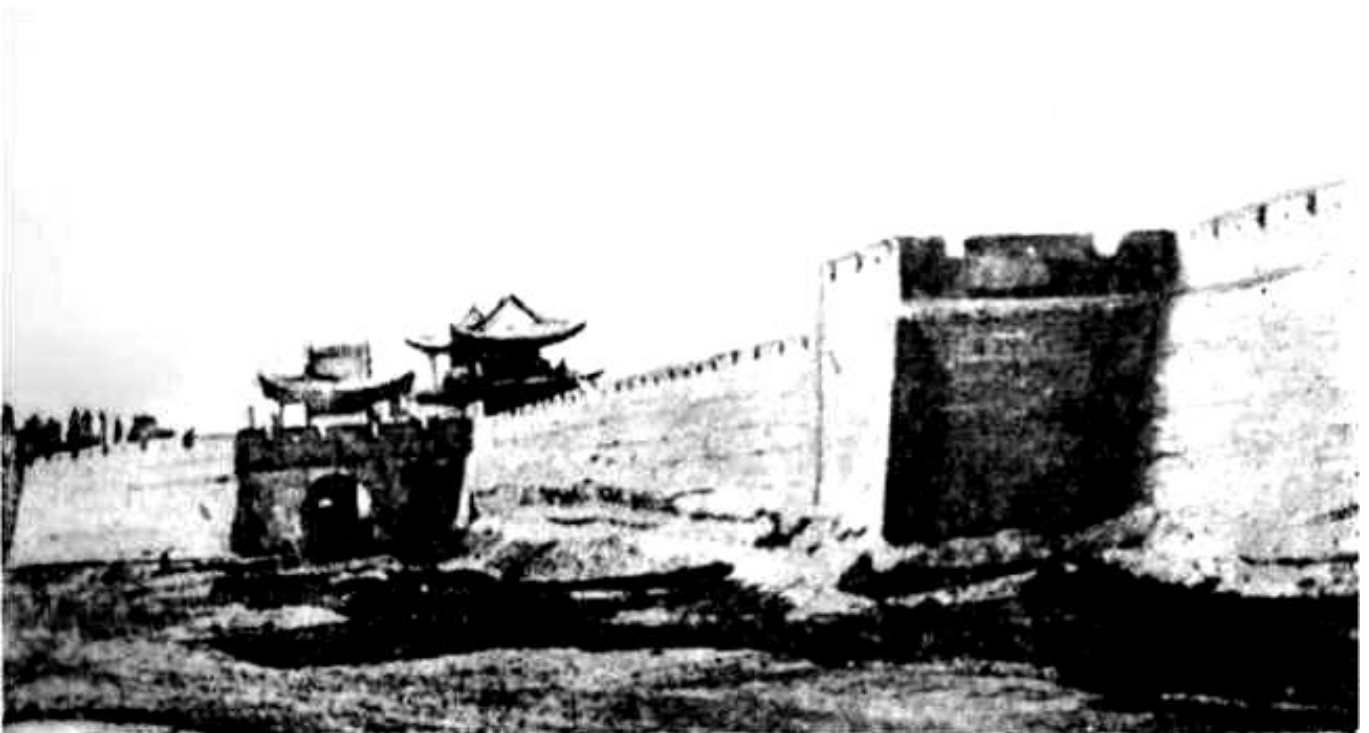
Андрей Степанович Бакич, (1878 – 1922г.г.) генерал Семиреченской армии белогвардейского войска в Синьцзяне. Фото предоставлено И.Е. Молоковым.

Карта дислокации вооруженных сил провинции Синцзян, 1936(6). РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 923. Л. 425.

Паромная переправа через реку Или. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 781. Л. 22

Кульджа. Крепостная стена. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 781. Л. 21

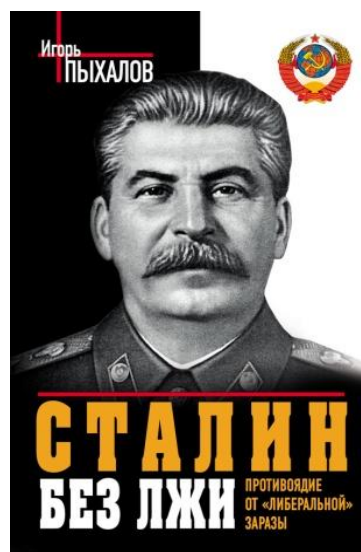
г. Кульджа. Одна из улиц. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 781. Л. 20

Квартира командующего войсками. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 781. Л. 16

Школа 7- средняя школа им. И. В. Сталина, г. Кульджа , Синьцзян.

Участники группы - выпускников школы им. И.Сталина, г.Кульджи

Троянская (Крамарева) 66 лет, Тула, Россия.

Виктор Чечелев 86 лет, Алматы, Казахстан. Директор школы им. И.В. Сталина 1949-58 г.г.

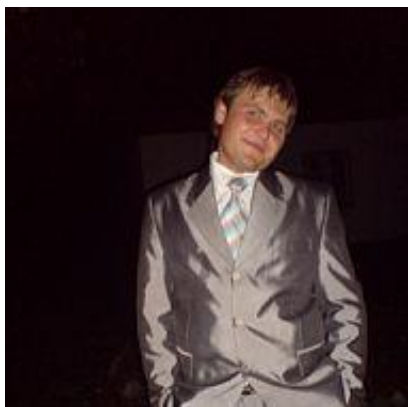
Ysa kederma 42 год, Кульджа, Китай .

Иван Гольм 76 лет, Шымкент - Москва, Россия.

Boris Zazulin 37 лет, Guangzhou, Китай

Aleksandr Kirpelov 25 лет, Kharkov, Украина.

Ольга Григоревна Бондарцева-(Саенко) г.Жирновск Волгоградской обл., Россия.

Анна Берсенева 77 лет, Текели, Казахстан

Валентина и Владимир Казанцевы, 75 лет, Тверь, Россия

Россия Мария Морозова (Никулина) 75 лет, Нижневартовск, Россия

Алёна Волкова 48 лет, Томск, Россия.

Римма Фёдоровна Тюрина-Фокина 77 лет, г.Балахна Нижегородской обл.

Анатолий Никитин 65 лет, Воронеж, Россия

Борис Хиер 70 лет, Кара-Балта, Кыргызстан

Валентина Михайловна Вороненко-Добрянская 76 лет, г.Кстово

Нижегородской области

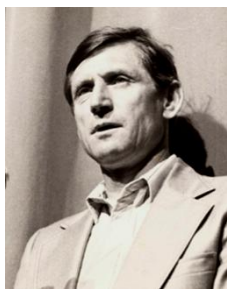
Валентина Ивановна Долдина 76 лет, г. Алма-Ата, Казахстан

Нина Ивановна Долдина – Худякова 73 года, г. Томск, Россия, Сибирь.

Екатерина Ивановна Софронова 73 года США, г. Бингхэмптон

Ростислав Юрьевич Петров 81 год г. Алма-Ата, завуч, директор школы - скончался 2013 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВА соотечественников

*Владимир Михайлович Уразовский, 1944 г.р., ст.
Вышестеблиевская, Темрюкский район, Краснодарский край.*

1930г. г. Сарканд. Дед Иван Никандрович Ольшанский с семьей, Мама вторая справа - 5 лет. Жена деда Ивана Дарья Кирилловна с дочкой Леной на руках. Справа от мамы её сестра Зина. Впереди мл. брат Павел. Справа мать бабы Дарьи.

- 1946г. Кульджа, Китай. Отец (Михаил Федорович Уразовский) вернулся с войны после боёв в Солёных Песках Синьцзяна. Мне около двух лет, я на руках у мамы. Справа отец. Слева сестра мамы - Лена 16 лет (в замужестве Босикова).

1956 год. После переезда из Кульджи. Казахстан. Актюбинская обл. Целинный зерносовхоз Акраб. Я (справа), братишка и сёстры с сестрой отца Марией.

- 2012 г. Ташкент. С другом Юрием Николаевичем Артемовым, бывшим нач. штаба тыла Ограниченного контингента советских войск в Афганистане и прототипом главного героя Алексея Арсеньева романа «Гром небесный».

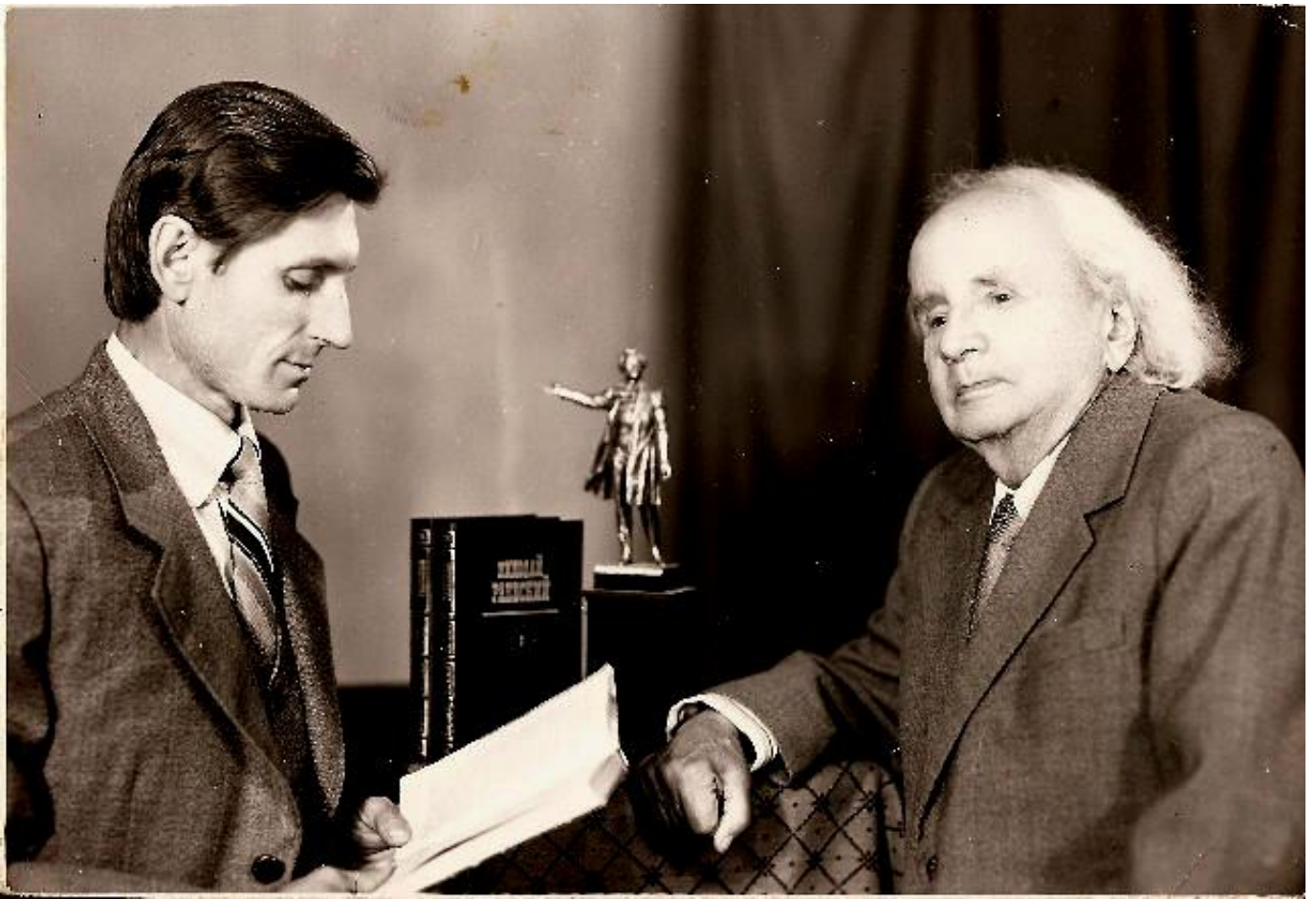
-1962 год, Сарканд. Семья Михаила Федоровича и Марии Ивановны Уразовских:
Софья 1952г., Александр 1950г., Галина 1946г., Владимир 1944г., Валентина 1956г.

- 1966 г. сентябрь. Фрунзе. После окончания Ачинского ВАТУ. На пути к месту распределения. Алма- ата - Москва - Смоленск (штаб Армии) Калинин (штаб дивизии Мигалово. 173 авиаполк))

18 мая 1991 г. Гранд Форкс Канада, Всемирный фестиваль духоборцев. Я и дядя Виктор Уразовский с вождями духоборцев Лукерьей и Иваном Веригиными.

- 1984 г. Алма-Ата, С великим русским писателем - пушкинистом Н.А. Раевским. Обсуждение моей научно - исследовательской книги о Пушкине " Новый взгляд на жизнь и творчество Пушкина. Я не тёмный, кудрявый пигмей"

- 14 июля, 1991г. город Вернон , Канада. В день отъезда в Россию, во дворе у Чирковых. Брат отца Виктор слева от меня. В центре жена Виктора Рая и его дочь Наталья Уразовские.

- 1995г. Дядя Виктор у нас в гостях на Кубани, В центре сын Кирилл. Справо-налево : Александр Яковенко, Фёдор Уразовский, брат Александр, я, Виктор Уразовский, Александр Богдашкин.

У моего деда по матери Ивана отцом был Никандр Ольшанский: родился в 1848 году и умер в эмиграции в Синьцзяне в возрасте 99 лет в 1947 году. По преданию, он закончил горный университет в Петербурге и принимал участие в движении народолюбцев. У него был отец Макар, примерно 1820 года рождения и дед Савелий, примерно 1790 года рождения. Мой дед Иван Ольшанский, в Гражданскую войну служил заместителем командира эскадрона в Конной армии С.М. Буденного. После Гражданской он командовал крупным воинским подразделением в г. Алма-Ате. Сохранились сведения, что он также являлся первым военным комендантом г. Алма-Аты. В начале тридцатых годов прошлого столетия в Казахстане началась коллективизация. Дед Иван имел семь дочерей и одного сына, семь рек и семь звёзд над головой и семь поприщ земли. Позже, на землях моего прапрадеда, в междуречье Саркандки и Баскана, доставшихся по наследству моему деду Ивану, в период

коллективизации, было организовано три совхоза Семиречья! И в этих же годах мой дед Иван, якобы, попадает в расстрельные списки. Спасаясь от расстрела, как говорит об этом легенда, с семьей он вынужден был переселиться в Синьцзян - Уйгурский автономный округ Китая. Эту легенду опровергла сама жизнь! Изучение архивов и его жизни в Синьцзяне и трагическая смерть в 1944 году показывают, что мой дед Иван находился там, как советский офицер с определёнными целями. Семиречье от Китая отделяют отроги Джунгарских Алатау.

Сколько миллионов казаков и людей других сословий перевалило тогда через эти горы, уже никто нам не скажет. Однако, в расстрельные списки мой дед Иван угодил и там, в Китае. Только теперь уже вместе со своим единственным сыном Павлом. Гоминдановцы после жестоких пыток и истязаний залили ему рот расплавленным оловом, а затем, разрезали его тело на три части. И выдал его истязателям русский, по фамилии Федченко. Одна из моих теток встретила этого предателя в 1960 году в небольшом городке Сарканд под Алма-Атой, в магазине. Узнав его, она схватила за руку, но удержать его она не смогла, а люди не помогли. Он вырвался и убежал.

Моей матушке Марии Ивановне тоже довелось немало испытать в своей жизни. У моей матушки в паспорте, в графе национальность, уже значилось – казачка. К сожалению, наши родители о многом боялись говорить. Особенно о своем прошлом и о своих корнях. Время было такое, что только за одни эти корни могли поставить к стенке. Она родила моему отцу семерых детей и смолоду слыла искуснейшей поварихой. Когда председатель Коммунистической партии Китая Мао Цзе-Дун вместе со своими сподвижниками - руководителями Народного Китая Чжоу Энь Лаем и Чжу Дэ прилетел в Кульджу, мою матушку пригласили к ним в качестве повара. Мао Цзе-Дун оценил ее поварской талант, доставшийся ей по наследству, от матери Дарьи Кирилловны и подарил за работу три рулона дорогой мануфактуры: вельвета, шевиота и чесучи. Если об истории рода Ольшанских, то есть по материнской линии, некоторые сведения мне собрать, всё же, удалось, то о происхождении отцовского рода, вплоть до 1991 года, не было известно ничего.

Юрий Николаевич Артёмов, прототип Алексея Арсеньева из романа «Гром небесный», жив и здоров, и проживает в Ташкенте. Он был на этой войне начальником штаба тыла Ограниченного контингента войск в Афганистане с 1979 по 1983 годы, а ушёл в запас с этой генеральской должности подполковником. Именно он участвовал во многих эпизодах афганской войны, которые описаны в романе. Однако ни с Полиной, ни с Серафимой он в жизни не встречался. Не был он и в Египте. Иван Кольцов и Серафима, как и Юрий Артемов, обобщенные художественные образы моих современников в реальной жизни и в военных событиях. Герои романа это моя любовь и моё прошлое.

Мой дед по отцу Фёдор Уразовский возвращаться в С.С.С.Р. не хотел и в начале 60-х годов попытался уйти с семьёй через Тибет в Индию. Летом 1944 года, распродав всё своё имущество, он с семьёй отправляется из Кульджи к горному перевалу Муздаван, где даже летом на скалах лежали льды. Перейти границу можно была в двух местах; по козьей тропе и по руслу высохшей реки. Однако деда остановили опасности двадцатидневного перехода в Индию. Дед Фёдор отличался крепким здоровьем и мог в возрасте шестидесяти лет пройти за день шестьдесят километров. Он выжил, даже когда его укусил скорпион.

В этих горах едва не погиб и мой дядя Виктор Уразовский. Однажды, в Карашаре, когда ему было лет семь-восемь, его хотел застрелить офицер гомиьндановский. Да на счастье заступилась мать, которая поставила сына на колени перед ним. Это считалось у китайцев проявлением высшей степени уважения и офицер не стал расправляться с мальчишкой. После этого случая дядя перестал спать. Эта бессонница продолжается до сих пор, что не мешает ему быть первоклассным строителем. После четырёх лет скитаний по горам дед Фёдор с семьёй в 1948 году вернулся в центр Синьцзяна. Здесь он простудился, проболев год, 11 марта 1949 года умер и похоронен на русском кладбище г. Урумчи.

В 1991 году по туристической визе я приехал в Канаду к сводному брату отца Виктору Уразовскому. Он живёт в небольшом городке Вернон в провинции Британская Колумбия. Сюда из Синьцзяна в 1955 году, с десятилетним пребыванием в Австралии, переселилось около 200 русских

семей. Дядя и поведал мне историю происхождения нашей фамилии. Оказывается, правильное написание нашей фамилии Ура–Азовский. Фамилия сия добыта в бою при царе Петре I! Наш предок, добывший её при взятии Азова, носил фамилию Петров/ Из истории известно, что Петру I понадобилось совершить несколько военных компаний, чтобы отбить у турок Азов. Для этого под Воронежем была построена целая флотилия, которая в мае 1696 года и сыграла решающую роль в его взятии. Наш предок, будучи командиром воинского подразделения, ворвался в осаждённый город одним из первых! После боя, по заведенным в те времена правилам, царь Пётр, за героизм, перед строем, наградил его дворянским титулом и присвоил ему новую фамилию Ура–Азовский! Позже, его сын или внук командовал крупным воинским соединением в Польше, где женился на знатной и образованной полячке.

Оказавшись на пенсии, я завершил написание научной статьи, которую посвятил взаимоотношениям Александра Сергеевича Пушкина с Антоном Дельвигом и Анной Керн. В этот период, в зените своей славы находился выдающийся русский исследователь – пушкиновед Николай Алексеевич Раевский, который проживал недалеко от нас, в Алма–Ате. Судьба литератора, бывшего белого офицера Добровольческой армии, эмигрировавшего с генералом Врангелем в Европу, это судьба русского мученика, прошедшего дорогами скитаний и унижений нескольких европейских государств. День победы, над фашистской Германией, Раевский встретил в Праге, в Чехословакии. В тот же день, 9 мая 1945 года, он оказался в тюрьме НКВД. Советская власть продолжала считать его своим опаснейшим врагом, вместе с миллионами других белоэмигрантов. За арестом последовала депортация на родину и новые тюрьмы и ссылки. Последняя ссылка состоялась в 1960 году, когда его, на 67 году жизни, отправили под надзор КГБ в город Алма-Ату. В 1988 году Н.А. Раевский умер, а грянувшая перестройка лишила меня возможности опубликовать свою работу.

Из книги «Синьцзян...» Владимир Уразовский

... Я родился 7 ноября 1944 года в Кульдже. Гражданская война, которая полыхала в Китае, докатилась и до Кульджи. И в этот же день трагически погиб мой дед Иван Никандрович вместе со своим

единственным сыном Павлом. Гоминьдановцы, очевидно, имели к нему какие – то претензии и поэтому, узнав, что в Кульджу для защиты населения могут подойти регулярные войска Советской Армии, ворвались к нему в дом и схватили его вместе с сыном. Затем они подвергли их страшным пыткам. Пытки продолжались несколько суток. Под конец они залили им рты и глаза расплавленным оловом и разрезали их тела на три части...

... У моего деда осталась вдова и семеро дочерей. Могилу деда Ивана и его сына Павла, раскопали только в апреле 1945 года. Истерзанное тело его определили по чёрной рубашке. Деятельность и жизнь моего деда Ивана Никандровича Ольшанского в Синьцзяне полна тайн и загадок, как и его трагическая смерть. Можно только предполагать, с какой миссией он находился здесь, в Кульдже, на северо–западе Китая...

...По данным военного госпиталя, в Кульдже, за время войны с гоминьдановцами, в городе, с ноября 1944 года по февраль 1945 года, из числа русских эмигрантов, погибло семьсот человек...

В.М. Уразовский - Ноябрь 2012 г. Станица Вышестеблиевская,
Темрюкский район, Краснодарский край

ВЕСКИЕ ПРИЧИНЫ.

Владимир Казанцев, 22 мая 2014 г

Здравствуйте, Николай! Рад пообщаться с земляком, причём с двойным. Я ведь учился в ТПИ с 1964 по 1969г., затем работал на кафедре в ТПИ, с 1975 по 1979 на Приборном заводе Томска.

Мой прадед, по линии мамы, Белорусов Дмитрий, капитан 1-го ранга, служил в Кронштадте во второй половине 19-го века, годы точно я назвать не могу. После дуэли Указом царя был направлен в действующую Армию к генералу Скобелеву в Туркестан, тогда шло интенсивное присоединение Туркестана к России. Кстати он был первым русским комендантом г.Кульджи. Там родился и мой дед, Белорусов Виктор и моя

мама, а вот мой отец, Казанцев Иван в 16-ти летнем возрасте с мамой и младшими братом и сестрой в начале 30-х годов приехали из Алтая.

Жили мы в Кульдже в Новом городе, название улицы я не помню, это место между церковью и городским стадионом (городским «семейным» садом). Рядом с церковью была Гимназия, где я закончил 3-ри класса, а в 51-ом году купили дом рядом со Сталинской школой. Наш дом стоял на горке над школой, а дальше по нашей улице была городская полиция. Четыре года я отучился в Сталинской школе и в 55-м году выехали в Советский Союз и попали в Киргизию.

1. По линии Казанцевых.

Я никогда не видел, ни бабушки, ни деда, знаю только, что мой отец, Казанцев Иван Григорьевич, в 16-ть лет вместе с мамой, моей бабушкой, и младшими – сестрой Анной и братом Николаем, перешли границу в районе г.Зайсан в 1933г. Перешли ночью второпях, утром к ним должны были прийти с раскулачиванием, их кто-то из сердобольных соседей предупредил. Так что из богатства у них была бричка, лошадь, швейная машинка, да харчи с одеждой на первое время.

Подробности их мытарства в Китае я не знаю. Знаю, что отец закончил краткосрочные курсы Фельдшеров, участвовал в боях, в качестве медика, был ранен. И с конца 30-х г. работал в Кульдже в Советской больнице, причём несколько лет, от больницы, работал на выезде. Занимался организацией работы фельдшерских пунктов в Нилках, Кызыл Куре, Суйдуне, Чимпанзах, к тому времени он был женат и мы с мамой его сопровождали. Тогда он и приобрёл Богатейший опыт работы с больными, а с 1946г. его отозвали в Кульджу, где он работал врачом вплоть до самого отъезда в Союз в 1955г.

Его очень ценили, обращались за советом и помощью, он был прекрасным диагностом. Уже будучи в Союзе, к нему приезжали за советом и помощью его бывшие пациенты. Медицинститут он не закончил и до конца жизни работал фельдшером в медучреждениях. Ушёл из жизни в 1988г.

Владимир и Валентина Казанцевы

1958 г. - 10 кл. школы позади Майкоп 1963 год.

Валентина и Владимир Казанцевы г. Тверь, 2014 г.

2. По линии Белорусовых.

Очень скудные сведения – пытался я найти что то в архивах, газетах, журналах, но пока поиски не увенчались успехом. Упоминается дед – Белорусов Виктор Дмитриевич в книге «Семиречье».

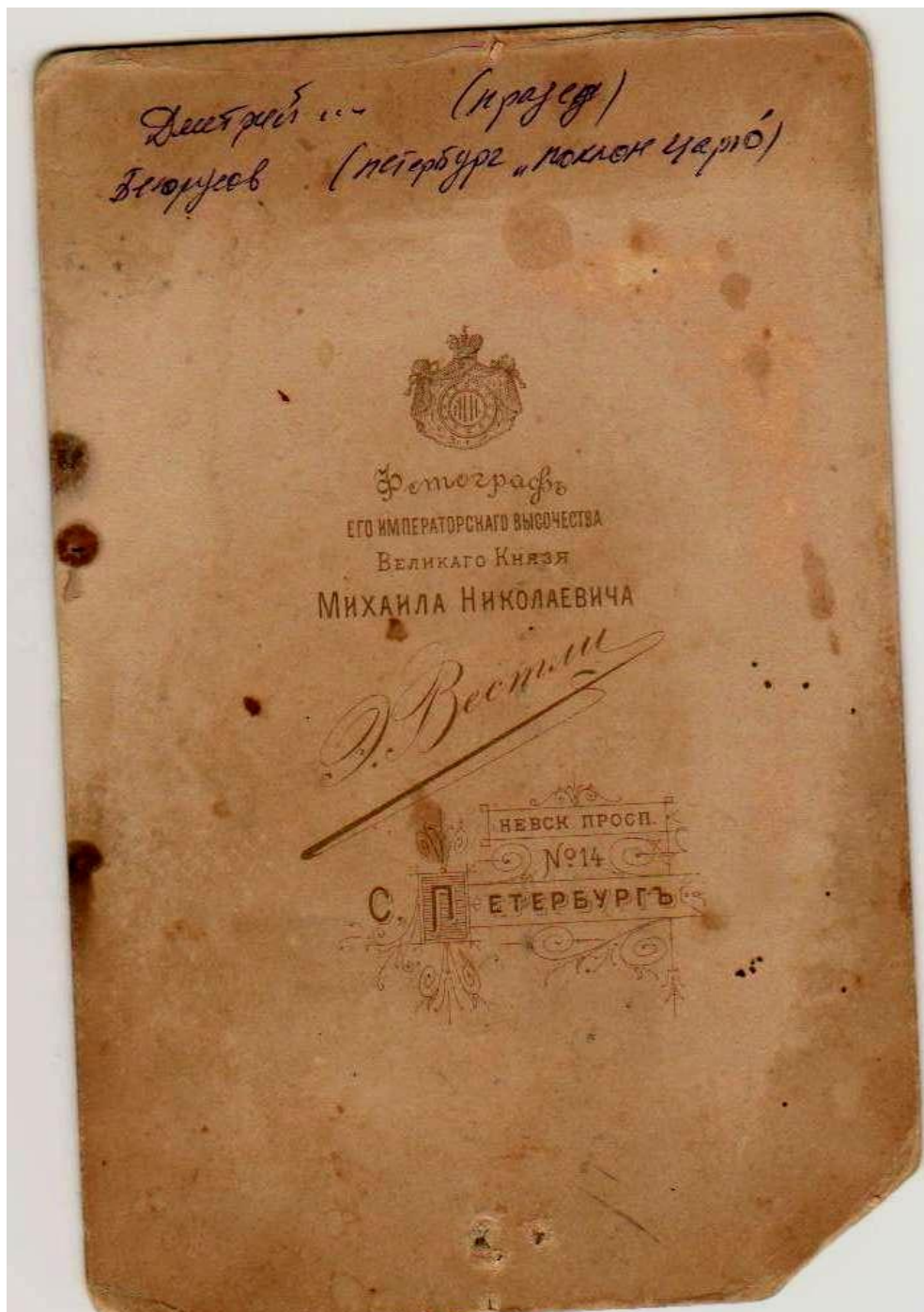
О прадеде – Белорусове Дмитриии ничего в литературе и архивах не нашёл, а у него очень яркая Биография и касается г. Кульджи. Белорусов Дмитрий, родился конец 30-х, начало 40-хг.г. 19 века, где родился, кто родители, где жил, учился я не знаю. Сохранилось из разговоров взрослых, что он был морским офицером, служил в Кронштадте, предположительно в штабе, в звании капитана 1-го ранга. В 1870-71г.г. после дуэли, с кем и как не знаю, Александром II был выслан, без права возвращения в столицу, в действующую армию в Туркестан, то ли к Скобелеву и Куропаткину в г.Фергану, то ли в Жаркент к генералу Колпаковскому. Была ли у него в Кронштадте семья я не знаю, скорее всего нет.

Начиная с середины 50-хг. (как Вы знаете), в Синьдзяне полыхало восстание дунган, горячо поддерживаемое таранчами (уйгурами), против китайцев, которых они нещадно вырезали. И по Просьбе центрального китайского правительства, Россия направила с миротворческой целью войска под общим командованием генерала Колпаковского. И летом 1871 г. Русскими войсками была занята г. Кульджа, военным комендантом которой впоследствии был назначен Дмитрий Белорусов. Воинское звание ему сохранили, но стал он сухопутным полковником. К сожалению Документов подтверждающих это назначение я не нашёл. Я не знаю с кем он прибыл в Кульджу, то ли с Колпаковским, то ли с Куропаткиным. Известно, что он был комендантом по 1881г. до вывода русских войск из Кульджи в г. Жаркент. О жизни прадеда в Жаркенте я практически ничего не знаю. Достоверно известно, что он женился, вышел в отставку, знаю о трёх детях – мой дед Виктор 1882-1885г.г. рождения и младших сёстрах – Лизавета и Наталья и ещё из разговоров взрослых, что прадед был состоятельным, богатым человеком.

Мысль о возвращении в столицу прадеда не покидала и он в (1898-1902) решил идти пешком на поклон к царю Николаю II за прощением. Благополучно дошёл до столицы, был принят царем Николаем II.

На фотографии Дмитрий Белорусов во время похода на «поклон» царю Николаю II.

Изображение фото с обратной стороны.

Был прощён, даже получил от него подарки, в том числе 2 кольца с царскими вензелями. О прадеде писали в газетах, печатали его фотографии, копию от единственного экземпляра фотографии, сделанную личным фотографом брата Николая II – Великого князя Михаила я Вам направляю, а вот кольца, к сожалению, были выкрадены в 70-е годы, во Фрунзе (ныне Бешкек). Однако вернуться в столицу с семьёй, Дмитрию было не суждено, началось смутное время – русско-японская компания, революция 1905г., женитьба сына, I-я мировая война и т.д.

Погиб мой прадед во время очередного восстания дунган в Жаркенте, ворвалась толпа в дом, разграбили, украли деньги, ценности, а Дмитрия зарезали. Так печально закончилась жизнь Первого русского коменданта г.Кульджи. Парадокс жизни в том, что в 1871-1881 гг. прадед защищал интересы дунган и таранчей, спасал их жизни, от китайского насилия, а в 1915-1916г.г. мой прадед от рук дунган и погиб...

От книги не откажусь, буду весьма благодарен.

Здравствуй, Николай! В том сражении под Рождество 1945 г. погиб и мой родной дядя Белорусов Борис Викторович. Прекрасно помню, как он пришёл домой, а мы жили ещё в старом доме в районе церкви и Гимназии, с винтовкой, весёлый и, чем запомнился его приход, он с двумя младшими братьями, Геннадием и Кириллом устроили во дворе дома соревнование по стрельбе из этой винтовки. Двор у нас был очень большой и огорожен очень высоким глиняным забором, толщиной не менее метра. Они поставили мишень к забору и с расстояния не менее 50м стреляли по ней, а я 4-х летний мальчишка стоял рядом и смотрел на эти соревнования. Вот таким он мне и запомнился - большим и весёлым. У него остались две малолетние девочки - Ирина и Алла. Судьба их мне не известна. Знаю, что они жили в Алма-Ата...

А вот отца в это время я помню смутно - его практически не было дома. Придёт поест, поспит и уходит. Отец об этом времени ничего не говорил, он по своему характеру был очень молчаливым, а я в 17лет уехал из дома и с родителями больше не жил, а в те мои приезды в отпуск, мы почему то о жизни в Китае никогда не говорили, о чём я, конечно, сейчас горько сожалею. Вот так брат, Николай.

Дома и с родителями вместе больше не жил и разговоров...

12 июля 2014 г.

Добрый день, Николай Иванович! Извини меня, что я не очень активный пользователь инета, во-первых, а во-вторых я первоклассник в использовании возможностей и функций компьютера и вообще в компьютерной грамотности. Только вчера обнаружил в своей почте присланные тобой ещё в мае воспоминания Сафроновой, за что огромное спасибо, начал внимательно читать. К сожалению, стиль изложения у неё несколько сумбурный, конечно она не писатель, как она пишет, поэтому приходится перечитывать и анализировать.

Я был участником тех событий и лично знал многих персонажей из её воспоминаний - Могутновы, Попингут, Лескин, Летниковы..., а

Сергеев Пётр Яковлевич мой не родной дядя, он был женат на самой старшей сестре моей мамы - Капитолине Викторовне Белорусовой. Мне не очень нравится в её изложении однобокость и некоторая предвзятость, а иногда и не совсем правда. Мягко говоря, неприязнь к коммунякам, а ведь это они, коммуняки, после опустошительной, страшной Отечественной войны, потеряв 27 миллионов населения, нашли возможность и направили средства на строительство и оснащение первокласным оборудованием школы (даже радиоузлом, которым некоторое время заведовал и я). Тем самым дав возможность получить ещё десяткам детей среднее образование, в том числе и ей, разгрузив Гимназию, которая с этой задачей давно не справлялась.

Им же обязаны расширением и оснащением больницы по тем временам первоклассным медицинским оборудованием и советскими врачами, в которой она тоже лечилась. Кстати, упомянутая ею доктор Шафика, была довольно близкой подругой моей мамы. Создавались совместные предприятия - Совкитнефть, Совкитметалл, транспортные и т.д. в которых работали и мои родные дядьки - Вениамин, Геннадий, Кирилл Белорусовы.

Непонятны её воспоминания о якобы какой-то неприязни между учащимися Гимназии и Сталинской школы, все ученики Сталинской школы это бывшие ученики Гимназии, как и учителя. Бессменный директор Гимназии Минюхин, запомнил имя и отчество, стал первым директором Сталинской школы.

Да проводились спортивные мероприятия, участником которых были ваш покорный слуга, однако дальше спортивного азарта и криков болельщиков ничего не было. Поясняю: в Гимназии я учился с 1949 по 52г.г. со 2-го по 4-й класс. В это время наша семья (Казанцевы - папа, мама и мы с младшим братом Виктором) жили в бабушкином, Белорусовой Анны Ивановны (Косинцевой), доме, стоявшем в Новом городе между Семейным Садам и Гимназией.

А в 52г. бабушка этот дом продала, поскольку он функции большого семейного дома выполнил. Напоминаю, у бабушки было 13 детей, дети выросли и разъехались и такой большой дом стал не нужным. Купила дом поменьше на высоком берегу Пеличинки в самом центре Кульджи, а в метрах 500-ах от нашего дома построили Сталинскую школу, где я и учился до 1955г. закончив 7 классов.

Вот видишь Николай, перед тобой два взгляда на ту жизнь, один Сафроновой и её трудовой семьи, прошедших через столько страданий и другой наш - детей и внуков белых офицеров, служивших верой и правдой своему отечеству, оказавшихся волею судьбы за пределами

Родины сумевших сохранить самобытность русской нации, организовавшие школы, больницы, русские общества, поддерживающих друг друга в сложных и трудных ситуациях, испытавших не меньше страданий, чем первые. Парадокс - первые уехали на чужбину, а вторые вернулись в лоно России - матушки, хотя все прекрасно понимали, что их ждёт в Союзе. Конечно, об этом можно спорить, философствовать, лучше всего за рюмкой чая и выяснять истину. На твои вопросы я отвечу в следующем послании.

14 июля 2014 г.

С высоты своих лет, взглядываясь назад в прошлое в своё детство, анализируя те события и время, невольно приходишь к мысли - как небольшая горстка русских людей сумела выжить в чужеродной среде. И не только выжить, а сохранить язык, самобытность, обычаи, веру и тебя окутывает теплота, гордость, бесконечная любовь и уважение к нашим предкам, вложившим в нас, детей, частицу того Русского Духа, который всегда в лихую годину спланивал русских людей на преодоление тех или иных испытаний. Представь себе, что в то беспокойное время, когда на территории Синьцзяна непрерывно шли войны, то уйгуры (таранчи)с дунганцами шли бить китайцев, то наоборот, то уйгурские и дунганские ханы дрались между собой за власть, горстка энтузиастов, к сожалению я не могу их перечислить, и узнаем ли мы когда-нибудь о них? Думали о будущем своих детей и детей волей судьбы родившихся в Синьцзяне.

Не буду фантазировать на предмет того, откуда брались средства на аренду или строительства зданий школ, оборудования классов, приобретения тетрадей, учебников, ручек и т.д., кто были первыми учителями в школах, но кто бы они ни были низкий им поклон, огромную любовь и уважение. Напишу только о том чему я был свидетель и о тех фактах и событиях, которые я слышал в разговорах взрослых и которые у меня не вызывают сомнений. Как известно в Кульдже функционировали 2 школы - Арымбакская, сначала семилетка, а после открытия Гимназии - десятилетки, она стала 4-хлетка.

Были организованы курсы по подготовке учителей не только в школы Кульджи, но и всего северо-запада Синьцзяна. Были ли они платные, не знаю, но предполагаю, на безвозмездной основе. Слушателей на эти курсы набирали из выпускников Гимназии, а впоследствии и из Сталинской школы, имеющих склонность и желание работать в школах. Двух организаторов и одновременно преподавателей этих курсов я хорошо знал, это Минюхин - директор Гимназии, и Попингут -

Директриса Арымбакской школы. С младшей дочерью Минюхина - Татьяной я учился, водил дружбу, неоднократно бывал у них в доме, находившийся напротив Гимназии. Эти курсы закончила и моя мама, Белорусова Муза Викторовна, и в 1939г. семнадцатилетней девушкой была направлена в школу г.Кызыл-Куре, где и познакомилась с молодым 22х летним доктором Казанцевым Иваном Григорьевичем, а в 1941г. появился я, это так к слову, но вернёмся к образованию.

Слушатели этих курсов получали документ об окончании курсов и направлялись на работу в те города и поселения, где русские общины открывали школы для своих детей, как правило, начальные. Отмечу, что этот документ был признан и в системе школьного образования в Союзе - как учителя начальных классов. То же самое и с медициной - было какое-то учебное заведение, где готовили медсестёр - акушерок и фельдшеров для всего северо-запада Синьцзяна, которое закончил мой отец и этих новоиспечённых медиков отправляли по всему северо-западу. Впоследствии всей этой организационной работой стала заниматься Советская больница, кстати и документ этих курсов был признан на территории Союза. О том какая это была необходимая и большая организационная работа я расскажу на примере своей семьи. Со дня моего рождения и до окончательного обоснования в Кульдже, а это 8лет, наша семья проехала г.г.Нилки, Суйдун, Чимпанзы, упомянутое Кызыл Куре, причём отца то отзывали в Кульджу, то опять отправляли в нуждающиеся поселения.

Жили мы как правило в квартирах при больнице. Больничный "комплекс" представлял следующее: Дом, стоящий как правило в центре поселения со входом со стороны улицы и входом со двора, 2-3 комнатки-одна приёмное отделение, где отец принимал больных, вторая - стационар на 2-3 койки, редко больше в зависимости от количества населения в посёлке или городке, и 3-я комната - аптека, где на видном месте стояли аптекарские весы, хранились готовые медикаменты и где отец вечерами колдовал над изготовлением порошков и настоек. К этому дому примыкал большой двор, в котором с одной стороны находилась квартира доктора с внутренним входом в больничный корпус, далее складские помещения, где хранилось не используемое больничное оборудование, казённое бельё, матрасы, уголок для прачечной с корытами и стиральными досками и т.д. Далее примыкал склад для топлива (угля и дров). Далее - конюшня с одной или двумя лошадьми, сарай для подводы или брички, сенник. На противоположной стороне от квартиры доктора было жилое помещение для семьи завхоза. Он

исполнял обязанности завхоза, дворника, конюха, сторожа, т.е. выполнял всю мужскую работу по функционированию больничного комплекса. Она сестра-хозяйка, нянечка, прачка и т.д. Во дворе находился колодец для питьевых и хозяйственных нужд, а на заднем дворе - туалет и место для утилизации больничных отходов - бинтов, повязок и пр. предметы лечебной деятельности, они, как правило заливались хлорной известью и потом куда то вывозились на захоронение.

Помню эти длинные зимние вечера, когда отец либо работал в аптеке, либо сидел в гостиной за изучением медицинской литературы, либо делал записи в истории болезни своих больных, анализировал и делал выводы о правильности назначения и течении болезни. А мама проверяла тетради своих учеников и готовилась к урокам на следующий день. Всю эту идеалистическую картину освещала 5-ти или 7-ми линейная керосиновая лампа, а на худой конец, когда заканчивался керосин, "чирик" - сосуд с постным маслом и фитилём из ваты, который нещадно коптил. Отец принимал не только в больнице, но и постоянно ездил на вызовы по близлежащим заимкам. Брал свою сумку с инструментом, набор лекарств и отправлялся на подводе или верхом к больному. Пока не потерял глаз в 44 или 45 году, он практиковал и небольшие хирургические операции.

Помню трагикомичный случай, отец утром уехал на дальнюю заимку, а вечером вернулся конь без отца, но с сумкой медицинской. Все естественно всполошились, поехали искать, нашли на следующий день сидящим на дереве, а под деревом разъярённый верблюд. Оказалось, его путь лежал мимо стада пасущихся верблюдов, а у вожака был "гон". Ну, он в ярости и погнался за отцом, по счастью он увидел одинокое дерево, направил к нему коня и, схватившись на ходу за сук, он успел подняться на дерево, а лошадь ускакала и вернулась домой. Верблюда отогнали, спустили отца на землю и привезли домой, весёлого смеха было много - на всю провинцию...

Иван Гольм

26 июля 2013 г.

Здравствуйте! В Аринбаке до 1956 года жила моя двоюродная сестра Гольм Аля! Я сам учился в Чугучаке в средняя школа, им, Молотова до 1956 года, с 1958 до 1960 года учился в Сталинской школе! Хорошо знаю ребят вашего возраста из гимназии! Коля Дудин, Саша Алексеев, Вася Рукавичников и т, д, Знаю многих учителей! Знаю кто куда уехал!

Рад, что Вы мне написали! Кульджа мне очень много дала в смысле развития! Из гимназии я знал учителей. Лисюкову Елизавету Васильевну, Турко - он был и директором Аринбакской начальной школы, Болдыреву, Комарову Галину Ивановну, Шевцова! А директор Турко погиб в Австралии в автомобильной катастрофе.

Если Ваш отец погиб в 1944 году, то за кого же он воевал?! Отца моего звали Александр, деда Фридрих. Он - датчанин из Москвы, там владел крупной недвижимостью и поэтому бежал! В Москве у меня трое детей, пять внучек и один внук.

27 июля 2013 г.

У Уразовского написано как будто - это дневник, бегло, торопливо! Найдите - Екатерина Ивановна Софронова с комментариями А. Попова! Книга называется - «Где ты, моя родина?». Она училась в русской гимназии и очень хорошо и доступно повествует об этих годах!

А Вы знакомы с Уразовским, и где он живет?!

Я Вас покину на какое-то длинное время, - улетаю в Москву - там живут трое моих детей, пятеро внучек и один внук и масса родственников и племянников. Как приеду - продолжу переписку!

28 мая 2014 г.

Привет. В своей книге Софронова пишет, что часто собирались в Лесничестве и на Хуторе. Осенью 59 года она уже оставила школу. в связи с чемоданным настроением в Австралию. Как-то мой товарищ предложил мне - пойдём к девкам на Хутор. Мы пошли и там была молодежь человек 20. Разговаривали, смеялись... танцевали. Там я познакомился с девушкой, она назвалась Катей. Я запомнил ее - она была небольшого роста и вся в веснушках. Я почему-то уверен, что это была она. Мой друг Саша Алексеев учился с ней в одном классе в 7 - ом в гимназии и он мне сказал, что девушка хорошая, но мне не понравились ее веснушки, и ехать в Австралию в мои планы не входило.

Она пишет, что две девушки спрятались и отказались ехать с родителями на Запад. Это было на моих глазах, и мы с другом помогали им в этом. Правы мы были тогда или нет - рассудит время. Фамилии этих девушек - Югова и Карманчук...

Римма Фёдоровна Тюрина-Фокина

28 сент 2013 г.

Здравствуйтесь Николай Иванович, моя девичья фамилия Тюрина, а по мужу Фокина, я тоже вначале ходила в гимназию, а потом перешла в школу им. Сталина. Там училась 7 классов, жили мы недалеко от церкви и часто в церковь ходили, папа наш занимался пчеловодством. А вы знали Витю Макарова, он уехал в Австралию потом? Ещё был Усатов Виктор, он потом женился на Шурочке, они тоже уехали в Австралию, ещё Любов Володя, также уехали в Австралию, вы кого-нибудь знаете из них? Сейчас уже много лет прошло, многое забылось, иногда вспоминается отрывками а так бы хотелось узнать как сложилась судьба близких, знакомых... мы выехали из Китая в феврале 1963 году и проживали в Казахстане в Алмаатинской области до 2003 года...

Галина Троянская (Крамарева)

2 янв 2013 г.

Моя мама девичья фамилия Лакеева уехали в Союз и жили в Киргизии ее брат Лакеев Михаил Лукьянович переехали Краснодарский край. Семья Каржовых жила во Фрунзе то есть теперь Бешкек, семья Дерябиных вроде бы уехали в Австралию, а больше я не знаю...

Павел Мельников

28 апр 2013

Здравствуйтесь Николай родители мои жили сначала в переулке Моинкисек (за точность написания не поручаюсь) потом переехали поближе к консульству. Шишлановы пасеку не держали никогда, они в летний период занимались охраной садов, пасеку держали в Сарбулаке, Шумейко, Дъяченко, Воробьевы, Скопцовы, Бутины. Из Китая родители уехали в 1953 году в числе первых. Вот и все новости...

5 ноя 2013г.

Дело в том, что вы военные, а мои простые русские люди, которые волей судеб оказались на чужбине: маминых родителей раскулачили. Деда - Безносков Яков, бабуля Ольга. А родители папины от голода ушли. Из Китая мы уехали в 1958г в Казахстан в Талды-Курган семья большая 10 детей. Я в Кульдже закончила 1 класс в 1957 г., а дальше судьба с нами распорядилась по своему. Будет время я выставлю фотки старших сестёр может быть вы их вспомните: Мария и Зина, Люба они вашего возраста. А в Кульдже мы жили у деда с бабой: Кокшенев Борис – 1875 г.р., он плотничал был великолепным мастером...

Я эти все названия помню и речку Аримбачку и улицы Победа, Сталина - так на слуху, но я была такой ещё маленькой. Помню цирк, огромные уличные базары, летом мы жили с родителями на заимке: у папы была мельница и к нему везли зерно молоть. Спасибо вам за просмотр моей работы! Спасибо вам за оценки! Мама - Прасковья Яковлевна, папа - Иван Борисович. И вас с наступающим 2014 Новым Годом! Удачи вам во всём! До свидания.

Во временах жизни...

Евгений Иванович Дьячков,

10 февр. 2015г.

Здравствуй, брат по интернату! Бесконечно рад встрече с первым моим одноклассником и гимназистом. Ищу давно земляков. И вот она первая удача... С 1949 по 1952 год учился в начальной школе, с 52 по 55 учился в русской гимназии в Кульдже и жил в интернате. Сейчас мне 75 лет, почти ослеп, стараюсь работать с помощниками и друзьями на тему «Русская эмиграция в Кульдже».

Ты поступил в гимназию немного позже меня. Но в коридорах гимназии и в классах наши пути пересекались. Я же начальные 4 класса окончил в городе Тогызтарау и в селе Мухур-Джергалан. 5 класс гимназии проживал у материной сестры на углу трассы Кульджа Харгос: перед мостом через речку Пиличинка, около клуба генерала Исхакбека. На время учебы в 6 классе жил в ста пятидесяти метрах от гимназии в комнатке с бабушкой и сестрой, квартиру снимали у уйгуров.

В интернате Кульджи мы с сестрой жили не долгое время. Позже сестра уехала домой, а я учился в гимназии до 1 июня 1955 года. Из интерната я погрузился в машину колонны, которая везла Кульджинцев на целинные земли. В Харгосе нас всех погрузили на две баржи «Каркаралинск и Казалинск». В этом ржавом железе, с мутной водой, которая плескалась под дощатым настилом, мы доплыли до железной дороги. На станции Капчагай нас погрузили в телячьи вагоны, и мы пол-месяца, в июньскую жару, добирались до целины. Выгрузили нас на станции Казахстан, не доезжая 120 км до Уральска. Больше года прожили на четвертом отделении совхоза «Бурлинский». Седьмой класс закончил в райцентре Бурли, жил в интернате. Потом семье разрешили выехать к родственникам по месту раскулачивания и мы вернулись в Киргизию, к дяде моего отца Григорию Васильевичу Дьячкову - он вернулся с германского фронта без левой руки и полным Георгиеским кавалером...

...Пути наших предков по многим известным нам причинам действительно неисповедимы, а часто и тщательно скрываемы: лишняя информация в те времена могла обернуться бедой. Историю предков приходится собирать по крохам, в ней много белых пятен и закрытых тайн.

Вот что я мог выяснить о своей семье - Дед по материнской линии, Иван Иванович Пшеничный, был станичным атаманом в городе Жаркенте (Панфилове). Он запечатлен на фотографии 1913 года в групповом снимке Семиреченского Казачьего правительства во главе с губернатором, членами правления среди других 12 станичных атаманов. Фотография была сделана по поводу празднования трехсотлетия Дома Романовых. В германскую войну 1914 года в составе второй отдельной сотни Семереченских казаков дед был отправлен на фронт в Карпаты.

Года через полтора вернулся в Жаркент, где опять стал станичным атаманом. Его отец, видимо, в Семиречье попал с вторым казачьим полком сибирского казачьего войска 1867 году после указа императора Александра II о создании Семиреченского казачьего войска.

В конце 1920 года Жаркент заняла армия атамана Дутова - все окрестные села и город были определены на фуражировку и постой казаков. Дед, который жил в с. Башкуньчи собирал продовольствия и фураж для армии атамана. После того как красные выбили Дутова из Жаркента, он увел своё войско в Суйдун в Синьцзян. Здесь его казаки были расквартированы в Китайкой крепости цитадели, им оставили по одной винтовке на десять человек. Красные, установившие советскую власть в Жаркенте, стали таскать его в ЧК как пособника белогвардейцам. Дед аргументировал свою помощь как исполнения служебного долга станичного атамана. Говорил, что только недавно закончил аналогичную фуражировку для Красной Армии. Дважды его отпускали, после третьего ареста держали больше месяца.

Держали одного в амбаре из под зерна: хлеб, вода, часовой за дверью. Однажды ночью услышал стук в окно, прислушался. Ему потихоньку проговорили, что утром его собираются расстрелять. Говоривший предложил попроситься у солдата в туалет, сказав, что он в туалете оторвал две доски в задней стенке, что в низу в овраге, его ждет оседланный конь. Посоветовал мчаться домой, вооружиться и на своем коне уходить в Китай. Коня разрешил бросить, сказав, что он придет домой сам. Он так и сделал. Но, погоня из пяти Красноармейцев уже на рассвете стала настигать его уже на Китайской стороне. Пятеро стреляли по нему и его коню. Исход был бы предрешен, но дед уходил на своем боевом коне, который был приучен по команде ложиться. Дед залег за него и стал отстреливаться из карабина, скорее всего подстрелил одного - двух коней. Тогда погоня отстала, и он уехал к атаману Дутову, где полгода жил с тремя его казаками в одном каземате. Я не удержался и спросил мать, что стало с преследователями. Она сказала:

- А зачем тебе знать об этом?

Даже через полсотни с лишним лет страх не отпускал наших родителей из боязни навлечь беду на детей. Думаю, что казаку прошедшему войну, ничего не стоило перестрелять их. Но он знал, что ждало его семью из девяти детей в отместку за это.

Через полгода он сумел забрать семью в Китай, где в поселке Чимпанзе обосновался на несколько лет. Был деловым партнером богатого уйгура и семья быстро стала на ноги. Дед был одним из первых вольных русских поселенцев в Сенцзяни. После убийства Дутова Чекистами в 1921 году его армия из крепости ушла, и долгое время солдаты и казаки бедовали как наемная рабочая сила у уйгуров. Узнал об этой истории я от матери, уже будучи журналистом и кинорежиссером, случайно. Его спасителем стал многодетный уйгур, бывший у него много лет работником. И я пообещал матери, что постараюсь обязательно написать и снять об этом фильм. Фильм о судьбах других людей бежавших в Синьцзян и в двадцатых и в тридцатых годах после раскулачивания. Дед уже был известной личностью в Китае, его разыскивали как поручителя перед местными властями во время раскулачивания и бегства из России людей в 1930- 33 годах ...

По отцовской линии - семью отчима, бабушку и моего отца, раскулачили в 31 году и отправили отчима на Беломорканал. Через год он бежал, забрал бабушку и отца и 14 марта 1933 года они ушли в Китай. Далее - бедность, мытарство служба на стороне уйгуров, в дунганскую войну женитьба и медленное обретение благополучия. Во время уйгурской республики Уйгуристан (1944-1949), в числе других русских был призван уйгурами на китайскую войну, был ранен, как и твой отец, при штурме китайских казарм в Аренбаке, в Кульдже. В Союз вернулись 1955 году эшелонам в телячьих вагонах на целинные земли Уральской области ...

... Год учебы в гидромелиоративном техникуме мне не понравился и я его бросил. Лето и осень был в бегах от семьи, потому что отец пообещал отвернуть голову. С лета до глубокой осени работал сначала в геологоразведке, потом помощником конюха в цирке в группе знаменитого наездника - осетина Алибека Кантимирова. Однажды он засек меня около коней, их было 7 штук. Все белые и серые; я чистил

кормил и вываживал их после выступления их на арене. Алибек сам уже не выступал, ему было около 70 лет, работали 3 его сына. Он очень удивился увидев меня и узнав, что я с 7 лет уже ездил на коне. Предложил мне войти в группу молодых наездников – учеников, которую он выбирал по всей Средней Азии. Я согласился. Больше 2 месяцев спал на сиденьях амфитеатра цирка, подстелив под себя красную ковровую дорожку, которая покрывала арену цирка, концом ее укрывался как одеялом. Питался, приворовывая картошку, морковку, свеклу у яков верблюдов и прочих парнокопытных. В конце гастролей старик нашел меня и сказал, чтоб я собирался ехать с группой в другой город, где начал бы уже обучаться верховой езде на конях и джигитовке. Я сказал ему, что мать плачет, потеряв меня. Он сказал:

- Ну, «это святое...» Возвращаться домой я не стал, а поступил в Ремесленное училище, на кузнечное отделение. У меня диплом кузнеца 5 го разряда и опыт работы в кузне...

Потом курсы шоферов при ДОСААФЕ и служба шофером в армии. Учился на факультете журналистики в Алма-ате и пять лет работы в разных газетах. Затем учеба на очном отделении режиссерского факультета ВГИКа. Окончил с успехом. К журналистскому диплому добавился диплом режиссера научно популярного кино. 10 лет пробыл в Москве, женился, родил сына. Работал сценаристом и режиссером на студиях «Союз вузфильм» «Центрнаучфильм» и «Леннаучфильм». На «Мосфильме» на двух картинах работал вторым режиссером. К хорошей режиссерской работе пробиться не удалось. Семья распалась, вернулся один в Алма-Ату к родне. Работал в газетах и на отцовской пасеке, ну и здесь была безработица. На 5 лет уезжал в Приморье, тоже безуспешно. Опять вернулся в Алма-Ату, снова газетные журнальные работы. После распада СССР все бросил и переехал к родителям в Маловодное 70 км от Алматы. Далее и везде - пенсионер ...

...говорят, судьбы у людей разные. Как видно, у нас судьба, во многом, общая: жили в одном городе, учились в одной гимназии, боролись за горбушки хлеба в одном и том же интернате, к тому же - и в одно время. Ведь меня на одной из машин колонны будущих целинников

забрали прямо из интерната. Похоже, и в баржах, и вагонах телячьих ехали на целину, могли быть рядом...

Учеба в гимназии была одной из самых ярких страниц в моей жизни. Отец из села Мухур до Кульджи отвозил меня на пароконной бричке. Добирались трое суток первый день заканчивали в городе Тогыз-Тарау, второй - после переправы на пароме, через реку Или в караван сарае уйгурского поселка Ямату. К концу третьего дня добирались до Кульджи. После решения отца обучать меня в русской гимназии я считал дни и ночи до отъезда... Это было праздничное путешествие в город мечты, поездки ни в Москву, ни в Ленинград не сравнимы с Кульджой ...

За год учебы Кульджа немного надоедала и я с нетерпением ждал обратной дороги в свое горное село, и далее на пасеку, на Джайляу. За лето это опять приедалось и опять нетерпение - скорее в Кульджу. И так было 3 года. Еще до поступления в гимназию в селе, (отрезанном от всего мира большими снегами, в селе, где не было электричества, где из музыки была лишь одна гармошка и одна балалайка) долгими зимними вечерами у нас собирались две или три семейные пары из числа друзей отца. Лепили пельмени и выбрасывали на мороз или лузгали семечки и все это - под рассказы наших дедов и бабушек, отцов и матерей. О тех невзгодах и радостях, которые они переживали в детстве и юности в Казахстане, о том как разбогатели в период НЭПа, о раскулачивании и тайном бегстве в Синьцзян.

Мой отец родился в 1912 году, с 1934 по 1938 год служил и воевал с Дунганями, которые хотели захватить Кульджу, Илийскую долину и грозились вырезать уйгуров. Уйгуры призвали в армию Русских, в числе которых были и наши деды и отцы. Вот обо всем этом, о службе и боях шли разговоры в зимние вечера. Эти их воспоминания во многом, и определили мою творческую судьбу: журналистику и кинорежиссуру.

Я бы давно мог стать известным писателем, даже раньше, чем Володя Уразовский. Но были трудные времена, безработица, потом - многолетний уход за больными родителями. И только вот сейчас, на последнем рубеже, пытаюсь, хотя бы немного, рассказать потомкам

нашим. О том, что пережили наши деды отцы и мы, их внуки, на чужбине - в Казахстане, в Китае, и опять в Казахстане и зарубежье.

Вот почему, друже, ищу похожие судьбы, чтобы рассказать о них нашим детям, каков русский человек в бедах, на войне и в других всяких суровых обстоятельствах. Вот почему во время учебы кинематографии в Москве я снимался у своих друзей в их дипломных фильмах: в том числе и в роли казака из отряда, который преследовал якобы, двух убежавших революционеров. Вот почему я, 33 летний студент очного отделения, уже с одним дипломом и высшим образованием в кармане полез «в артисты».

Мне, как в детстве и юности, захотелось себя почувствовать в седле, да и в форме моего деда станичного атамана в конной группе. Нас было человек 15, кони для фильма. Моему другу Сереже Шутову дали коня из мосфильмовского конного полка. Кони были боевые, повидавшие на своем веку самые разные передряги. У моего коня была кличка Друг, он был старый, но надежный. Его дважды, в фильмах, сбрасывали с моста в реку - дескать, если и погибнет, то потеря небольшая. А он брал, да и выплывал целым, здоровым и невредимым! Тоже ведь – судьба, даже у скотины... Я стрелял на ходу с него из седла, холостыми патронами, а он ушами не реагировал на выстрелы..... друг дорогой, вот уж поистине царский подарок - куча впечатлений, море радости и ностальгии. Громаднейшая благодарность, особенно за снимки до боли знакомых мест ... Взять хотя бы паромную переправу - на пароме я с троюродными братьями Васей и Мишей Алексеенко ездили через малый и большой Чокур, через притоки или за арбузами, где у них были бахчи. В Чокурах была прозрачная вода в отличии от илийской, в большом количестве водились чебаки, которых мы ловили на самодельные крючки и коноплянную леску...

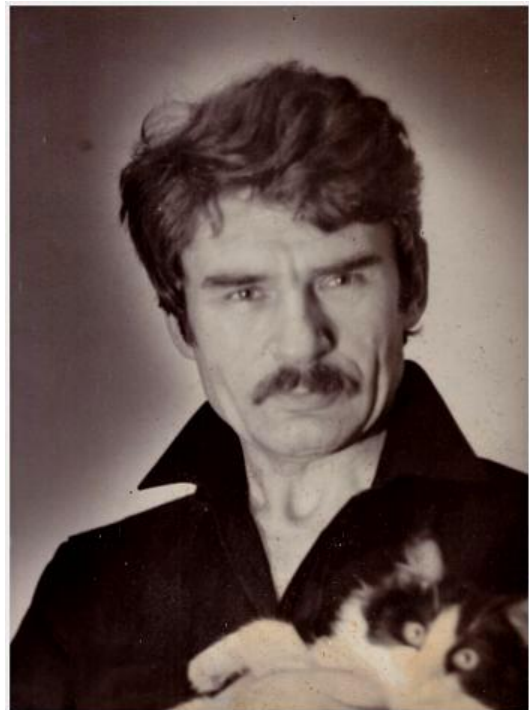
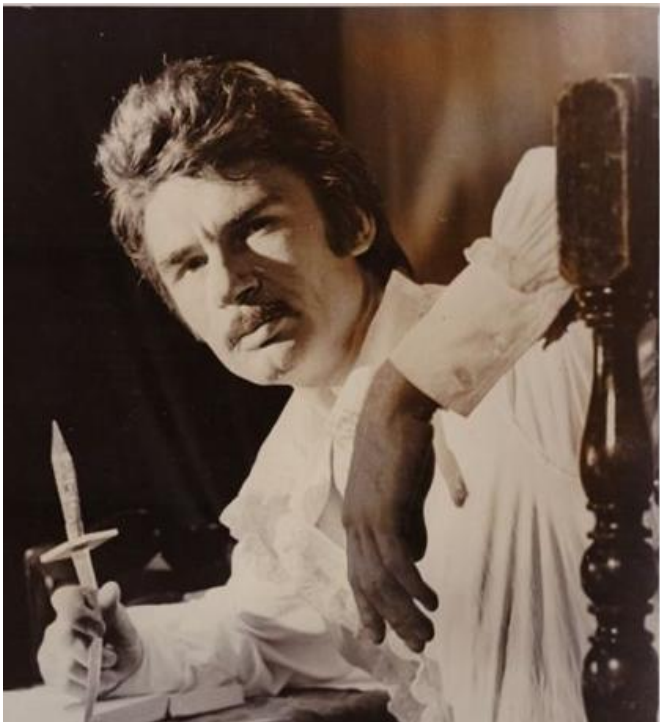
Особое волнение испытываю при слове Аримбак. Ведь в боях за него был ранен и чуть не погиб мой отец, Иван Андреевич Дьячков. Не осталось ли у кого фотографии русской гимназии, гимназистов в форме? Мне к сожалению, не приходилось фотографироваться, не было денег. Единственная фотография 3x4 не сохранилась, фотографироваться и фотографировать я начал только в Союзе. Нет ли у кого фото церкви? Мы гимназисты, часто ходили туда на богослужение и стреляли из рогатки по

колокольне, надеясь таким варварским образом извлечь долгий и чарующий малиновый звон. Может быть, в числе друзей есть люди, которые учились в гимназии с 1952 - 1955 год? Хотелось бы связаться с ними. Пока что я связался с земляками Уразовским, директором гимназии и школы имени И.В. Сталина В.В. Чечелевым и тобой. На днях попытаюсь связаться с В.И.Казанцевым и еще кое с кем ...

Читаю твое послание, из последних зрительных сил разглядываю снимки: ведь мой дед знал атамана Дутова, будучи станичным атаманом, многократно, и в России и в Синьцзяне общался с ним. Незадолго до гибели Дутова, дед посылал своего сына Прокофия, к нему в крепость. Позже, в 1970-х годах, я спросил у него зачем ездил? На что он ответил - « А зачем тебе знать? ...» Ну, я же журналист, мне надо. Он опять ответил отказом. И мать, и ее братья, дядья, и отец с бабушкой многое скрывали от нас, боясь за нашу жизнь и свободу. Вот почему сейчас, когда об этом стало возможно говорить, я пытаюсь по крупицам собрать хотя бы что-то из истории нашего рода. Позже, постараюсь выслать несколько фотографий отца периода Дунганской войны и войны за создание республики Уйгурстан, восточный Туркистан ...

Напиши хотя бы немного о себе. Где учился в Союзе, что делал после учебы в интернате - мне всё интересно. До сердечного спазма взволновала судьба вашей семьи: какая высокая трагедия отцов, пожертвовавших своей жизнью ради детей и семьи!.. Какой несправедливой бывает судьба - бросает отцов и дедов в такие жесточайшие испытания...

P/S времена земной жизни Е.И.Дьячкова 14.03.1940 – 29.10.2015 г.г.

Евгений сын Ивана из рода Дьячкова, Семиреченского Казачьего Войска станичного атамана. 15.02.75г. с. Маловодное, Алма-Атинская обл., Казахстан.

Джон Али

26 июл 2014 г. г.Бишкек

. Уважаемый, Николай Иванович! Мне трудно вам помочь, так как я и мой отец родились не в Китае. И не знаю каким образом я смог бы помочь вам... Насколько я понял, брат вашего отца погиб в событиях под Урумчи. По моим сведениям русские иммигранты участвовали в этих событиях на стороне урумчинских властей против генерала Ма Буфона (Ма Дажын) по прозвищу Га Сылин. А отец, видимо, в войне против японцев. Меня, честно признаться, очень интересуют сведения о событиях под Урумчи. Если у вас есть таковые, был бы очень благодарен получить их. В свою очередь, если вы подскажете, чем я могу помочь - попытаюсь сделать это. Если говорить о вашем отце, наверное надо знать, в каких местах ему пришлось воевать и где есть захоронения солдат этого периода.

Мой прадед и дед переселились в Пишпек в конце XIX века, почти за 50 (и больше) лет до событий которые вас интересуют. А в Синьцзян они переселились ещё раньше, даже не могу сказать, в какое время. Проживали в Илийском крае в Суйдуне или Чинфихэзы. Считается, что они выходцы из Ганьсу, непосредственных выходцев из Ганьсу я не знаю. Во время событий, которые вас интересуют, в Китае была такая неразбериха, что трудно сказать, кто был чанкайшистом, а кто нет.

Формально правительству Чанкайши подчинялись все стороны. Поэтому вам следовало бы выяснить, от рук какой стороны погибли ваш отец и дядя. В 44 году ваш отец мог воевать в частях, которые поддерживались СССР и в которых были советские инструкторы. Я знал людей участвовавших в этих событиях, но их уже нет в живых.

Судя по звучанию слово Аримбак не тюркского и не китайского происхождения. Это калмыкское слово? Где это в Кульдже?

Вы же сами в первый раз назвали меня "из рода Джон" - это бытовая транскрипция фамилии Чжан. Так записали в советское время братьев отца и его самого. У дунган ведь в то время были китайские фамилии, только здесь стали появляться фамилии по именам родителей или дедов, а старший брат моего отца был более или менее грамотным и назвал родовое имя "син".

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Моисеев Владимир Анисимович
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой востоковедения
Алтайского государственного университета.

Источник: <http://new.hist.asu.ru/biblio/ruskit/14.html#p1#p1>

Первая мировая война обнажила и обострила многие противоречия российского общества, привела страну к глубокому социально-экономическому и политическому кризису, отвлекла внимание правительства от Центральной Азии и Дальнего Востока. Война негативно отразилась на динамике и уровне торгово-экономических отношений России с Западным Китаем, привела к их значительному сокращению¹, в то же время повысился спрос в Туркестане на китайские товары и китайское купечество настойчиво требовало от своих властей назначения в города Средней Азии торговых представителей - аксакалов.

Поражения на фронте привели к падению военного и политического престижа России в Центральной Азии, в том числе в Синьцзяне, что нашло свое выражение в целом ряде недружественных и откровенно антироссийских и антимонгольских акций местных китайских властей.

Летом и осенью 1914 г. китайские власти предпринимают попытки склонить перейти в китайское подданство урянхайских, торгоутских и хошоутских князей, засылая в их ставки эмиссаров, а затем и вооруженные отряды. Так, в начале октября 1914 г. по приказу губернатора Синьцзяна Ян Цзэнсиня китайские войска вторглись в Кобдоский округ и силой увезли в Урумчи некоторых торгоутских и урянхайских князей, и пытались отобрать у них знаки власти - печати, выданные ургинским правительством². Чуть раньше в сентябре месяце, скорее всего не без ведома властей Алтайского округа, китайские казахи-киреи предприняли ряд грабительских вторжений в Кобдоский округ и появились почти под стенами города Кобдо. Комментируя эти действия Ян Цзэнсиня, консул в Кобдо А.Я. Миллер подчеркивал, что "местные китайские власти очень мало считаются с предписаниями центрального правительства и Синь-цзянский дуду (губернатор Ян Цзэнсинь - В.М.)

упорно продолжает вести свою политику полного игнорирования монгольской независимости и восстановления старых времен владычества Китая"³.

25 мая 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией после длительных 8-ми месячных переговоров в Кяхте было подписано Трехстороннее соглашение, уточняющее международно-правовой статус Халхи как автономии в составе Китая. Правительство Монголии официально признавало сюзеренитет Китая и русско-китайскую декларацию от 23 октября (5 ноября) 1913 г. и лишалось права иметь за границей свои дипломатические представительства, заключать с иностранными государствами договоры по политическим и территориальным вопросам. Пекин получил право надзора за деятельностью монгольского правительства, для чего направил в Ургу своего представителя с конвоем из 200 человек. В Улясутае, Кобдо и Монгольской Кяхте разместились его помощники с вооруженной охраной ⁴. Как показали последующие события, Кяхтинское соглашение было значительным успехом китайской дипломатии. Под его прикрытием Пекин вскоре фактически ликвидировал автономию Халхи.

Постоянным раздражителем во взаимоотношениях русской пограничной администрации и властей Синьцзяна была проблема русской колонизации Алтайского округа. По Петербургскому договору русские могли приобретать землю и недвижимость только в городах Китая и то только в тех, где располагались российские консульства. Однако русские крестьяне и промышленники в конце XIX - начале XX вв. постепенно проникали и оседали в Китайском Алтае: на Черном Иртыше, Каабе и в других местах. Как видно из докладной записки Степного г-г Н.А. Сухомлинова в Министерство внутренних дел от 11 сентября 1916 г. вопрос о выселении русских из пределов Алтайского округа еще в 1913 г. поднял перед администрацией Западной Сибири князь Палта. Его преемник Лю Чанбин, хотя прямо и не ставил этот вопрос, однако, как отмечалось выше, делал все, чтобы изгнать русских из округа. Сменивший его в 1915 г. Чень Кэ до поры до времени не трогал русских поселенцев, однако вопросами китайской колонизации занимался активно.

По данным Сухомлинова к весне 1916 г. в Алтайском округе существовало 9 русских поселков с населением в 861 человек. Кроме того

многие крестьяне, проживая в России, арендовали пашни и сенокосы в Китайском Алтае. Причинами "отходничества" русских крестьян в Китай консул в Шара-Сумэ Кузминский считал "увеличение населения в Русском Алтае и исчезновение прежнего приволья наших старых Алтайских деревень", стремление староверов и других сибирских старожилов "обособиться от новоселов, прибывающих из внутренних губерний Европейской России" в ходе аграрного переселения, проводимого правительством, отсутствие естественных и искусственных преград на границе и наличие в Китайском Алтае "обширных пустопорожних хлебородных пространств с мягким здоровым климатом и естественными богатствами всякого рода", а также слабость китайской власти, наличие русских вооруженных сил и консульства в Шара-Сумэ⁵. Отдавая отчет в том, что китайское правительство не согласится с незаконным присутствием русских в округе, Сухомлинов предложил правительству "исправить" границу с Китаем на этом участке, отодвинуть ее на восток и включить в состав России "ту полосу Китайского Алтая, на которой ныне расположены поселки наших крестьян". Если же пересмотр границы невозможен, полагал губернатор, необходимо добиваться перехода этой территории к Монголии⁶. Сухомлинов поддержал инициативу еще в 1913 г. его предшественником на губернаторском посту генералом Шмидтом предложение об учреждении должности Семипалатинского пограничного комиссара. Самой сложной проблемой во взаимоотношениях русских властей Туркестана с китайской администрацией Синьцзяна в 1916-1917 гг. стала проблема беженцев из Казахстана и Киргизии, вызванная восстанием 1916 г.

Восстание 1916 г. в Казахстане и Средней Азии носило антивоенный, антиправительственный и в ряде районов (Семиреченская область) открыто антирусский характер. Восстание протекало одновременно и не имело общего руководства. Формальным поводом к восстанию послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации коренного "инородческого" населения Казахстана и Средней Азии на тыловые работы⁷. Указ непродуманный, поспешный, резкий по содержанию и оскорбительный по форме. Однако подлинные, глубинные причины восстания коренились в другом. Мировая война обострила социально-классовые и национальные противоречия в обществе, увеличила нужду и бедствия широких трудящихся масс, резко возросшее налоговое бремя и усиление эксплуатации привели к упадку сельского хозяйства.

Недовольство коренного населения указом, и прежде всего нелепыми слухами о поголовной "реквизиции" всего мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет в солдаты и на рытье окопов между линиями русских и немецких траншей, произвол и вымогательство местной русской и туземной администрации, перераставшее местами в волнения заставили г-г Степного края Сухомлинова отсрочить призыв казахов на тыловые работы до 15 сентября 1916 г. Однако этот приказ не разрядил ситуацию. Несмотря на принимаемые властями меры, призывы лидеров партии казахских национал-демократов "Алаш" А. Букейханова, А. Байтурсунова и др. в газете "Казах"⁸ выполнять указ, волнения перерастали в нападения возмущенных толп на государственные учреждения и уничтожение списков мобилизованных, на железнодорожные и почтовые станции, русские поселки, а затем и на военные отряды.

Докладывая императору Николаю II о принимаемых мерах по подавлению восстаний и наказании его участников г-г Туркестанского края, А.Н. Куропаткин, отмечал, что в Семиречье "главными очагами восстания явились горные местности южной части Пишпекского уезда и весь Пржевальский уезд с прилегающей к нему южной частью Джаркентского уезда. В этом районе подверглись разгрому почти все русские поселки, уцелевшие жители которых укрылись в селении Токмак и городах Пишпек и Пржевальске. В одном Пржевальском уезде в имущественном отношении пострадало 6024 семейства русских поселенцев, из коих большинство "потеряло всю движимость"⁹. Пропало без вести и убито 3478 человек.

"Вероломно неожиданные нападения на русские селения, сопровождавшиеся зверскими убийствами и изуродованием трупов, насилия и издевательства над женщинами и детьми, варварское обращение со взятыми в плен и полное разрушение нажитого тяжелым многолетним трудом благосостояния с потерей во многих случаях и домашнего очага" привели к ответным действиям со стороны русского населения, далеко не всегда отличавшего виноватых от невинных¹⁰.

В одной из телеграмм военному министру Д.С. Шуваеву 16 августа 1916 г. Куропаткин, характеризуя обстановку в Туркестане, сообщал: "Волнения киргиз[ов] [в] Семиречье разрастаются. [В] Пишпекском уезде с. Ивановка осаждено большим, все увеличивающимся скоплением киргиз[ов], село горит, выслано подкрепление. Только Пишпеку грозит такая же осада, принимаются меры. [В] Джумгалской степи подняли

восстание киргизы загорных волостей, где убито много русских, [в] том числе один техник, женщины взяты [в] плен. [В] настоящее время главным очагом восстания, по-видимому, являются Сусамырская и Таласская долины. [В] Джаркентском уезде киргизы Пржевальского и Джаркентского уездов обложили сел[о] Каркара, где убито 24 казака; сообщение с Подгорным прервано.[В] районе Джаланаша убито шесть казаков и двое ранено, вырезано сел[о] Четмерке, состоящее из 11 дворов..."¹¹.

Взаимная вражда до предела обострила межэтнические отношения. Страх наказания за грабежи и убийства, жестокие действия царских карательных отрядов побуждали часть повстанцев со своими аулами, а порой и целыми волостями, уходить в Китай. "Около 30 волостей мятежных киргиз Пржевальского и Пишпекского уездов и дунгане села Мариинского вместе с наиболее видными их вожаками, - говорится в том же донесении Куропаткина царю, - после сосредоточения в районе восстания наших войск через сырты (Сырт - возвышенность, нагорье). и горы, забрав с собой захваченных ими в плен русских, перебрались в Китай и поселились частью в Кашгарской и Кульджинской провинциях, частью же во Внутреннем Китае"¹². В мае 1916 г. более семисот семей казахов из Барлыкской и Эмельской волостей бежали в пределы Китая в Тарбагатай. Консул в Чугучаке В. Долбежев направил губернатору Тарбагатайского округа Ван Будуаню запрос о причинах пропуска китайскими властями беженцев из пределов России, потребовал доставить в Чугучак зачинщиков и произвести следствие¹³. Казахские родоправители главной причиной побега называли земельную тесноту и категорически отказывались возвращаться обратно. Опасаясь грабежа своих соплеменников бежали в пределы Китая и волости, непричастные к восстанию.

Переход и оседание в Синьцзяне русско-подданных казахов на протяжении многих десятилетий было обычным делом. Накануне первой мировой войны только в Илийском крае находилось 1787 семейств, которые в конечном счете с согласия обоих правительств были приняты в подданство Китая¹⁴. Волна беженцев, хлынувшая в Синьцзян в июле-августе 1916 г., застала китайские власти врасплох и они не смогли ни задержать их, ни выдворить обратно. К тому же среди первых беженцев было много китайских подданных, работавших в Казахстане и Киргизии на опиумных плантациях, прежде всего дунган. "Поэтому китайские власти, напуганные появлением громадного количества такого беспокойного элемента как дунгане и опасаясь возникновения волнений

среди своих подданных сартов, поспешили увеличить число войск в Уч-Турфане, как самом близком Пржевальскому уезду и опасном месте скопления беглецов, присылкой различных войсковых частей из Аксу, Яркенда и даже Кашгара..."

Заниматься вопросами беженцев было приказано даоиню Аксу, который был немедленно командирован губернатором в Уч-Турфан¹⁵. Туда же прибыл драгоман российского консульства в Кашгаре Г.Ф. Стефанович, который предупредил даоиня о том, что "появление киргиз в пределах Китая для русского правительства является нежелательным. Допущение же их на китайскую территорию и удовлетворение их просьб: предоставить им пастбища и принять их в китайское подданство, если таковое случится со стороны китайских властей, будет рассматриваться как акт недружелюбный и угрожающий интересам Российского государства"¹⁶.

Решительный демарш консульства оказал воздействие на китайского чиновника и до отъезда Стефановича 15 сентября 1916 г. китайская стража сдерживала беглецов. Однако сразу же после отъезда представителя русского консульства в Кашгар, караулы и заставы на перевалах, по распоряжению даоиня, были сняты и казахи и киргизы, "преследуемые русскими войсками, хлынули всей своей массой в Уч-Турфан", потеряв на границе почти весь свой скот и имущество¹⁷. Говоря о причинах столь резкой перемены отношения даоиня к вопросу о беженцах, председатель Особой комиссии Песков отмечал, что китайский чиновник получил в качестве взятки большую сумму денег. "Киргизы каждой волости, - указывал он в отчете, - прежде чем вступить на китайскую территорию присылали к даоиню своих уполномоченных испросить соответствующее разрешение, снабдив предварительно их значительной суммой денег..." Условиями, на которых даоинь разрешал казахам и киргизам переход границы были: "1. Уплата некоторой суммы денег (Сумма эта по слухам колебалась приблизительно в пять тысяч рублей); 2. Выдача всего огнестрельного оружия и 3. Внесение значительного количества опиума, конечно в целях продажи его; лошади же, рогатый скот и овцы забирались не только даоинем, но всеми китайскими чиновниками в размерах, не поддающихся даже учету". Кроме того даоинь, по требованию российского консульства в Кашгаре, приказал силой забрать у казахов и киргизов имеющихся у них русских пленников. Часть отобранного у беглецов скота местные китайские власти передали пленным на пропитание. Вскоре за ними из России прибыла

команда во главе с войсковым старшиной Бычков и под ее охраной пленные возвратились в свои селения¹⁸.

Число возвратившихся составило всего 65 человек, основная масса пленных была уничтожена мятежниками*. Массовый наплыв беженцев из Казахстана и Киргизии в Синьцзян, военные поражения России привели к падению авторитета России и русских, что нашло свое отражение в массовых актах разного рода притеснений и насилий по отношению к российским подданным. Императорская Российская миссия в Пекине вынуждена была заявить протест китайскому правительству "по поводу чинимых за последнее время притеснений русских подданных в Кашгарии". По приказу из Пекина власти Кашгара были вынуждены распространить объявление, в котором говорилось, что "все китайские подданные должны поддерживать самые наилучшие отношения с русскими подданными. Всякие, возникающие с последними дела, нужно улаживать мирным путем. В сложных делах надо обращаться к амбаню: Виновные в нарушении сего объявления будут строжайше наказываться"¹⁹.

В конце августа 1916 г. сразу четыре волости Джаркентского уезда бежали в Илийский край. По просьбе русских властей Туркестана илийский цзяньцзюнь Ян Фэйся командировал на границу Илийского края с Семиречьем дополнительно к имеющимся силам отряд под командованием Дэн Тунлина, численностью в 500 человек, чтобы не пропускать беглецов в Китай. Однако по сведениям консула в Кульдже Бродянского китайские войска "не исполняя данного поручения:, не задерживают киргиз, тысячами переходящих границу", только отбирают у них скот и имущество и в то же время не пропускают обратно в пределы российских владений желающих вернуться²⁰. Приехавшему в Верный для выяснения ситуации туркестанскому г-г Куропаткину на его вопрос о причинах участия в восстании и откочевке в Синьцзян даже, казалось бы, преданных России и весьма уважаемых в казахских степях людей, местные чиновники ответили, на наш взгляд, весьма объективно: "Вскоре после присоединения Семиречья возникли неправильные экономические и правовые отношения между русскими пионерами и туземцами и между русской властью и туземцами.* "Узнав, что китайские власти строго следят, чтобы не было среди них русских киргизы поспешили отделаться от них, поэтому главная масса русских пленных была убита киргизами до вступления на китайскую территорию". Остальных перебили уже после перехода границы. Вестник Семиреченского трудового народа. 12 июля 1918г.

Русская власть в крае в лице военной администрации уездных и участковых начальников управляла своими районами при посредстве нагайки и вообще физического воздействия, мало заботясь о поддержании русского имени и престижа русской культуры. Все управление киргизами выражалось в самых невозможных и беззастенчивых поборах. Глядя на них, так же действовали и подчиненные им чиновники. Все свои дела упомянутые администраторы вели через "почетных" и "манапов", потакая им во всех поборах - "бухар". Стражники из коренного населения - "джигиты" - "выколачивают из туземцев деньги для себя. Деньги брались за все: за проведение (выборы - В.М.) волостных управителей, за справки, за административное решение вопросов, наконец просто за приезд в волость". [У казахов отбирали лучшие земли не только для переселения на них русских крестьян и казаков, но и для беженцев из Китая - дунган, уйгур, китайских казахов и др.] "Киргизы же постепенно беднели. Уменьшение земельной площади, уменьшало их скотоводческое хозяйство и часть их пошла батраками к таранчинцам, дунганам и русским..."²¹.

Однако, справедливости ради необходимо сказать, что уже в предвоенные годы в переселенческой работе был наведен относительный порядок, и благосостояние казахского населения стало заметно улучшаться. Не случайно известие о войне России с Германией и Австрией вызвало подъем патриотических чувств среди казахского населения, выразившийся в обширных пожертвованиях деньгами и скотом, помощи семьям фронтовиков и даже в значительном числе добровольцев. Однако неудачи русского оружия в 1915 г., враждебная агитация германо-турецкой агентуры и мусульманского духовенства, непрекращающиеся мобилизации русского мужского населения, увеличение налогового бремени на остающееся население и другие причины привели к разочарованию и недовольству политикой властей со стороны туземцев²². Не в последнюю очередь возмущение коренного казахского и киргизского населения вызывало поведение чиновников низовых административных органов и казаков. Так, киргизы Иркештамского аульного общества жаловались, что "им жить положительно невозможно в своем ауле:, так как начальник иркештамского гарнизона вместе со своими казаками разъезжает по аулу, отнимает у киргиз масло, сено и баранов, а в случае отказать дать, наносит киргизам побои, причем жаловаться не приказывает, ссылаясь на военное положение". Начальник Ошского уезда Мельников в рапорте военному губернатору Ферганской области П.П. Иванову, сообщая об

этих жалобах, добавлял, что "казаки распущены и расправляются с киргизами по своему усмотрению"²³.

В организации восстания в Семиречье принимали участие известные в Синьцзяне участники Синьхайской революции Ли Сяо-фын и Юй Дэ-хай. "Следует отметить, - сообщал кульджинский консул Бродянский в МИД России 15 октября 1916 г., - что Ли Сяо-фын почти легендарное лицо в Илийском крае. Ему приписывают участие в убийстве цзянцзюня в 1911 году. Затем, по слухам, он участвовал в восстании "Белого волка" внутри Китая. Здешние китайские власти давно приговорили его к смертной казни, но уже несколько лет безуспешно его разыскивают. Эти два китайца состоят членами секретного общества "братьев"²⁴. Накануне восстания, под предлогом покупки опиума, наблюдалось прибытие из Китая в Семиречье значительного числа (до нескольких тысяч) вооруженных казахов и киргизов, дунган, уйгуров, китайцев, сартов и даже калмыков, ведущих активную антирусскую пропаганду среди казахского и киргизского населения, убеждавших его в том, что мусульман посылают на фронт с "целью перебить, а земли отдать русским поселенцам". В ряде мест, например в Мариинской волости Пржевальского уезда, именно подданные Китая стали зачинщиками и главными организаторами восстаний²⁵. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома - титай Ма²⁶. Из Синьцзяна в Семиречье тайно доставлялось оружие²⁷. Среди руководителей восстаний были также военнопленные немцы, турки, представители мусульманского духовенства²⁸. В одном из донесений в начале марта 1917 г. военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексеева отмечалось, что "есть бесспорное основание считать виновников по агитации, во-первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, а, во-вторых, и агентов Германии: Решимость главарей созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддержали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев"²⁹.

В июле и первых числах августа 1916 г. в Илийский и Тарбагатайский округа бежало 1500 семей казахов. Министерство иностранных дел Китая 27 июля (9 августа) обратилось в российское посольство в Пекине с просьбой "о скорейшем принятии мер к водворению бежавших киргизов обратно в русские пределы, а также о скорейшем запрещении означенным киргизам впредь самовольно переходить границу"³⁰. В свою очередь консул Долбежев жаловался

посланнику в Китае Кудашеву и туркестанскому г-г Куропаткину на слабую помощь местных китайских властей в деле выдворения беглецов на их прежние кочевья в России. Генеральный консул в Кашгаре К. Мещерский, напротив, отмечал в своих донесениях, что власти Кашгара "принимают самые строжайшие меры к тому, чтобы ни один из русских беглецов не оставался в пределах Китая"³¹.

Пекину и Урумчи было очевидно, что русские пограничные власти и русские консульства в Синьцзяне не могут справиться с огромным потоком беженцев, часть которых была настроена враждебно по отношению к ним. Наплыв в Синьцзян огромных масс беженцев ставил китайские власти в сложное положение. На одной из встреч с российским посланником князем Кудашевым в начале сентября 1916 г. и. д. министра иностранных дел Китая Чэнь Цзиньтао поставил перед ним два вопроса: "Следует ли китайским властям кормить наших беженцев и не будет ли с нашей стороны предъявлено претензий, если при выдворении киргизов придется употребить в дело оружие, причем могут оказаться раненые и даже убитые". На первый вопрос российский посланник ответил утвердительно, заявив, что нельзя оставлять умирать от голода людей, даже совершивших побег за границу, умолчав при этом о возмещении Китаю соответствующих расходов. При выдворении же казахов и киргизов из Китая, указал посланник "за всякое, ничем не оправданное насилие нами несомненно будет предъявлена Китаю претензия и что кровопролития следует избегать". На что китайский министр резонно заметил: "Выдворять насильно и не прибегать к насилию невозможно".

Сообщая о своей беседе с Чэнь Цзитао в Петербург, Кудашев высказал пожелание восстановить усиленные казачьи конвои при консульствах в Синьцзяне. Лучше, полагал он, "допускать некоторую некорректность с точки зрения международного права, чем зависеть от доброй воли соседних китайских властей"³². Бегство казахского и киргизского населения в пределы Синьцзяна побудило русское пограничное начальство прибегнуть к такой мере как конфискация земель у бежавших и направлении на границу заградительных отрядов, однако эти меры не смогли остановить мощный поток беженцев³³. Обозревая летом 1918 г. путь от Терской Алатау до Турфана, по которому шли беженцы из Киргизии в Китай, председатель Особой комиссии Семиреченского областного комитета Советов Песков отмечал, что дорога "на протяжении приблизительно около 300 верст, сплошь усеяна скелетами погибшего во время бегства киргиз разного скота, причем часто среди скелетов скота попадаются скелеты или части их незарытых в

землю людей. Скот, который киргизам удалось привести в китайские пределы, вследствие отсутствия корма здесь и перечисленных выше лишений в пути, пал почти полностью". Беглецы вынуждены были продавать самое необходимое - одежду, седла, посуду, утварь, затем малолетних детей. Но это не спасало их от голода, тифа, цинги и других болезней. Инструктируя консулов в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и Шара-Сумэ по вопросу о массовом бегстве казахов и киргиз в Синьцзян, степной г-г Сухомлинов отмечал, что когда русские пограничные власти обращаются к синьцзянским чиновникам с требованием "выселять бегущих в Китай наших инородцев", последние ставят условием - применение силы. Но опыт показывает, подчеркивал Сухомлинов, что "в таких случаях китайские войска будут действовать неразумно и недобросовестно, имея в виду не помощь нам, а ограбление стад наших инородцев. Поэтому предпочтительно, не предоставляя китайцам просимой свободы, выждать естественного хода событий при котором бежавшие инородцы захотят вернуться в русские пределы. Нам нужно, чтобы они возвратились не грабленые, а со стадами" ³⁴.

Встревоженный известиями о подготовке русским правительством широкой карательной акции против восставших, Пекин обратился в российское посольство с требованием, чтобы русские войска, преследуя мятежников, не вступали в пределы Китая ³⁵. Прибытие в Аксу небольшого отряда казаков за уведенными мятежниками русскими пленниками вызвало еще большую обеспокоенность в Урумчи и Пекине. МИД Китая настаивал перед российским посольством о быстрейшем выводе отряда, заявляя, что все русские пленные уже найдены и переданы русскому консулу в Кашгаре ³⁶. К концу ноября 1916 г. численность бежавших из России в Илийский край - казахов, киргизов, дунган и уйгур - составила по данным российского консульства в Кульдже около 100 тыс. человек ³⁷. Всего в Китай из Казахстана и Средней Азии (прежде всего из Киргизии) в Китай ушло более 300 тыс. человек ³⁸. По пути своего бегства мятежники сжигали все русские деревни, вытаптывали поля, угоняли скот. Докладывая в первых числах ноября военному губернатору Семиреченской области А.И. Алексееву о состоянии Пишпекского и Пржевальского уездов полковник В.П. Колосовский отмечал, что "Начиная от русского с. Кара-Булак Токмакского участка Пишпекского уезда, вплоть до с. Нарын, вся пройденная нами местность носила характер полного разрушения и, как следствие этого, совершенного запустения".

В Китай бежало 32 волости, расположившиеся в долине р. Кара-Булак до Уч-Турфана. "При них находится свыше 50 главарей манапов, главных виновников восстания и организаторов истребления русских поселков". Китайские власти относятся к мятежникам "благосклонно", приняли подарки от манапов и хотя отдали им распоряжения сдать оружие и выдать пленных, но "не настаивают на выполнении этого требования". Манапы разжигают среди простых киргизов вражду к России, уверяют его в поддержке Китаем восстания, всю торговлю русскими деньгами, а "простой же народ бедствует и массаги гибнет вместе с полуголодным скотом от бескормицы и стужи"³⁹.

В годы войны резко возросла активность турецкой и германской агентуры в Синьцзяне, особенно в Кашгаре. При этом симпатии мусульманского населения были на стороне Турции и в мечетях Кашгарии шли богослужения за победу турецкого оружия над неверными. Русское и английское консульства в Кашгаре нередко совместными усилиями оказывали давление на местные китайские власти, добиваясь пресечения деятельности турецко-германских агентов и наказания или удаления с должностей китайских чиновников, потворствовавших им⁴⁰. Активная деятельность германо-турецкой агентуры в Синьцзяне осложняла работу русских консульств по возвращению беженцев. Между тем положение большинства из них было тяжелое. Ограбленные уже на границе войсками, а затем местным населением и китайскими властями, вплоть до нитки, беженцы были лишены всяких средств к существованию и уже весной 1917 года потянулись обратно в Казахстан и Киргизию.

"Надежды кочевников благополучно переселиться в китайские пределы не оправдались. - Доносил царю Николаю II и.д. военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексеев. - Те полчища, которые направились в Кашгар: потеряли на сыртах почти весь свой скот и пришли в китайские пределы совершенными бедняками: Китайские власти отнеслись к беглецам индифферентно, но низший класс населения встретил их очень недружелюбно. Кочевые калмыки обрадовались легкой наживе, отобрали у беглецов скот, имущество и даже женщин, а затем начали гнать их обратно в наши пределы. Поставленные в безвыходное положение и терпя крайнюю нужду во всем, мятежники изъявили покорность" и "стремление возвратиться на родные пастбища и кочевки"⁴¹.

7 января 1917 г. войсковой старшина Семиреченского казачьего войска П.В. Бычков и драгоман российского консульства в Кашгарии Г.Ф. Стефанович составили протокол о положении киргизов Пржевальского и Пишпекского уездов, бежавших в Китай. Киргизы при переходе через горные перевалы, отмечается в нем, "потеряли почти весь свой и ограбленный у русских скот: рогатого скота нет, лошадей осталось 10%, баранов осталась одна четвертая часть и верблюдов около половины. Но оставшийся скот по своему изнурению и в данное время недостатка корма не внушает надежды на его просуществование до весны..." [Положение рядового киргизского населения ужасное. Есть случаи, когда] "матери оставляют своих грудных детей, продают подростков как девочек, так и мальчиков, продают последнюю свою одежду - весь уч-турфанский базар завален киргизскими вещами..."⁴². Стремясь избежать смерти от голода и холода все больше и больше бежавших в Китай казахских и киргизских кочевников начали обращаться в российские консульства в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке с просьбами разрешить им возвратиться на родину. По распоряжению г-г Туркестанского края А.Н. Куропаткина им было объявлено, что возвратиться обратно они могут лишь на следующих условиях: 1. Выдать русских пленных; 2. Сдать оружие; 3. Выдать главарей; 4. "Должны изъявить полную покорность, раскаяние, обязаться выполнить все требования по поставке рабочих и лошадей"; 5. "Должны приготовиться к тому, что те из находящихся в их пользовании земель, где была пролита русская кровь, будут от них отобраны в казну..."⁴³.

Февральская революция в России в 1917 г. и свержение самодержавия привели к массовому возвращению беженцев из Китая в Казахстан и Среднюю Азию. Еще в августе 1916 г. депутаты Государственной Думы А.Ф. Керенский и Тевкелев по поручению своих фракций совершили поездку в Туркестан для ознакомления с ситуацией на месте. По возвращении Керенский несколько раз выступал с докладами, содержащими резкую критику в адрес правительства. Между тем уже к маю 1917 г. только в Киргизию возвратилось более 64 тыс. человек ⁴⁴. В середине апреля 1917 г. Временное правительство отстраняет от должности губернатора Туркестанского края Куропаткина и создает в Средней Азии и Казахстане новую структуру управления - Туркестанский комитет Временного правительства в составе кадета Щепкина, алашордынцев Тынышпаева и Букейханова и др., управлявших регионом через институт комиссаров. Комитет признает нежелательным возвращение беженцев из Китая на свои прежние жилища и даже пытается ужесточить пограничный режим, направляя на границу

дополнительные воинские части ⁴⁵. Центральное правительство Китая, как нам представляется, искренне стремилось решить проблему беженцев, избавить от них Синьцзян и тем самым помочь русским властям. Однако на местах, как это видно из приведенных фактов, прием и возвращение беженцев во многом зависел от распорядительности и личных качеств китайских чиновников, которые не прочь были поживиться на их бедствиях.

Восстание 1916 г. фактически парализовало русскую торговлю в Синьцзяне ⁴⁶, поставило в сложное экономическое положение эту провинцию и ее население, которое снабжалось такими важнейшими для жизни товарами как керосин, сахар, свечи, железо, мануфактура и пр. из России. В годы войны резко усилилась деятельность в Восточном Туркестане германо-турецкой агентуры. В начале декабря 1914 г. российское консульство информировало посольство России в Пекине, что в городе появились три турка, якобы для покупки "археологических вещей". Им было отведено хорошее помещение, в котором они ежедневно принимали до десяти человек посетителей.

Между тем летом 1917 года революционные события в России докатываются и до русских факторий и консульств в Синьцзяне. 16 августа Чугучакский торгово-промышленный комитет вынужден был обратиться к министру иностранных дел с жалобой на деятельность большевиков в Чугучакской фактории, требуя от него удаления из фактории большевистских агитаторов ⁴⁷. Китайские власти отслеживают ситуацию в фактории и помогают консулу Долбежеву предотвращать беспорядки и попытки погромов со стороны подстрекаемой агитаторами толпы. Аналогичные события происходят и в русских факториях других городов Синьцзяна. Наступает полоса безвластия и хаоса. Октябрьская революция в России в октябре 1917 г. положила начало новому этапу в истории взаимоотношений двух государств...

Дунганское восстание. Buryadai

Автор Хак-Назар б.Касым

Из переписки:

Аврог, каким по вашему мнению был вклад русских эмигрантов в это восстание? Есть ли у вас данные об участии Советских войск, в частности войск НКВД в конфликте? То, что СССР отправлял в Синьцзян военных советников, сомнению не подлежит, т.к. слышал это от стариков, но участвовали ли в сражениях собственно советские войска? Как вы оцениваете деятельность Оспан-батыра? Вообще будет интересна любая информация...

с уважением Хак-Назар б.Касым. Отправлено 15 Май 2005г.

Buryadai ответил - 15 мая 2005г.

Про самолет с делегацией В. Туркестана на программе ТВ показывали о том, что все данные были рассекречены несколько лет назад. Там выступал доктор одного из уйгурских генералов, который поведал, что никакого взрыва не было на самом деле. Во всей этой кутерьме непосредственную роль организатора выступало НКВД. Видать планировалось присоединение В. Туркестана к СССР как это было сделано с Тувой. Но потом Кремль переиграл всю партию в связи с изменившейся международной обстановкой. По версии той программы все генералы Туркестана были если не агентами то во многом "зависимыми" от НКВД людьми. Синьцзян решили оставить в сфере влияния коммунистического движения Китая. Наверное тогда Сталин и Мао Дзе Дун и поделили Внешнюю и Внутреннюю Монголию + Тибет (extra bonus). А в воздухе взорвался наверное совсем другой самолет, а тот что с генералами благополучно приземлился на военном аэродроме Иркутска. Судьба генералов - это пожизненные ссылки на просторах бескрайнего Архипелага.

В возрасте 9 лет учеником начальной школы Победа в Арымбаке, Кульджа я с другими учениками и служащими государственных учреждений были приведены на аэродром провожать правительственную делегацию ВТР в Пекин на переговоры на тему Уйгурской автономии. Глава делегации был Ахмед Еффенди (Ахметджан Касими) и генералы Исхак Бек и Делилхан Сугурбаев. (муж моей старшей сестры служил офицером радистом, а его старший брат исполнял штабные должности в штабе Сугурбаева.) Около недели позже нас снова погнали на аэродром встречать делегацию, но к вечеру нас послали домой говоря, что самолёт либо упал в горах либо приземлился где-то. Через несколько месяцев привезли несколько закрытых гробов якобы с останками делегации и похоронили как героев в Семейном саду, где через несколько месяцев проходили народные суды над врагами народа и осужденных преимущественно уйгуров выводили на Пиличинку на расстрелы. Армия ВТР была превращена в строительный корпус и в 1949 была распущена совсем.

Вкратце по переходу в Китай 1932 г.

Мой отец и дядя были насильно забраны в армию эмигрантов, сформированную белым полковником Павлом Петровичем Паппенгутом по приказу губернатора Синьцзяна для борьбы с восставшими Дунганами. Вот короткая выдержка.

Дунганское восстание 1932 – 1935.

Не входя детально в причины восстания дунган против центрального правительства Китая важнейший стимул с дунганской непокорности центральному правительству был Ислам, исповедуемый ими.. Мусульманские купцы водившие торговые караваны между Ближним Востоком и Китайской империей основали торговые пункты восточных провинциях населённых преимущественно племенами китайской народности Хуэй или Дунган обратив их в мусульманство. Племенная аристократия дунган всегда поглядывала на центральную Азию как потенциальную часть Дунганской Исламской империи. Китайская Национальная Партия (Гоминдан) под водительством Сун Ят Сена свергла правящую манчжурскую династию оставив национальные меньшинства под управлением своей племенной знати. Так что частные Дунганские вооруженные силы номинально стали 36ой Дивизией Китайской Национальной Армии, а 22-летний Князь Ма-Джу-ин её командиром в ранге Генерал-Майора. Это позволило Ма-Джу-ину представить дунганское восстание 1932 года как акцией против мятежного правительства Синьцзяна.

С ограниченной помощью местных дунган и уйгуров Ма Джу-ин осадил провинциальную столицу Урумчи и занял часть Кульджи. К этому времени бывший белый полковник Павел Петрович Паппенгут по просьбе губернатора Ден Шу-женя успел сформировать один кавалерийский и два пехотных полка из бывших белых и последних беженцев из СССР. Оставив Кульджинский пехотный защищать Кульджу усиленным маршем привел кавалерийский и Чугучакский пехотный полки в Урумчи. Губернатор Ден Шу-жень замедлял с вооружением

русских полков, которые несли всю тяжесть осады. Это заставило Паппенгута свергнуть День Шу-женя и на его место поставить Генерал-Полковника Шен Ши-цая, который боясь участи своего предшественника сразу же заключил с Советским Союзом пакт открыв провинцию для неограниченного контроля Москвой.

Паппенгут и около 30-ти бывших белых офицеров были казнены за попытку заменить Шенши Цая Губернатором Кульджи, а эмигрантские полки попали под фактическое командование советскими советниками Шен Ши Цая, Комбрига Ади Каримовича Маликова со товарищи и после его генерала Павла С. Рыбалко. В 1938 г. Маликов был репрессирован и был реабилитирован в 1952 году ...

Оспан Батыр... Sep 26 2007г.

Образ Оспан батыра удивителен и необычен, особенно в век усиливающегося глобализма и тотального контроля над человеческим разумом и духом. Он словно вышел из древних преданий о казахских национальных героях. Этот необыкновенный человек, по сути, посмел бросить вызов сразу нескольким тоталитарным империям, и был уничтожен, но не побежден. Он внес особый вклад в образование свободной республики Восточный Туркестан и стал жертвой в борьбе за независимость казахского народа подобно хану Кенесары. Теперь, когда Казахстан получил суверенитет и мы постепенно заполняем "белые пятна" нашей истории, о которых раньше не принято было говорить, нужно возвращать имена и восстанавливать честь позабытых героев. Между тем таких людей немало было и в XX в. Так, за свободу и независимость Восточного Туркестана боролся Зуха-кажы батыр. Акыткажы Карымсаков, первый казах, выпустивший книгу в Казани, принял мученическую смерть в китайской тюрьме. Внезапная таинственная гибель Асета, знаменитого борца за независимость, также вызывает немало подозрений. О том, что Оспан батыр был вождем национального освободительного восстания в Восточном Туркестане, знают немногие

просвещенные люди. До сих пор не обнародованные сведения о нем есть в Китае, они ждут своего исследователя.

В 1938-1939 гг. в полном соответствии с идеей "мировой революции" вождь Страны Советов Иосиф Сталин протянул руки и в сторону Шынжана и Монголии. К тому времени большая часть мыслящей интеллигенции Казахстана была уничтожена. Ту же практику "красного террора" Сталин ввел и в Шынжане. Здесь было создано Управление общественной безопасности, Управление политического контроля (аналог знаменитого ГПУ), возглавляемое кадрами из СССР и подчиняющееся Москве. Более 60 тыс. человек было убито и брошено в тюрьмы. Цвет общества был уничтожен. Среди репрессированных оказались Шарипхан Женисханулы, народные акыны Акыт и Танжарык. Акыт, бывший в преклонном возрасте, не выдержал пытки и скончался. Шарипхан во время допроса и истязаний жестоко сопротивлялся, его изрезали на куски кинжалами. А Танжарык, как рассказывают, до последнего вздоха языком, как кнутом, стегал своих мучителей. Каждого, кто пытался противостоять террору, уничтожали.

В это кровопролитное и жестокое время, положившись на Аллаха, взяв лозунгом клич "Азаттык ушін жан пида" ("Готовые жизнь отдать за свободу"), и появился Оспан батыр, восставший против гоминдановских захватчиков. Он поверил в силу угнетенного, оскорбленного народа, в то, что постепенно, один за другим, люди пойдут за ним. С самого начала с Оспан батыром были его соратники Келес, Токтаган, Сулеймен, Жамитхан, Капас – всего семь человек. Сначала они нападали на врага внезапно, небольшими группами, что характерно для партизанского отряда. Но постепенно набирались сил, людей, и враги начали их бояться. О повстанцах на Алтае пошла слава.

В 1940 г. воины Оспан батыра освободили г. Коктогай, разбив вооруженные силы китайцев. Однако через некоторое время китайская армия вновь отвоевала город, устроив настоящую бойню: восемь из одиннадцати детей Оспан батыра были зарезаны. Его жена Мемей, бросившись в реку с остальными детьми, спаслась. У Сулеймен батыра в этом бою тоже погибла семья. Но постигшее горе не устрасило, а только ожесточило воинов, они были готовы бороться до конца.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Китайское руководство было уверено, что Гитлер победит, и начало обрывать все связи с СССР. В этой ситуации Сталину оказалась на руку готовность Оспан батыра выступить против китайцев. Все это время герой воевал на коне, без стрелкового оружия, и, идя теперь на компромисс с советской властью, он не забывал, что она утверждалась огнем и мечом, уничтожая его народ и веру. Целью же советского руководства было не только принести как можно больше неприятностей великой империи Востока, но и приструнить неподконтрольного никому батыра. И эту задачу решено было осуществить с помощью руководства Монголии. 5 октября 1943 г. состоялось даже специальное совещание, на котором было решено отправить к Оспан батыру делегацию из сорока человек во главе с неким Пахомовым.

6 октября прошла встреча делегации с батыром, однако стороны взяли на себя обязательства хранить в секрете ее результаты. Именно после этой встречи повстанцам начали помогать оружием, вещами, продуктами. В первую очередь было послано 27 ружей, 2600 пуль, 10 маузеров, а английский автомат и тысяча патронов к нему были подарены лично Оспан батыру. Однако все эти подарки не затмили разум Оспана. Зная, что за ними стоит желание сделать его полностью неподконтрольным и зависимым, он не остался в долгу: в ответ были подарены 38 лошадей, 8 ковров, 137 граммов золота. В это время авторитет Оспана в народе стремительно поднимался. Он хорошо знал местность, где шли боевые действия, имел богатый военный опыт. И советское руководство всячески пыталось заручиться поддержкой и воспользоваться военным талантом и бесстрашием Оспан батыра. И удобный случай им подвернулся. Не выдержав террора гоминдановских военных сил, 360 семей из родного селения Оспан батыра вынуждены были переселиться в Монголию. Им дали кров, всячески оказывали помощь. После этого наладить диалог с Оспан батыром оказалось довольно легким делом.

25 февраля 1944 г. на пограничной заставе, у притока Булгын реки Кобды состоялась встреча Оспан батыра с маршалом Чойбалсаном, послом Советского Союза в Монголии Ивановым, командиром Байкальского фронта Рубиным, руководителем разведки Ланпаныком,

министром внутренних дел Монголии Шагоыржаном и его советником Гредиевым. На этот раз повстанцам было подарено 395 ружей-пятистволок, 2 тыс. пуль, 30 легких пулеметов, 6 тяжелых пулеметов, 45 автоматов, 2 тыс. гранат. Все оружие было преподнесено в знак почета и уважения от имени сына Сухэ-батыра – Галсына, полковника и начальника отдела Министерства обороны.

6 марта 1944 г. в специально подготовленной для этого юрте состоялась личная встреча Чойбалсана с Оспаном. Батыру сообщили о том, что в Монголии образована военизированная группа помощи повстанцам, а также создано временное независимое правительство алтайских казахов. Оспану дали звание "Батырхан". Позже даже ходили слухи, что его подняли на белой кошме, как хана. Оспан же, понимая конечную цель советского руководства, призадумался и сказал Чойбалсану: "Пока буду жить под чистым небом, не приму ничьего подданства, особенно Китая". В это время гоминдановские армии начали готовиться к войне близ советской границы. Оспан батыру было поручено выступить против них со своими людьми. И он вместе с дивизией военно-воздушных сил Лиузухана уничтожил противника. После этой победы советские руководители стали больше давать советов и поручений Оспан батыру, что, по-видимому, свидетельствовало об их благосклонности. Но Сталин понимал, что Оспан никогда не оставит своей цели – достижение национальной независимости – и поэтому старался не упускать его из виду, подсылал к нему шпионов, которые должны были войти в доверие к батыру, следить за ходом его мыслей и докладывать о каждом его шаге своему руководству. С этой же целью Чойбалсаном к Оспану был подослан некто Ногай Шымшырулы.

Летом 1944 г. батыры Гани и Акбар, выйдя из района Или и Тарбагатая, присоединились вместе со своими сарбазами к Оспан батыру. Вскоре три северных шынжанских района были освобождены от гоминдановского ига. Осенью того же года было объявлено о создании Восточно-туркестанского временного правительства, руководителем которого был назначен Алихан-торе. К 5 сентября 1944 г. Алтайский край был полностью очищен от гоминдановской армии. Оспан батыр был назначен заместителем руководителя Алтайского края Далелхана

Сугирбаева. Семья Оспана переселяется в дом из красного кирпича, который в свое время был построен для другого батыра Шарипхана Женисханулы. Советник консульства Алтайского края подарил сыну Оспана велосипед, были и другие щедрые дары, но все это не трогало батыра. Он видел, что не достиг своей цели – его народ не стал подлинно свободным и независимым. Временами ему хотелось вновь поднять белое знамя Жанибека и уйти воевать. В конце концов, он действительно оставил свой новый дом, должность и переехал в степь. Батыр расположился у Черного Иртыша и даже не выходил из юрты, он чувствовал себя как тигр на железной цепи. Его настойчиво звали обратно, на работу в акимат, но он неизменно отвечал: "Я воевал и в снег, и в зной ради своего народа. А плоды пожинают красные. Мою должность отдайте Далелхану. Я – казах, и не играю в ваши игры, не собираюсь быть куклой в ваших руках". Далелхан Сугирбаев, посоветовавшись с генералом Викторовым, отправил к Оспану полковника Доскеева с орденами "За борьбу за независимость" I и II степеней и подарками. Оспан долго не принимал посланца, а приняв, ответил жестко и кратко: "Я воевал не для того, чтобы усилить Красную Армию. Не задерживайся здесь, возвращайся к своим. Эти погремушки носите сами. Я не вижу настоящей свободы Восточного Туркестана. Я все сказал". Боль Оспан батыра можно было понять. Более десяти лет он воевал за независимость своего края, потерял в боях детей, братьев, а теперь не знал, куда податься. Началась трагическая пора его жизни.

Начиная с 1947 по 1949 год его пытались представить врагом советской власти. Москва дала задание Улан-Батору уничтожить Оспана. И к национальному герою начали подсылать наемных убийц. Одним из посланных убить Оспана был некто Тескембай, который раньше служил батыру. Он проник в среду оспанских сарбазов и однажды пришел к Оспану с явным намерением достичь цели. Но, увидев батыра, опешил, его охватила нерешительность. Оспан сразу почувствовал неладное и сказал: "Что смотришь? Брось оружие и садись. Знаю, ты пришел убить меня. Говори, кто тебя послал, и как поручили меня убирать". Тескембай отрицал, что его подослали, говорил, что сам пришел, чтобы стать помощником батыра. На что Оспан ответил: "Ты, оказывается, пришел пожалеть меня в моем одиночестве... Хоть ты и хотел меня убить, я тебя

убивать не буду. Ты сам знаешь, казах никогда не поднимал оружие ни на монголов, ни на сартов (узбеков)". Убить Оспана подсылали даже его собственного дядю, но ни один план не достиг цели. Зная, на что способны его недруги, батыр был настороже. После того, как его юрты были обстреляны, Оспан ушел в горы.

Теперь создаются конные армии из казахов и уйгуров Восточного Туркестана, чтобы поймать Оспана. Сарбазов у батыра оставалось все меньше, все труднее ему становилось противостоять этой армии. В конце концов, Оспан приходит к нелегкому для него решению: через правительство гоминдан просить помощи у американского консульства. Однако идти на поклон к врагу он не решается и медлит. Зная о нелегкой ситуации, в которую попал их заклятый враг, гоминдановское руководство само прислало за ним человека. И сделка состоялась. Через правительство гоминдан Оспан связался с заместителем американского консульства в Урумчи Дугласом Шакараном и кое о чем с ним договорился – Дуглас прислал батыру сто дунганских воинов. Но какими бы они ни были, планам батыра не суждено было сбыться. Вскоре в Шынжан вошла китайская народная армия, и гоминдан мирно сложил оружие.

Весной 1950 г. Оспан батыр, положение которого стало невыносимым, вынужден был отступить в сторону тибетских гор. 19 февраля 1951 г. в провинции Хайзы Гансуского края батыр попал в окружение китайской народной освободительной армии и был пленен. Вскоре после этого он оказался в тюрьме Урумчи. Над ним проводился открытый суд. 29 апреля 1951 г. Оспан батыр был расстрелян на глазах большого количества людей. И лишь 12 января 1953 г. сыну Оспана Шердиману было разрешено вывезти останки отца из Урумчи.

Такова была судьба народного героя, борца за независимость. Оспан батыр был из числа великих полководцев, воинов, готовых сложить голову ради свободы своей земли и своего народа. Английский писатель Гофедей Лиас писал: "Появись Оспан батыр 5-6 веков назад, он, безусловно, был бы великим полководцем уровня Монке, Чингисхана, Тамерлана". Этот человек бросил вызов самым жестоким тоталитарным режимам XX века, и был уничтожен, но не побежден. Сегодня ему

пытаются воздать должное. Но первым делом нужно возродить память о нем на его родине...

Оспан-батыр и Гани-батыр в Синьцзяне

... Летом 1944 г. батыры Гани и Акбар, выйдя из района Или и Тарбагатая, присоединились вместе со своими сарбазами к Оспан батыру. Вскоре три северных шинжанских района были освобождены от гоминдановского ига. Осенью того же года было объявлено о создании Восточно-туркестанского временного правительства, руководителем которого был назначен Алихан-торе. К 5 сентября 1944 г. Алтайский край был полностью очищен от гоминдановской армии. Оспан батыр был назначен заместителем руководителя Алтайского края Далелхана Сугирбаева. ... Оспан-батыр 1899 г. р. был арестован 19 февр 1951г - расстрелян 30 апр. 1951 г.

Гани Батыр - Уйгурский герой, у которого после атаки из чапана выпадали пули. Посланный на перевоспитание китайцами, по-видимому умер в Урумчи в 1964?

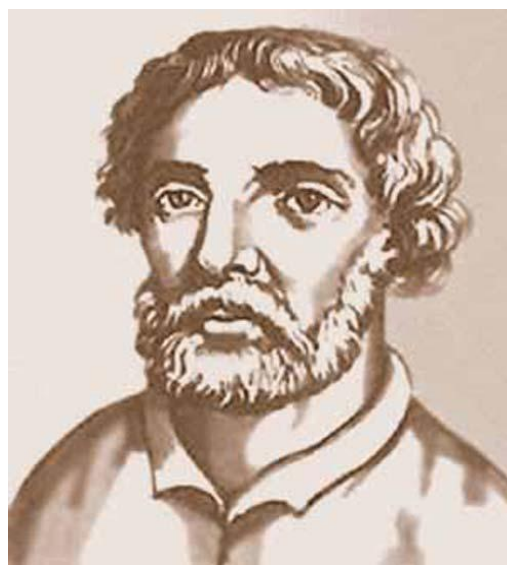
... Среди современных казаков почему-то мало говорится о таком феномене как о казаках – характерниках. О людях владеющих тайной приобщения к природным «силам-энергиям», и в древних источниках назывались воинами «Характерниками» или «Хариями» (то есть сочетали в себе качества и воя и волхва). Многие наши молодые казаки вообще не знают о таком понятии, хотя в народных преданиях о Стеньке Разине прямо говорится об этом : «Стенька Разин был из донских казаков. Он по христиански, был как бы, как дьявол, а по-нашему казак-характерник. Стреляют в него, стреляют. «Стой-ко те!»— крикнет он. Перестанут стрелять они, и снимет он с себя одежды, повытряхнет пули и отдаст назад; а если сам стреляет, то как «прядь» делает. Сенька и сам заговаривал от пуль.»

.... В XIX веке одним из самых известных казаков-характерников был герой Кавказской войны генерал Бакланов. По свидетельству очевидцев, в него, даже в неподвижного, не мог попасть ни один чеченский стрелок. Горцы были настолько поражены его магическим даром, который считали божественным, что даже хвалились друг перед другом тем, что именно Баклю, как его называли на Кавказе, одолел кого-то из них. По

некоторым сведениям, во время Гражданской войны среди казаков также были характерники, которые успешно сражались с красными. Одним из них считался белогвардейский полковник Васищев. В 1920 году с 54 казаками он якобы взял в плен целый корпус Красной армии, после чего разоружил всех его бойцов и отпустил на волю. Те, кто был свидетелем этого, потом рассказывали, как на людном плацу освобожденной станицы Наурской полковник Васищев соскочил с коня, расстегнул ремень и вытряхнул из-под гимнастерки пули, горохом посыпавшиеся к его ногам. Впрочем, скептики говорят, что он просто устроил впечатляющий спектакль, заранее спрятав за пазухой вынутые из патронов пули...

Характерник.

Разин Степан (1630 -1671).

Оспан батыр (1899-1951).

Гани батор (1902-1964(?))

РУССКИЕ В СИНЬЦЗЯНЕ. Рэм Музипов

Памяти погибших в боях за Восточно-Туркестанскую Республику.

«Кто убил генерала?» Так называлась наша первая книга. Она о синьцзянской революции 1944-1949 годов. Далекая, казалось бы от нас и временем, и расстоянием, и героями революция. Но мы живем в такую эпоху, когда ничто на Земле не проходит бесследно, когда мы – земляне должны стать членами одной семьи, потому что мать у нас одна – Земля. Она едина и неделима... Мы все мечтаем о счастье. Мы не можем быть счастливыми, когда вокруг нас – несчастные. Мы должны жить по законам разумного эгоизма. Этому учит история. Но история полная, без утайки и упрощений. Мы хотим знать правду. События, о которых мы рассказываем, долгое время были окутаны мраком неизвестности. Их не упоминали и не упоминают ни в одном учебнике истории. Их замалчивают от начала и до конца, презрительно именуя «фитинской авантюрой». Восточно-Туркестанская Республика (1944-1949), о которой мы пишем уже вторую книгу, просуществовала недолго. Провозглашена была 11 ноября 1944 года в Кульдже. Затем три освободившихся от власти Китая округа (Или, Тарбагатай, Алтай) вступили в коалицию с Гоминьданом и ее руководителем Чан Кайши, который в Три округа присылал своего правителя. В 1949 году на территорию Синьцзяна пришла Народно-Освободительная Армия Китая – Китайская Красная Армия. Сталин считал эту провинцию освобожденной от старой власти, защищенной режимом, который он устанавливал с Мао Цзедунем, и прекратил помощь ей. Мао Цзедун в Пекине 17 декабря 1949 года приказал создать на территории Синьцзяна Военный округ и сформировать новое правительство, власть которого распространялась бы и на три освобожденных демократами округа – Или, Тарбагатай и Алтай. Сталин не возражал, и Синьцзян автоматически вновь вошел в состав Китая, теперь уже не императорского и не республиканского, а – коммунистического. Так была ликвидирована Восточно-Туркестанская Республика. В подготовке Синьцзянской революции и становлении ВТР большую роль сыграли советские люди. Об этом мы рассказывали в первой книге, об этом же идет речь и во второй. Эта книга – об уйгурах, но не только о них. Эта книга – о русских, но не только о них. Эта книга – о любви и ненависти, о правде и кривде, о горе и счастье, о войне и мире. Создавалась она долго и тяжело. Первые страницы ее были написаны еще при Сталине, когда утверждалось всемирное царство социализма и коммунизма. Но работа над ней не прекращается и сейчас, когда из авторов в живых давно остался только один.

Синьцзян – страна гор, степей, пустынь. Страна кишлаков и кыштаков, айлов, городов, древних караванных троп и путей. Основное население ее – древний, как караванные тропы, тюркоязычный народ уйгуры. А кроме них – дунгане, киргизы, казахи, татары, монголы. И в рассматриваемое время – отхлынувшие за рубеж Российской империи белогвардейцы-золотопогонники. И бежавшие от раскулачивания хозяйственные мужички разных народов Советского Союза. И разбитые красноармейцами басмачи. И китайцы... Синьцзян, страна, силой оружия включенная в Срединное государство, в Поднебесную империю, сиречь Китай, никогда не признавала господства завоевателей и не раз отчаянно восставала против манжуров и ханьцев. У многих завидующих глаз были свои интересы в стране уйгуров – у англичан, американцев, немцев, японцев. Почти одновременно с китайцами, проявили интерес к новым землям и шведы. Подогрел его... Петр Первый! Когда он под Полтавой разбил Карда XII, часть военнопленных сослал в Сибирь, чтобы они там освоили для него новые земли. А шведы – не будь дураки! – проникли на юг, перешли границу и обнаружили прекрасную страну, настоящее Эльдorado, где и поспешили утвердить свои миссии.

У русских в Синьцзяне тоже были свои дела. Дела большие, геополитические. Они пришли в эту страну еще в XIX веке. И, увидев ненависть местного населения к завоевателям, решили, а не взять ли уйгуров и дунган под свою защиту? Благо здесь золото-медь есть; ткни палкой в землю – нефть потечет; каменный уголь прямо на поверхности – бери больше бросай дальше. Генерал-путешественник Н.М. Пржевальский, составивший карту этой страны, настаивал на включении ее в российские пределы. Мол, при появлении всего одного батальона русские уйгуры дружно и яростно восстанут против китайцев и выкинут их от своей земли (к этому времени Казахстан и Средняя Азия добровольно, под дулом пушек и ружей, вошли в состав Русской империи). Взяв под свою руку и Уйгурстан, можно вплотную подойти к жемчужине английской короны – Индии, навсегда укрепиться в Юго-Восточной Азии. Утверждают, что появление русских войск в Джунгарии было вызвано внутренними событиями в этой стране, что русские принесли сюда благо, успокоение. Может быть.

Недаром же еще в далекое уже теперь дореволюционное время в томе 1 МАЛОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ Брокгауза – Ефрона (С-Пб, 1907, к. 1604) было сказано: «Дунганы, китайцы-мусульмане в сев.-запад. Китае и Чжунгарии, 3-4 милл. душ; с 1861 подняли восстание против Китая, вызвали временное занятие Кульджи

русскими и отделение В. Туркестана (под властью Якуб-бека) от Китая. 1878 похоронены, 1895 – новое восстание также усмирено». На странице 363 Энциклопедического Словаря «МИР РУССКОЙ ИСТОРИИ» (Москва, 1997) есть такие сведения о 1871 годе (еще был жив и здравствовал Н.М. Пржевальский):

ЭКСПЕДИЦИЯ С ЦЕЛЬЮ ЗАНЯТИЯ КУЛЬДЖИ

Была предпринята для защиты Семиреченского края от грабительских набегов таранчей-уйгуров р. Или из Западного Китая. В апреле-мае произошли незначительные стычки русских отрядов с таранчами. 16 июня состоялся бой в д. Алим-ту (Алим-су) авангарда отряда семиреченского губернатора ген.-майора Колпаковского с численно превосходящими силами таранчей, закончившийся поражением таранчам у крепости Чин-ча-годзи и отбросил их к г. Суйдун. 19 июня в перестрелке у Суйдуна с конными таранчами неприятель был разбит, а город заняли русские войска. 21 июня сдался на милость победителей кульджинский султан Абсул-оглы. 22 июня кульджинский султан передал Колпаковскому ключи от крепостных ворот Кульджи. Вся кульджинская область была подчинена власти Российского императора. До Колпаковского и Пржевальского в Восточном Туркестане побывал русский разведчик Чокан Валиханов. Уже в августе 1856 года он под видом торговца проник в Кашгарию, как тогда называли Синьцзян. В своих путевых заметках он говорит, что «таранчи» буквально означает «землепашец». Так китайцы называли уйгуров, переселенных цинскими властями в XVIII веке в Илийский край поднимать целину и обеспечивать хлебом захватчиков. А южных уйгуров именовали кашгарлыками и «доверили» им торговлю и ремесло.

Чокан Чингизович Валиханов с любовью и сочувствием отнесся и к таранчам, и к кашгарлыкам – все они были для него уйгуры. Он составил следующий словесный портрет их. Туркестанцы Шести городов, писал он, чрезвычайно черны и имеют афганский тип лица. Впалые, углубленные глаза, тонкий и изогнутый, словно турецкая сабля нос, узкие губы и бедренная худощавость – вот что отличает их от других средназиатцев. Они более веротерпимы. К числу хороших сторон кашгарского нрава надо отнести свободу женщин, которые участвуют во всех публичных собраниях – без них не может состояться меджлис (эти словом и уйгуры, и татары называют не только собрание, но и пирушку, собрание за праздничным столом – дастарханом). Что же касается до наружного влияния китайской цивилизации, то оно ограничилось тем, что

украшило бедро каждого таранчи ножом, палочками для еды и голову – китайской шапочкой с кистью. А главное, указывает исследователь, народ этот никогда не пользовался совершенной свободой; влияние этого рабства наложило на их лица печать какой-то угрюмой и печальной безнадежности.

Или (мусульмане называют его Кульджа – («горный баран», «архар») – главный город Илийской провинции. Здесь когда-то было сосредоточено все управление Западного края, то есть провинций Тарбагатай, Или и Семи городов. Алтышаар (буквально Шестиградие) – одно из названий Восточного Туркестана происходит от шести наиболее крупных городов страны: Кашгара, Янги-Хисара, Яркенда, Хотана, Аксу (Вэньсу), Уч-Турфана. В 70-е годы XIX века появилось еще одно название Восточного Туркестана – Йэтишаар, то есть Семиградие. Так называли самостоятельное уйгурское государство, основанное Якуб-беком. В него входил, помимо поименованных выше шести городов, и Куча. Должно добавить, когда Якуб-бек погиб и его государство было уничтожено, значительная часть уйгуров и дунган бежала в Россию – Семиречие и Туркестан, недавно присоединенные к России. Вот так затейливо и хитро играет волшебница История человеческими судьбами! До прихода русских в Илийский край, то есть до лета 1871 года, здесь жили уже не только туземные мусульмане. Уйгуры (таранчи и кашгарлыки) обитали в основном в сельской местности: пахали землю, откармливали скот, лепили горшки, ковали железо, добывали каменный уголь и драгоценные камни – все это в условиях почти натурального хозяйства. Жители китайских военных поселений – сибо и солоны. Они – переселенцы из Манджурии. Солоны родственны даурам, а сибо (так писал Ч. Валиханов) – «среднее между собственно манджурами и солонями».

Около Сайрам-куля кочевали калмыки из рода чахар, а на реке Текес – роды из колена олет (элетами китайцы называли западных монголов – ойротов, по тогдашней терминологии). Были и на Текесе и в его долине и казахи. (О киргизах речь будет впереди). Все китайцы (ханьцы) были переселенцами – они не аборигены, и на территории Синьцзяна за исключением названия провинции почти не было китайских топонимов. Жили здесь и татары, и андижанцы (так называли китайцы выходцев из Средней Азии). И... шампань: сосланные на работу в рудниках ханьцы-преступники. Валиханов пишет: «Это народ отчаянный, люди ничем не дорожащие, для которых, что называется, жизнь копейка». (В связи с этими словами Валиханова нельзя не указать на одну особенность: при

чтении трудов Влиханова в нем ясно видишь человека двух больших культур: мусульманской и христианской, более того – православной). Китайцы, придя в Восточный Туркестан, для каждого народа придумали свои имена: уйгуры стали зваться не только таранчами и кашгарлыками, но ичанту – чалмоносцами, большеголовыми, и просто – мусульманами. Османы-турки стали хункарами, русские – улус, монголы – тойцзы, киргизы и казахи – варварами. А дунгане-мусульмане превратились в хой-хой. И т.д. и т.п... Прошло почти десять лет со дня прихода русских в Илийский край. И вот 12 (24) февраля 1881 года в Санкт-Петербурге полномочные представители императора и самодержца российского и императора китайского подписывают «ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ ОБ ИЛИЙСКОМ КРАЕ», по каковому:

Статья I. Е. в. император всероссийский соглашается на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками 1871 года...

Статья II. Е. в. император китайский обязуется принять соответствующие меры к ограждению жителей Илийского края, к какому бы племени и вероисповеданию они не принадлежали, от личной или имущественной ответственности за действия их во время смут, господствовавших в это крае, или после них...

Статья III. Жителям Илийского края предоставляется оставаться на нынешних местах жительства их, в китайском подданстве, или же выселиться в пределы России и принять российское подданство...

Статья IV. Русские поданные, владеющие участками земли в Илийском крае, сохраняют право собственности на оные и после восстановления власти китайского императора в это крае. Постановление это не относится к жителям Илийского края, которые перейдут в российское подданство при восстановлении в это крае китайской власти. Русские поданные, земельные участки которых находятся за пределами мест, отведенных для русской фактории на основании 13-й статьи Кульчжинского договора 1851 года, обязаны будут платить те же подати и повинности, какие платятся китайскими поданными.

Статья VII. Западная часть Илийского края присоединяется к России для поселения в оной жителей этого края, которые примут российское подданство и, вследствие этого должны будут покинуть земли, которыми владели там...

Статья XII. Русским поданным предоставляется право по-прежнему торговать в подвластный Китаю Монголии, как в местах и аймаках, в которых существует китайское управление, так и в тех, где оно не имеется. Правом беспошлинной торговли русские подданные будут равным образом пользоваться в городах и прочих местах Илийского, Тарбагатайского, Кашгарского, Урумцийского и прочих округов, лежащих по северному и южному склонам Тянь-Шаньского хребта, до великой стены. Право это будет отменено, когда с развитием торговли возникает необходимость установить таможенный тариф, о чем оба правительства войдут в соглашение. Русские подданные могут ввозить в упомянутые выше китайские области и вывозить из них всякие произведения, какого бы происхождения они ни были. Покупки и продажи они могут совершать на деньги, или посредством обмена товаров; уплаты же они имеют право производить товарами всякого рода.

Подписали: ГИРС, ЦЗЭН, БЮЦОВ

ПРОТОКОЛ На основании VI статьи договора... китайское правительство уплатит российскому правительству сумме в девять миллионов металлических рублей, назначаемых на покрытие издержек по занятию русскими войсками Илийского края и на удовлетворение разных денежных претензий русских подданных...

Подписали: ГИРС, ЦЗЭН, БЮЦОВ

Справка для сопоставления: Аляска была продана Соединенным Штатам Северной Америки за 7,2 миллиона долларов (меньше 11 миллионов рублей по тогдашнему курсу).

Вот такие дела были у русских в Синьцзяне. А у советских – что за дела? А советским людям все и везде нужно было вершить для пользы мировой революции. Хоть за тридевять земель! Хоть в Азии, хоть в Африке. Везде устраивать «революции» и устанавливать «социалистические» порядки: в Иране, Афганистане, Заире, Алжире... А уж в Синьцзяне, как говорится, и карты в руки. Они уж там давно составлены. Там и раньше была русская власть, были русские начинания. Да и население русским симпатизировало. Так что – быть Синьцзянской революции!

Кому ее начинать? Для этого забросили к уйгурам агентуру, развернули сеть разведки. Она и занялась «подогреванием» национальных чувств, подготовкой военных и руководящих кадров.

Резиденты руководили, агенты действовали – настроения подогревались. И гром грянул! А когда Сталин и иже с ним увидели, что в новоиспеченной Восточно-Туркестанской республике боссы ни о социализме, ни о коммунизме и не помышляют (все больше твердят о демократии, к тому – буржуазной!), положили предел: убили генерала, командующего Народно-Освободительной Армией, и несколько членов правительства – тех, кому народ доверял больше. И приказали забыть про Восточно-Туркестанскую Республику, будто никогда ее не было. Назвали ее «фитинской авантюрой» и списали с баланса... Но в истории ничего не списывается с баланса. Что было – то было!* (В настоящей главе использованы материалы статьи члена РАЕН, писателя Владимира Гречухина «...Кто убил генерала?» (Мышкин, «Волжские зори, №61 (9689), 13 августа 2003 г.).

Русские в Синьцзяне. Серия исторических материалов.

Старожилы Оша наверняка помнят Рэма Музипова – довольно известной личности в городе последних десятилетий прошлого века. Он родился на Тянь-Шане в г. Караколе. Некоторое время жил в Синьцзяне, работал в Башкирии и Киргизии. Рэм Музипов по образованию филолог, лингвист (тюрколог), изучал историю, но получил известность как публицист. Его статьи регулярно выходили в газете «Ленинский путь» (Эхо Оша) и всегда имели широкий общественный резонанс. Обладая писательским даром, Рэм Габитович в те годы вынашивал идею написать трилогию «Русские в Синьцзяне», как дань памяти отцу – Габиту Мазиповичу. Музипов-старший был профессиональным разведчиком, полковником госбезопасности, кавалером орденов и медалей СССР и ВТР. Он многие годы жил и работал в Китае (Синьцзяне), знал восточные языки, был писателем и журналистом. Похоронен он в Оше. Рэм Музипов с апреля 1994 года живет в деревне Нинорово Угличского муниципального округа Ярославской области, преподает историю в местной школе. Хранитель архива Г.М. Музипова издал в г. Угличе романы «Кто убил генерала?», «Русские в Синьцзяне». Завершает работу над сборником исторических очерков и рассказов о том, что было. Каждая книга – самостоятельное произведение. Вместе они составляют трилогию «Русские в Синьцзяне». Недавно Рэм Габитович дал о себе знать, прислав в редакцию две книги трилогии.

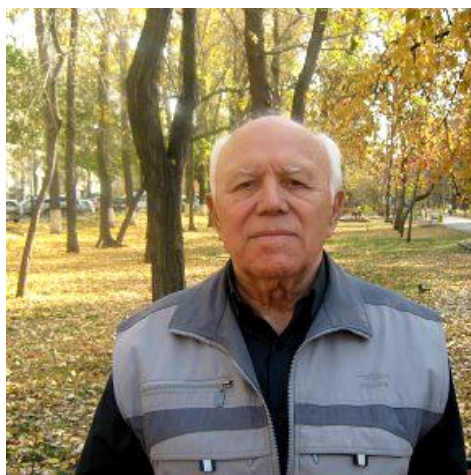
Просто Мария

Супруги Чечелевы, Виктор и Мария. 1954 г. дек. – Кульджа

Супруги Чечелевы. 2009 г дек.- Алма-Ата

Виктор Чечелев. 2015 г. - Алматы

Фото Владимира ЗАЙКИНА и из архива семьи ЧЕЧЕЛЕВЫХ, Алматы.

Школа носила имя Сталина и находилась в Китае, в Кульдже. Виктор Викторович Чечелев работал там учителем. Был классным руководителем своей будущей супруги, Марии Варсонофьевны. Учителем Чечелев стал так. Окончил среднюю школу при советском посольстве. После выпускного его направили учителем во вновь открывшуюся русскую школу. За четыре года он успел побывать и завучем, и директором школы. Учителей в русских школах Кульджи не хватало. Поэтому его будущая супруга, окончив 10 классов, тоже стала работать учителем в другой школе.

- *Был день ее рождения, и она меня пригласила,* - вспоминает Виктор Викторович. - *Наверное, тогда и пробежала искра... Я шел к ней в гости, и у меня уже был смек. Супруга смеется слову "смек": - У Вити была девушка, он за ней ухаживал, за этой девушкой еще кто-то начал ухаживать, и он тогда рассердился. - Это не имеет значения, - не соглашается мужчина. - Ушел я. Просто там ничего не получалось.* Женщина продолжает смеяться, он улыбается в глубину комнаты, где она перебирает фотографии их молодости.

- И что же вы подарили имениннице? - интересуюсь. - *Тогда все дарили книги!* - Неужели по тригонометрии?

- *Нет. Мы получили художественную литературу через советско-китайское общество. А какие пластинки у нас были! Вы знаете, что такое патефон? Мы крутили пластинки и танцевали.* Название подаренной книги супруги не вспомнили.

- *Вы первая за 55 лет спросили про это,* - изумился мужчина. - *Это же не тот момент, который врезается в память. Я помню первый поцелуй. Мы стояли на улице, я ее так осторожненько поцеловал, она мне ответила.*

- На том же дне рождения?

- *Вы сегодняшними мерками не меряйте! Тогда нужно было ухаживать долго. - До дня рождения в клубе был новогодний вечер, после него все и началось,* - находит женщина самую первую искорку в их отношениях. Ну, конечно, тот Новый год как лучший фейерверк в их 55-летней совместной жизни.

- *6 декабря 1954 года мы зарегистрировались, 12 декабря сыграли свадьбу, 24 декабря она уехала в Советский Союз,* - восстанавливает мужчина хронологию семейных дат. - *Год мы переписывались, с того времени у нас осталась пачка писем.* Супруга приехала с родителями в Алма-Ату, а меня отпустили через год. Она устроилась на мебельную фабрику, я стал чертежником. Мы поступили заочно учиться: она в экономический вуз, я - в технический.

Место рождения супругов Чечелевых - Китай, куда их предков забросила в 1917 году революция. В городе, где жили бабушка и дедушка Виктора, власть переходила из рук в руки: то к белым, то к красным. И те, и другие оставляли раненых в домах, не спрашивая разрешения у хозяев, и отправлялись дальше воевать за свою правду. Бабушка лечила всех. У бабушки была своя правда: все мы люди. Пока однажды командир белых не обозлился: чего ты тут врагов лечишь? Вот и получила за свою правду смертельную пулю. С родины, где стреляли и белые, и красные, уезжали сыновья и дочери. Так мама Виктора Викторовича оказалась в Китае, куда ее забрал

брат.

Отец нашего героя приехал в Китай как советский гражданин. Он возглавлял советско-китайский банк. В 1938 году в Китае были повальные аресты. Все как здесь. Отца пришли арестовывать ночью, чужие люди шарили по шкафам и сгребали в кучу все бумаги: документы, письма, альбомы с фотографиями. У сына с тех пор нет ни одной фотографии отца. У Марии Варсонофьевны отец воевал в Первую мировую войну. Был контужен, вернулся домой в Новосибирск. Сибирь тогда вся была белогвардейской, его мобилизовали и при отступлении в тифозном состоянии его увезли в Китай. Наверное, справедливость все-таки существует, если через два поколения потерь и невзгод третье награждается семейным счастьем. Без оглядок на красных и белых...

- *Это было возле ее дома,* - вспоминает Виктор Викторович самое важное свидание 55-летней давности. - *Вдруг кто-то потерял о мою ногу. Я от неожиданности вздрогнул: это был кот. И тут я сделал предложение.*

- *Кот навел на мысль!* - подает из угла голос супруга.

- *Когда предлагал руку и сердце, не волновался. Я был уверен, и она оправдала мое высокое доверие,* - парирует он. - *Помню, луна яркая была, потому что освещения в городе не было. Посмотрите фотографию, ей сшили панбархатное платье, снизу собранное в складочки. Вот она, моя красавица.*

- *Это мы в Германии,* - показывает другое фото. - *Мы дружили семьями с одноклассницей моей супруги Мариной Дороговой, моей ученицей. Она жила во Фрунзе. Она к нам приезжала, мы к ней. Как-то я ей сказал: встретятся наши сыновья и твои две дочери где-нибудь на улице и не поздороваются, надо их познакомить, и однажды на Новый год девочки приехали в гости.*

- *На нашу серебряную свадьбу,* - уточняет супруга. - *Получается на 25-летие свадьбы мы пригласили будущую сноху. Старший сын Андрюша женился на одной из дочерей моей бывшей ученицы и одноклассницы супруги. Сейчас они живут в Германии. Каждые два года нас приглашают, мы были там уже шесть раз.*

- *Зарабатывали мы очень хорошо, а на пенсии в нищету окунулись. Жить-то надо было, и я научился шить из отходов шикарной кожи портмоне. Сначала шил на руках, неаккуратно выглядело. Освоил ножную швейную машинку. Это несложно оказалось, носил на реализацию в ларьки и зарабатывал еще пенсию или полторы.*

- *Он все может!* - произносит Мария Варсонофьевна с гордостью.

- *А она в то время закончила курсы по изготовлению цветов и вышивкой занялась. Давайте я вам покажу некоторые ее работы,* - и мы идем вдоль стен двухкомнатной квартиры, на которых красуются работы хозяйки дома. Красиво.

- Тоже на продажу?

- *Нет, для удовольствия.*

Когда родился старший сын, Виктор Викторович разглядывал личико своего первенца, и не переставая повторял: смотрите, он улыбается! Тесть успокаивал растроганного молодого отца: малыш еще ничего не сообщает. А он все смотрел на сына, и такая буря чувств окатывала его, что ничего не хотелось понимать, кроме того, как ощущать счастье, глядя на жену и сына. Потом счастье повторилось. Второй сын родился 11 октября. Накануне родов Виктора послали на уборку картошки в Кегень. Он попробовал объяснить руководству: у меня сын должен родиться. Руководство решило, что картошка важнее.

“Вот до чего безжалостные были”, - итожит Виктор Викторович. Домой все-таки вырвался, купил худого гуся на откорм, чтобы было чем потчевать гостей по поводу рождения сына. По совету друзей гуся посадили в легкую ткань и кормили его тестом в подвешенном состоянии, чтобы он жир набрал.

- *Я помню того гуся,* - улыбается женщина давнему подарку мужа.

Обручальные кольца стали им малы, взялись расширять ее колечко, а оно лопнуло. Расстраиваться не стали, и новых не стали покупать. Свадебное платье сохранилось.

- *Как-то хотела на Новый год Снегурочкой нарядиться, но увы и ах... Не налезло платье,* - смеется женщина. И вдруг становится серьезной, - *считаю, что прожила счастливую семейную жизнь, а ты?* - обращается к мужу.

- *Я тебе в стихах все сказал,* - отвечает он.

Стихи - огромная *“простыня”*, поэма о том, что любимая женщина самая-самая. Рядом портрет, нарисованный карандашом. И подпись незатейливая: *“Просто Мария”*. Наверяно сериалом.

У каждого в этой жизни своя героиня. Или свой герой.

Хельча ИСМАИЛОВА , 29 декабря 2009г.

И еще одно письмо, от Н.И. Долдина.

3 июл 2013г. Здравствуйте, Виктор Викторович. Прочитал книжицу В.М. Уразовского про Синьцзян и школу имени И.Сталина в г. Кульдже. Вам удобно будет комментировать строки из текста "Звезда полынь"?

«...Директор школы Виктор Викторович Чечелев преподавал у нас черчение и был прекрасным художником. Со второго класса я посещал кружок изобразительного искусства, который он вел. Лучшими художниками школы считались Владимир Волощук и Анатолий Кириченко. В школе работал и танцевальный кружок. Кроме того, в школьную программу были включены уроки танцев. Все ученики, начиная с пятого класса, обучались танцам и многие умели танцевать вальс, вальс–бостон, па–де–эспань, па–де–грасс, полонез, польку, краковяк, фокстрот, танго с переходами,

мазурку, большой вальс. Уроки танцев вёл бывший белогвардейский офицер. Но мазурку танцевали не все. В школе, среди учеников и учителей, царила атмосфера изысканности в обращении друг с другом. Не могло быть и речи о небрежном отношении к девочкам со стороны мальчиков. На литературных вечерах, посвящённых юбилейным датам писателей – классиков, вход в зал на представление устраивался по билетам, на которых были написаны вопросы по тематике литературных произведений. Те ученики, которые не смогли дать правильный ответ, отсылались в специальное место, где можно было найти нужную книгу и подготовиться к ответу. Школа была двухэтажной, с просторными и светлыми классами и лабораторными кабинетами по физике, химии, биологии, оснащёнными современными наглядными пособиями и оборудованием. Школа имела свой радиоузел. В вестибюле первого этажа на входе, по обе его стороны, находились гардеробы для школьников и два огромных зеркала на всю высоту этажа, расположенные друг против друга. На территории школы был разбит небольшой яблоневый сад и несколько клумб с цветами. Работали в школе и спортивные секции. В 1952 году у нас ввели изучение китайского языка с шестых по десятым классы. Преподавал китайский язык Владимир Иванович Евтеев, который позже работал на радио в Москве, вещавшем на китайском языке на Китай. Чуть позже его заменил, приехавший из центра учитель китайского языка Хэ Бин. В 1954 году я покинул эту школу навсегда...

И ответ.

6 янв 2014г. Николай Иванович, спасибо за поздравления. Ответно поздравляем Всех Вас с Новым Годом и с Рождеством Христовым! Всех вам благ, благополучия и счастья! Виктор и Мария Чечелевы.

А Минька где?

Валентина Добрянская

Апр. 2013 г. В клубе «пушкинистов» из г. Кстово Нижегородской области,

Добрянская В.М.(Вороненко) – справа, *фото личного архива.*

Я родилась в год «Золотого тигра» (по восточному календарю), который повторился в моей жизни только один раз, через шестьдесят лет. В год моего рождения умерла тётя Лиза, родная сестра моего дедушки Степана (по линии моей мамы Марии), оставив на мужа трёх дочерей. Одну из них (среднюю Наташу) мои родители удочерили, воспитывали, учили, выдали замуж. Хорошо помню Наташу лет с пяти-шести, возможно потому, что в этот год произошли незабываемые события не только в моей жизни, но и в жизни города, в котором я родилась. Жили мы тогда в Китае.

Отец мой (гражданин СССР) работал секретарём при консульстве СССР в городе Кульджа. Срок его командировки заканчивался, наша семья должна была вернуться в СССР, то есть в Советский Союз. Дядя Егор, родной брат моего отца, который тоже был командированным, как и мой папа, вылетел со всей своей семьёй первым.

Ранним утром, приземлившись в аэропорту Алма-Аты, узнал, что началась война с Германией. Мы, сидящие на чемоданах, остались в Кульдже ещё на долгих четырнадцать лет: опустился, так называемый, «железный занавес»... Осень того, сорок четвёртого года, была сухой и тёплой. Пыльный город ждал дождя. Высокие, почти как деревья, кусты сирени не пожелтели, а пожухли от жары. Хризантемы в саду уже отцвели, а зрелые яблоки, осыпавшись, лежали под деревьями.

В тот далёкий день мы были званы на день рождения друга моего отца

(Василия Абрамовича, провизора, который работал заведующим аптекой). Семья Василия Абрамовича была интеллигентной: в ней царили удивительные манеры поведения и общения. Праздники сопровождалась танцами, музицированием, исполнением романсов. Велись светские разговоры, читались стихи, готовились мини-сценки, в которых непременно участвовал мой отец, обладавший природным актёрским даром. А для детей готовились затейливые игры в саду.

После таких праздников мы с сестрой Женей оставались ночевать, так как Верочка и Людочка были самыми лучшими нашими подружками. Агафья Петровна, мама наших подружек, была очень гостеприимной, мягкой женщиной. Нам нравилось гостить в их доме: необычное убранство комнат, тюль на окнах, картины в багетных рамах, панно из пшеничных колосков - всё создавало атмосферу таинственной загадочности. Особенно нам нравилось спать на металлических кроватях с панцирными сетками: можно было покачаться. А у нас были деревянные кровати с резными спинками и резными ножками. Да и круглый столик для шкатулок - на точёной стойке с треногой. Красивые, но не так загадочны, как у них. Наступила ночь. Наигравшись досыта, мы ещё долго перешёптывались, хохотали до тех пор, пока тётя Гаша не сказала строго: «А ну, проказницы, пора спать!..»

Был ранний прохладный рассвет, когда Наташа, которой в ту пору исполнилось пятнадцать лет, тревожно застучала в калитку тесовых двупольных ворот. Она что-то быстро, сбивчиво объясняла Агафье Петровне и Василию Абрамовичу. Быстро собравшись, мы не пошли, а побежали домой, чувствуя какую-то тревогу. По дороге Наташа, наконец, чуть не плача, сказала: «В нашем городе началась война!» Это была гражданская война, которая докатилась откуда-то издалека. Она ворвалась и в наш город, хотя давно шла там, далеко...»

Всё изменилось в одночасье: дедушка, папа, восемнадцатилетний дядя ушли воевать. Ушли и не вернулись дядя Дмитрий (муж двоюродной сестры моей мамы) и дядя Иван-отец Наташи. Теперь она и две её сестры остались сиротами. А родной брат моего деда Степана - Иван и его семнадцатилетний сын Павлик были жестко казнены. Нужно отметить, что многие русские-эмигранты присоединились к регулярным советским войскам: стали воевать на стороне гонсандановцев (то есть сторонников Мао Цзедуна, на стороне красных, которые завоевывали в революции социализм).

Первые дни этой войны вся наша семья, кроме взрослых мужчин, осталась в доме, который достроили совсем недавно. Но вскоре поняли, что оставаться в нём было опасно: легкий каркасный дом на высоком

фундаменте легко простреливался пулями и осколками гранат. Пришлось переселиться к соседям. Их кирпичный дом с большим подвалом стал убежищем для двух больших семей.

Стены подвала были толстыми, и, хотя дом уже пострадал (повылетали окна от бомбы, сброшенной с самолёта), в нём было безопасно. Было тесно, душно и сыро, но дети притихли, не роптали, послушно исполняли наказания и просьбы старших. Из мужчин за старшего остался семнадцатилетний братишка мамы, Василий. Но скоро и он уйдёт воевать и получит контузию в том самом бою, когда его друг, Николай Долгов, сын панфиловского генерала, погибнет от осколка гранаты. А пока!.. Шли недели, месяцы, на исходе был декабрь. И дети, и взрослые всё меньше и меньше получали хлеба, квашеной капусты, картошки. На дне кадушек отыскивали солёные огурцы и помидоры. Редко капусту сдабривали подсолнечным маслом.

Никогда не забуду того раннего утра, когда все проснулись от страшных ударов о забор, который высоко нарастили досками. Дети зарыдали от страха, успокоить их было невозможно. К великой радости оказалось, что это были советские солдаты и дядя Иван, отец Наташи, который погиб в бою через день от разрывной пули в живот. Часто теперь смотрю на фотографию его похорон. Лежит, как живой, будто только что уснул. Мужественный профиль настоящего героя! Щёки, борода в густой щетине... Сердце до сих пор о нём плачет!

Он властно распорядился: «Быстро собирайтесь и уходите в центр города, за консульство СССР. Скоро начнётся наступление. Идите дворами, мы с ребятами пробили в заборах проходы».

Сначала дядя Вася запряг лошадь в дрожки, лёг на дно дрожек, а мама и Наташа уложили сверху на него матрасы, подушки, ватные одеяла и закрепили всё сыромятными ремнями и верёвками. Открыв широко тесовые ворота, хлестнули по лошади кнутом! Она понеслась вдоль улицы между домами и речкой. За речкой захлопали частые выстрелы, и лошадь вынесла дрожки на центральную улицу. В это время мы бежали уже через дворы. Во дворе Садовских везде валялись бобины от ниток, нитки, изделия из трикотажа: кто-то разграбил и разбил их небольшую мастерскую. Во многих дворах всё было разбито, перевёрнуто, сожжено...

Через двор Начальной школы добрались до центральной улицы, перебежали поперёк нее добрались до стен консульства, за которыми были двухэтажные здания и большой парк. И хотя был конец декабря, снег и лёд на дорогах улиц растаял, под ногами хлюпала грязь и лошадиный навоз. Так как в то время машин было мало, по городу передвигались на фаэтонах, пролётках, бричках, дрожках, арбах, кошёвках, розвальнях. Мне

было очень трудно бежать: обута я была в валеночки с «чужих ног», к тому же из дырки в носке валеночка вывалился спавший с ноги чулок. Он мешал бежать, тянулся за валенком по жидкой грязи. Мама, которая была беременной на последнем сроке моей сестрёнкой Ниной, держала за руки меня и братишку Мишу. Женя бежала рядом, Наташа несла сумку с вещами. Вот уже видны боковые ворота консульства под арками; в нишах ворот можно укрыться и немного передохнуть. Вдруг прямо посередине улицы проехала бричка. Боковые её ограждения были высокими. Нагруженная доверху вещами, она была похожа на стог сена, на котором сидели наши соседи, жившие через двор: тётя Маруся, её сыновья и дочери. Старший, Василий, погонял лошадь. Мама, глядя на них, вдруг закричала: «Мария, Мария, а где Минька? Минька где?» Минька, то есть Мишенька, последний её сынок, двухмесячный грудничок. Мария спохватилась и запричитала: «Тонька, Надька, Васька, Борька, где Минька?..» И к нашему удивлению, бричка покатила дальше. Мама остановилась, как вкопанная. Растерявшись, она не знала, что делать. Но вдруг, выхватив узлы у Наташи, взмолилась: Наташенька, миленькая, возвращайся, беги, принеси Миньку. Я бы сама побежала, но не добегу: могут роды начаться. Ты беги, не бойся, мы будем тебя ждать, голубушка; мы только перейдём к центральным воротам консульства. – «Мамочка, я и сама хотела тебя просить, чтобы ты мне разрешили за ним сбегать. Я мигом, мамочка, не бойтесь, я живо, быстрехонько сбегаю», - плача приговаривала Наташа. На маме «не было лица»: бледная, как полотно, она плакала, прижимая нас. Мы стояли в нише консульских ворот и смотрели через дорогу, где скрылась Наташа.

Стрельба учащалась. А люди бежали перебежками по улице и рядом со стенами консульства. Они недоумевали, почему мы стоим, почему плачем. Стало ещё опаснее; тогда мама решила перевести нас к центральным воротам. Они там, за поворотом! Вот мы уже и у ворот!.. Тревожно выглядываем. Ждём. А время идёт!.. Вот, наконец-то, она выбежала из-за поворота. Нет! Радость наша была преждевременной!.. Какой-то мужчина, выскочив из ворот на противоположной стороне, подбежал к ней и стал вырывать Миньку. Да не тут-то было: Наташа крепко держала его, не отдавала, поворачивалась, кружилась, защищая себя и ребёнка. Раздался выстрел: кто-то из наших, советских, помог Наташе. Мужчина отпустил Наташу и бросился в боковой переулок. Наташа, с непокрытой головой, растрёпанными косами, подбежала к нам.

- Господи! Слава богу, что жива, моя любимая! Сейчас, сейчас!

Отдышись, успокойся, передохни! Дай, подержу маленького! - говорила мама. А он помалкивал, словно ничего не произошло... И вот мы снова побежали. Теперь мы с Женей несли узлы, а Наташа - Миньку. Высокая кирпичная ограда консульства полукругом переходила в улицу, которая за речкой, за небольшим бревенчатым мостом, расходилась вправо и в лево.

Вот мимо нас промчались повозки, наполненные какими - то неподвижными мужиками. Только потом я поняла: это были убитые. А у самого моста, у поворота, посреди улицы, лежал труп обнажённой женщины. Меня поражало всё: почему ей не холодно, почему всё тело в кровавых ранах? А мама снова заплакала: «Бедная, её всю штыками закололи!»

Когда вспоминаю о той убитой женщине, то и теперь думаю о том, как же ей больно было, как больно! И что самое странное и ничем не объяснимое: с тех самых пор я никогда не плакала над умершими. Вероятно, впервые увидев трупы убитых людей и трупы казнённых, которые лежали сотнями по краям огромных могил, я испытала потрясение. Какая-то дверца в душе и сердце захлопнулась, а боль высушила слёзы. Слёзы застыли в сердце, они не катились из глаз. Даже тогда, когда после тяжёлой болезни ушла из жизни мама, любимая мамочка, я не выронила ни слезинки. И только всю первую ночь после похорон я тихо прорыдала, уткнувшись в подушку. Но не могу сдержать слёзы, если вижу страдания, боль живого человека: я принимаю его боль, как свою, сострадаю, желая ему помочь...

P\S ...земной путь В.М. Добрянской (Вороненко) 16.03.1938г. – 8.04.2016г.

Записки путешествия по Китаю.

Владимир Снатенков

В тридцатые - пятидесятые годы прошлого века русское население в Кульдже составляло несколько тысяч человек. Здесь были две русские гимназии, и гармошка вечерами собирала на спевки не только русских, но и уйгуров, и китайцев. Разными потоками собралась на чужбине эта деревня. Первыми в Кульджу пришли кержаки. В середине XIX века здесь была сосредоточена русская торговля и организовано русское консульство. В семидесятых - девяностых годах были организованы крупномасштабные переселения русских для усиления влияния России. Также сюда селились из России казахи, татары, узбеки, хорошо владеющие русским языком. Во время гражданской войны в Синьцзян бежали белогвардейцы генералов Дутова, Бакича, Анненкова. В тридцатые годы XX столетия в Китай, переходя границу, ушли тысячи советских граждан, укрываясь от голода и сталинских репрессий, в сороковых - бежали дезертиры, прячась от войны с Японией и немецким фашизмом. Люди самых разных социальных слоев и судеб, разных представлений и понятий, привычек и навыков вращались в китайскую жизнь. Притуплялись прошлая боль и обиды, стали забываться давние события, русские отчасти растворялись браками в многонациональном Китае, а сохранившие свой язык и обычаи семьи стали обретать устойчивые черты национального меньшинства большой страны. Уже к концу Второй мировой войны в городе ощущалось общерусское сочувствие победе СССР над фашизмом, а когда открылись в Кульдже русские гимназии, то преподавание в них шло по купленным в СССР учебникам. Как бы ни менялась жизнь в России, и как бы ни были отгорожены границами русские, живущие в Китае, - манило их к Родине.

Семья Зозулиных, наверно, особенно приметная среди староверов Кульджи. В семье одиннадцать детей, все выросли и при деле. Некоторые живут своими семьями, но большинство при общине, где и родители. Вроде бы у каждого есть занятие, которое приносит заработок и можно жить, и все же на душе смятение: трудно найти спутника жизни. Многие русские ассимилировались среди китайцев, а оставшиеся - все родственники. Зозулины староверы - им полагается жениться на единоверцах. Наверное, они готовы нарушить запрет, но для россиян они не русские, а для китайцев - не китайцы. Трудно им найти людей по себе. И носят они в самих себе сомнения: русские они или китайцы, смогут ли создать семьи или обречены на одиночество, староверы ли они в стремительной новой жизни Китая. Теперь в Кульдже мало русских и больше стало ощущаться одиночество.

Может, пуститься, как их предки, в эмиграцию? Многие русские Кульджи, уехав в лучшие времена в Австралию, вернулись назад в Китай. Десятилетием раньше еще хотелось на историческую Родину, теперь же россияне едут в Китай торговать и пугают рассказами о Родине. И есть ли у них Родина? Они знают русский язык, но совсем не знают русской жизни.

В мастерской музыкальных инструментов один из братьев Зозулиных играл для меня на баяне и гармошке русские мелодии, затем звучали казахские, уйгурские, монгольские пентатоники. Александр почти неграмотен: на его детство пришлась "культурная революция" Китая, по воле которой русская гимназия закрылась. Не имея общего образования, Александр, тем не менее, большой музыкальный авторитет в городе. Демонстрируя свое искусство, он внезапно спросил меня:

- А много людей из России уезжают?

- Миллионы эмигрировали за десятилетие.

- Все они будут несчастны, как и их дети, - вынес он приговор. Его слова были сказаны без всякого сомнения, как выношенная всей жизнью истина. Истина, сформулированная по-библейски. В горах Тянь-Шаня есть замечательный снежный массив с высочайшими хребтами и вершинами, достигающий семикилометровой высоты. Здесь сердце Тянь-Шаня. Это удивительно красивый горный узел, а вершины Хан-Тенгри и пик Победы (7495 метров над уровнем моря) - вечно манящая мечта альпинистов. Массив занимает площади, уходящие на сотни километров, изломанные хребтами, ледовыми стенами, головокружительными ущельями и остроконечными вершинами. Район этот - вечный генератор, сотрясающий горы снежными штормами, электрическими разрядами, лавинами и ледопадами, селевыми срывами целых озер. Как ни велика необузданная стихия, как ни опасны эти горы, их восхитительная красота всегда будет заставлять испытывать волю альпинистов. Через это альпинистское Эльдorado пролегает граница Казахстана и Китая, поэтому посещение этого района усложнено не только стихией гор, но и стихией... бюрократии.

Мне посчастливилось в одной из экспедиций прошлых времен видеть сердце Тянь-Шаня со стороны бывшего СССР, а теперь я планировал посетить этот узел со стороны Китая. Но где начинается пограничная зона в Китае - это государственная тайна. А вдруг в Китае нет такой зоны? И я решил ехать, пока не остановят. Ехать долго не пришлось. Меня остановили и, как у всех местных жителей, проверили паспорт. У местных

была особая отметка о проживании в районе, я же был арестован. Меня тщательно изучали, долго смотрели документы и вещи, нашли русского переводчика, который говорил по-русски хуже, чем я по-уйгурски. Коверкая два языка, мы договорились, что на другой день я буду отправлен в районный центр, где смогу хлопотать о разрешении проезда. На следующий день я был отправлен попутной машиной, со строгим наказом водителю доставить меня в районную милицию. Водитель бдительно исполнил свой долг, но он, видимо, плохо разбирался в службах и завез меня к пожарным. Я тоже не был знаком с разновидностями китайских мундиров и долго выпрашивал у пожарных разрешения в пограничную зону. В конце концов, меня отправили в какой-то комитет, а те проводили в полицию. На удачу мне встретился китаец, хорошо говоривший по-русски, который изучал русский язык в Синьцзянском университете. Он согласился быть моим переводчиком в полиции, где я объяснил свою просьбу, и за час мне оформили разрешение на посещение нужного мне района. Земля слухом полнится, а китайская особенно. Пока я раскатывал за разрешением в полицию, в далекую деревню около границы дошел слух, что задержали русского и отправили в районную полицию. В этой деревне жила русская семья, где решили, что русский, очевидно, пробивается к ним в гости, и глава семейства отправился на мои поиски. Когда я получил в полиции разрешение и собирался уходить на поиски попутной машины, ко мне подошел солидный с умным лицом блондин, и мы растаяли друг перед другом в улыбке. Я понял, что он - русский, и он радовался встрече с земляком. Мы познакомились.

- Володя, меня вся семья просила, что б я тебя привез. Мы единственные русские в округе, в прошлом году к нам приезжали русские родственники из Австралии, мы так были рады с русскими поговорить. Поехали к нам, погостишь.- Вы, наверное, Зимин, мне рассказывали о вас Зозулины.

- А вы Зозулиным родственник?

- Нет, я родственник всем цыганам и кибитка при мне, - показал я на рюкзак. Отказать было невозможно. Оставив горы на потом, я поехал гостить. Для дорогого гостя (я был дорог уже тем, что русский) зарезали барана, мы ели свежатину, пельмени, блины со сметаной, казахский бешбармак, курт в прикуску к монгольскому солоноватому чаю и пили кумыс. Кухня была интернациональной, как и дух семьи. Родители Владимира Зимины бежали в Китай во времена голода в тридцать третьем году. Сам Владимир Владимирович родился и всегда жил в Китае, женился на монголке. У них пятеро детей, двое из которых выучились в Кульдже в

русской гимназии и прекрасно говорят по-русски. Общесемейным языком является казахский, так как в деревне в основном проживают казахи. Все в семье знают уйгурский и китайский языки, а дети с мамой говорят иногда по-монгольски. Владимир Владимирович работает ветеринарным врачом, а за представительность и ум его выдвинули в Совет национальности Китая, где он представляет русскую национальность в Уйгурском автономном округе и раз в году в Пекине здоровается с министрами.

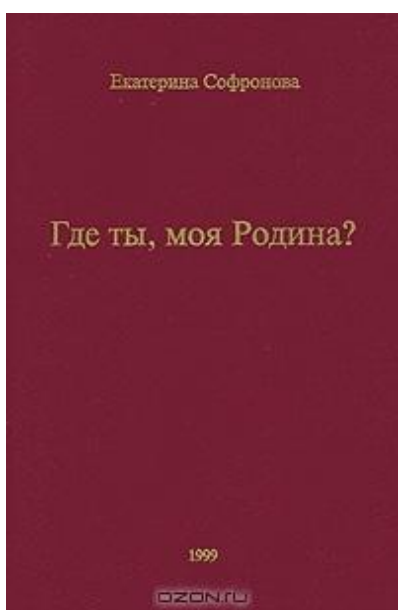
Младшая дочь Зиминых - двадцатилетняя интересная девица - уже успела поработать в русской школе в Кульдже. Я говорю ей:

- Тебе бы поступить учиться в России в Университет на восточный факультет, ты знаешь шесть языков - тебе бы цены не было.

- А пусть меня кто-нибудь замуж возьмет, - смеется Надежда. Она психологией - китаянка, но все же будоражат воображение русские корни. Я был тронут радушием, душевностью и бескорыстием замечательной семьи. Барышни провожали меня до пограничной зоны. Чтобы попасть в горы, нужно было отметить еще в одной деревне у пограничников. Собственно, от этой деревни и начинались горы. Каждая отметка, печать или регистрация у китайских чиновников волнует иностранца, ибо все эти операции разворачиваются в отдельную эпопею событий. Девушки хотели мне помочь в качестве переводчиков, и мы вместе, приехав в нужную деревню, пошли в пограничную часть. В части нам сказали, что начальника сегодня нет, приходите завтра. Но мне только отметить, разрешение у меня есть, вы, мол, можете меня сами отметить. Отметить мы можем, но только с разрешения начальника. Попререкавшись, я начал показывать письма, важно меня представляющие. Было у меня письмо и на китайском языке, переведенное с русского. Письма лучше не показывать, их будут долго читать, изучать, задавать глупые вопросы, потом всю информацию из писем перепишут в блокнот на уйгурский язык, поскольку я в уйгурском округе. Но хотелось получить отметку, если не сразу, то хотя бы сегодня. Позабавлявшись с письмами, три офицера наконец-то уяснили, что я фигура важная (иначе, откуда у меня столько писем, да еще на разных языках) и посоветовали поискать в деревне главного офицера, примерно указав, где его можно найти. Деревня большая, мы пустились на поиски, но начальника не нашли. Вернулись снова в пограничную часть... и надо же, там застали начальника, который должен был прийти на службу только завтра. Ее начальник позвонил своему начальнику в Урумчи - столицу Синьцзяна и оттуда ответили, что пограничная служба не подчиняется гражданской полиции, и меня пропустят только в случае, если я буду иметь письменное

разрешение Главной пограничной полиции из Пекина. Если сверху отказали, в Китае это больше, чем закон. Я был ошарашен. Но откуда же мне знать все эти китайские субординации. Да, чиновники редко осознают, кто они есть и какую грязную роль выполняют. У них есть инструкции, которые они беспрекословно выполняют и душат людей справками, запретами, нормативами. Они благоговеют перед инструкциями и гордятся исполнением своего долга...

Софронова Е.И. Где ты, моя Родина?

... ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ МАМЫ

... Вот что рассказала мне моя мама, рожденная в станице Сарканд, находившейся тогда в Семиреченской области:

- Когда мне было десять лет - начала свою повесть мама - то мамина мама, то есть моя бабушка, мне рассказывала, что когда ей было десять лет, они приехали в Сарканд из Сибири. Сарканд, вновь появившуюся станицу, находившуюся недалеко от Китайской границы, как раз в тот период заселяли людьми. Бабушка говорила, что тогда Сарканду было восемьдесят лет, а мне сейчас уже девяносто, значит в настоящее время станице сто шестьдесят лет.

Мои родители, Сафоний и Екатерина, были рождены в этой казачьей станице. Дома, сараи, амбары и дворы у всех в Сарканде были срубовые, хорошие, станица была очень красива. Когда в 1918 году случилась

война, то мы, как казаки, принадлежали к белым, а хохлы (так у нас назывались украинцы) были красными. Мой отец тогда был еще молодым и служил в армии в рядах казаков, поэтому, когда началась война, его дома не было.

Летом того года на Сарканд стали наступать красные. Казаки вначале не сдавались, но потом не выдержали и вынуждены были отступить, оставив свои семьи. Когда красные вошли в захваченную ими половину Сарканда, то солдаты стали забегать в каждый дом, ловить и убивать всех мужчин, женщин, стариков, даже детей, и лишь очень немногие забирались ими в плен. Мало того, солдаты поджигали со всех сторон деревянные дома. Вокруг нас все загорелось, мы испугались и побежали вместе со всеми. Нас было семейств пять или шесть, и в каждой семье были дети. Вскоре мы оказались за городом, не подозревая, что там залегла цепь красных. Когда выскочили на открытое место, они в нас ударили залпом. Я с трехлетней моей сестренкой, сидевшей у меня на спине, так и убежала с какой-то семьей в степь. Поняв, что мама моя вернулась, я хотела идти обратно, но люди меня отговорили:

- Как ты пойдешь, видишь, там стреляют? Ведь вас убьют. Идем с нами дальше, там есть селения, где-нибудь найдем русских.

Я осталась с ними, и мы все вместе пошли искать себе приют. Вот так и рассталась я с мамой, когда мне было всего лишь двенадцать лет. Заметив вдали заимку, мы направились к ней, но, не доходя до нее, наши мужчины спрятали нас в подсолнухах, а сами пошли выяснять обстановку и договариваться о ночлеге. Через некоторое время они принесли нам пищи, а мы, боясь, чтобы кто-нибудь нас не увидел, просидели в подсолнухах до вечера, а когда стемнело, перебрались на заимку, чтобы там переночевать.

Раньше в России разрешалось китайцам арендовать российские земли и ими пользоваться. На той заимке как раз и жили китайцы, которые выращивали мак для сбора опиума. Красные приходили и к ним, но как иностранцев никого из них не тронули и не убили. Мы переночевали у тех китайцев, а на следующее утро они нас увели к русским. У русских, к которым мы прибыли, набралось много беженцев, причем там были и хохлы и казаки, т.е. как красные, так и белые, при этом между собой они все были в родстве. Так казакам из той группы нельзя было показаться хохлам, а хохлам нельзя было показаться казакам. В той же группе была племянница моего папы, и она решила взять нас,

как своих детей, и ехать в поселок красных. На полпути нас остановили красные солдаты: - Куда едете? - Бежим от белых.

Но красные нас все-таки не пропустили и, заставив развернуться, погнали в штаб. Там нас продержали трое суток, и женщина, с которой мы были, все то время не выдавала, что мы казацкие дети. На четвертый день нам позволили ехать, но не в тот поселок, в который мы с самого начала собирались, а в другой. Когда мы въехали в какое-то селение, наша повозка остановилась, и мне сказали, указывая на один из домов: - Слезайте с телеги и идите в тот дом.

Мы слезли, а они погнали лошадей и от нас убежали. Я посадила сестру себе на спину и пошла в дом. Оказалось, это был штаб. В штабе военных не было, а были деревенские старики, которые начали меня расспрашивать, откуда мы и зачем пришли. Внимательно выслушав меня, они стали говорить друг другу, что нас надо убить. Некоторые из них возразили:

- Они женского пола, зачем их убивать? Дайте им солдатский котелок, да дайте шубы убитых киргиз, и пусть они живут у старушки, а за пищей приходят в солдатскую кухню. -

Так они и решили сделать. Дали нам шубенки и котелок, а я была рада, что мы шубы получили, так как уже было холодно, а убежали мы в одних платьицах, и ничего другого у нас не было. Потом кто-то из стариков распорядился, чтобы нас отвели к старушке, жившей в том поселке. На солдатской кухне работала одна женщина-украинка, бывшая замужем за казаком - близким другом моего отца, и жила она с ним до этого в Сарканде. В наказание за то, что она была замужем за казаком, ее заставили варить еду для солдат, и такие виновники были тогда всюду, и их было очень много. Та женщина ко мне всегда относилась хорошо, и когда я приходила за едой, она мне накладывала лучшего, что у них было: каши, хлеба, мяса, наливала в котелок супа, и я шла к себе в квартиру, где мы ели все принесенное. Так мы прожили недели три, после чего на это селение стали наступать казаки, а красные, отбившись от них, все же решили отступить до другого села.

Отступая, они забрали и нас, и мы ехали долго - до половины следующего дня, но перед тем, как уезжать, взрослые мне сказали:

- Оставайтесь здесь, а отец ваш приедет и вас заберет. - Я тогда подумала: "Нет, они нас здесь убьют, нам не поверят, что мы казацкие

дети". Посадила я себе на спину сестру и побежала со всеми, а один мужчина, ехавший в повозке с женой, увидел, что я несу ребенка и, сжалившись, сказал мне: - Тебе тяжело нести ребенка-то. Садитесь на нашу телегу. Посадили нас и повезли еще дальше, в плен к красным. Приехали мы опять в какой-то поселок, остановил мужчина лошадей и мне говорит:

- Иди в штаб. -

Слезли мы с телеги, а они, как и в прошлый раз, погнали своих лошадей и от нас убежали. Придя в штаб, я увидела, что там уже все было закрыто, и я, не зная, что делать, просто пошла по улице. На душе у меня было тяжело, но мне ничего другого не оставалось делать, как только идти. К счастью, я увидела речушку с растущими на ее берегах деревьями и решила свернуть туда. Нашла я удобное место, сели мы отдохнуть. В тот момент из соседних ворот вышла женщина и спросила нас: - Что вы тут сидите? Я ей рассказала, что произошло, а она, выслушав меня, пригласила к себе переночевать. Привела нас к себе, уложила спать, и мы крепко заснули и спали всю ночь до десяти часов утра. Мы хорошо в ту ночь отдохнули, а когда встали, нас вновь хозяйка послала в штаб. Я знала, что там нас могло ожидать, но другого выхода не было, и мы пошли.

В штабе к тому времени уже были люди, и опять все старики, а приходили они туда, чтобы узнавать новости. Я, как и в прошлый раз, рассказала им, что с нами случилось и каким образом мы оказались там. На счастье среди бывших там людей оказался один человек из Сарканда, где у него тогда оставались две дочери, работавшие у людей в няньках. В военное время он не знал, что с ними стало, и поэтому после моего рассказа загрустил, вспомнив о своих детях. Он не скрывал своего горя: - Вот и мои бедненькие дети где-то так же страдают.

И сжалившись, сказал, что возьмет нас к себе. Приняли нас очень радушно, затопили баню, нас вымыли, дали нам нижнюю одежду; а так как земляк сам был сапожником, то позже сшил нам и обувь. Жилья у них, к сожалению, своего не было, поэтому они жили на квартире, а хозяйке квартиры не понравилось, что у них живут дети врагов, и их стала гнать, говоря:

- Вот вы взяли этих кошкодеров, уходите отсюда или уберите их. Я не хочу, чтобы они здесь были.

У бедного нашего благодетеля другого выхода не было, как нас убрать. Помню, как он мне говорил:

- Я не погоню вас опять в штаб, но пойду сам по селу и найду для вас место.

И, правда, пошел он по селу и нашел хороших людей, живущих в двухэтажном доме с балконом, у которых был полный достаток. Когда мы перешли к ним жить, нас кормили хорошей пищей, и вообще у них было всего вдоволь. Мы у них прожили всю зиму, а весной пришел приказ, чтобы всех сирот сдали в приют.

Собрали нас, всех сирот, и повезли на телеге, а приют был далеко, и мы ехали до него очень долго, так как нас разделяло расстояние двух или трех железнодорожных станций. Оказалось, что в приюте было неплохо, все там было готовое, были няни, и даже мне уделялось внимание как к ребенку, не говоря уж о моей сестре. В том же поселке оказалось много людей из нашей станицы: там были как пленные женщины, так и просто беженцы, а, кроме того, в тот же приют попал и сын нашего батюшки. Поскольку я встретила своих людей, то мне стало легче и веселей: я стала ходить играть к жившим там людям из Сарканда. Так, однажды в воскресенье я была у своих знакомых, где меня усадили за стол пить с ними чай, как, вдруг прибежали ребятишки из приюта с криком:

- Шура, иди, твой отец приехал!

Я от радости, не помня себя, кинулась бежать, и все, бывшие со мной, тоже были рады слышать такую новость, и они все побежали за мной. Я с криком бросилась отцу на шею, обняла его, а отец мне говорит:

- Я человек военный, мне дали короткий срок, чтобы съездить за вами, собирайтесь скорее, и мы уезжаем.

Я быстро собрала, что у меня там было, а когда папа усадил нас и других людей на пришедшие с ним две подводы, то они заполнились людьми до отказа. С нами тогда поехало много женщин и батюшкин сын. Приезд моего отца, белого казака, на территорию, контролируемую красными, можно объяснить только неразберихой, творившейся в то время, и неустойчивостью новой власти. Подъезжая домой, мы увидели, что все улицы были заполнены народом: это люди встречали нас. Помню, как все были рады нас видеть, на меня брызгали водой, и моей радости тоже не было конца. Привезли меня не в тот дом, из которого мы когда-то бежали,

поскольку он сгорел, а в другой, небольшой, - в три комнаты, выстроенный моей мамой с казаками-работниками. В этом домишке мама потом прожила всю свою оставшуюся жизнь до самой смерти, а умерла она приблизительно в девяностолетнем возрасте в семидесятые годы.

Когда я возвратилась домой, мне рассказали, что в начале войны у нас в доме осталась моя восьмидесятилетняя бабушка, мамина мама, с моей шестилетней сестрой, и вбежавшие солдаты их зарубили шашками. Позже, когда нашли их тела, то увидели, что белая стена комнаты была вся залита кровью. После того как был подожжен наш дом, сгорело все: дом, сараи, амбары и все стены двора, ведь все было деревянное. Другая моя бабушка, папина мама, тогда жила в другом доме, у моего дяди, так она живой горела во дворе. Ей к тому времени было уже девяносто лет, а когда дом и двор с тремя амбарами и сараями подожгли со всех сторон одновременно, бабушка выйти из дома-то смогла, а из двора так и не вышла и около амбара сгорела. Соседи слышали, как она кричала не своим голосом, но никто не мог высунуться, везде свистели пули. Вокруг Сарканда тогда красные установили двенадцать орудий, из которых непрерывно стреляли и половину нашей большой станицы разбили до основания. После войны мама смогла построить себе дом, и вообще она была большой работницей, и все у нее получалось очень быстро. Я помню, как Ваня, мой муж, любовался ее работой и удивлялся, как она могла лепить пельмени за двоих. Папы моего, военного, во время войны дома не было, маме ждать помощи - не от кого, устраивать жизнь приходилось самой, что она с успехом и делала.

Сколько российских слез тогда оросило землю! А сколько пролилось крови не только вообще народной, но и нашей, родственной? В каждой семье были потери. А моего дядю, папиного брата, арестовали и, продержав некоторое время в тюрьме, выпустили, потом опять арестовали, увезли ночью в поле и там расстреляли. Никто тогда о случившемся не знал, узнали об этом гораздо позже. Моего молодого, но уже семейного двоюродного брата поймали в его собственном саду и убили - вздохнула мама и замолкла. Позже моя мама, рассказавшая предыдущее о своей жизни, с папой некоторое время жила в доме моей бабушки - папиной мамы, к тому времени овдовевшей. Вот тогда-то и слышала мама рассказ бабушки о ее прошлой жизни. Звали мою бабушку Ульяной, ее мужа, моего дедушку, Иосифом Васильевичем, а фамилия их была Метла.

- У моих родителей была большая семья, и жили мы на Украине, - рассказывала бабушка маме, а говорила она только по-украински. - Не смотря на то, что у моих родителей земли было немного, жили мы неплохо, у нас было около трехсот ульев пчел. Когда я узнала, что приезжает меня сватать жених, забежала за деревянную стену, спряталась и стала ждать, когда он пойдет, чтобы посмотреть на него в щель. Наконец я увидела красиво разодетого молодого человека, и он мне понравился. Про себя же я тогда подумала: "Хороший жених" и за него просваталась. Через несколько лет после свадьбы из Харькова, где у нас родился уж третий сын Ваня, мы переехали в Сибирь на станцию Макушино, где кроме того что получали жалованье от правительства, мы сеяли еще и подсолнухи. Вначале подсолнухи не давали прибыли, но потом в один год мы вдруг получили такой хороший урожай, что решили начать свое дело. Построили хлебопекарню, потом кондитерскую и колбасную фабрики и открыли свои магазины. Для продажи заказывали рыбу, фрукты, различные овощи вагонами из разных мест России. Все свое и привезенное продавалось в своих же магазинах, а поскольку на станции постоянно было много народа, то на все продукты был всегда большой спрос. Так у нас ничего не задерживалось, все расходилось очень хорошо и давало большой доход. У нас были наняты служащие, а когда подросли старшие дети, то и они стали помогать отцу в магазинах. В конце концов, время стало беспокойным, и мы решили продать свое дело и, договорившись с покупателем, переехали в Ташкент, а потом, поменяв свою фамилию, из Ташкента уехали в Сарканд. Во время военных пожаров в Сарканде все наши документы сгорели, и таким образом мы потеряли все свое богатство, не получив за него ни копейки.

Конечно, жаль терять свое богатство, тем более все до нитки, но зато сами остались живыми, страшно подумать, что было бы, если б они остались на месте со своим богатством? Я думаю, уточнений здесь не требуется, сама история дала ответ нашему потомству.

- Когда они приехали в Сарканд, - продолжала моя мама рассказывать - им там понравилось. Во время пожаров их дом и все что у них было сгорело, ни кола и ни двора, как говорит русская пословица, у них не осталось. После пожара они оказались в Сарканде из бедняков бедняки, но не унывали и старались выйти из своего бедственного положения. Сыновья их стали крыть железом крыши и таким образом зарабатывать деньги на жизнь, позже арендовали землю, пахали ее, сеяли всякие злаки и так кормили семью. Постепенно положение намного улучшилось, и жить стали опять неплохо. Продуктов у нас у всех тогда

было достаточно, потому что все растили для себя сами, а вот одежды не было. У всех все погорело, а доставки никакой не было, и поэтому всем пришлось сеять лен, коноплю, затем мочить, мять, прясть нитки и ткать. Так все сами себя и одевали. Правда, были у людей бараны, шкуры которых выделывали и шили из них одеяла. Так тянулось года два или три, и только потом стала появляться ткань. Постепенно наша жизнь стала улучшаться, но в те годы в Сарканде стало появляться очень много народа из Сибири; им негде было жить - некоторые семьи принимали их к себе и кормили бесплатно. У нас тоже всю зиму жили муж с женой и двенадцатилетним сыном, а когда они уехали, то приехали другие, и их тоже мы кормили бесплатно. Но у этих вторых случилось несчастье: муж овдовел, и когда он похоронил свою жену, то собрался и куда-то уехал.

Поскольку земля у нас была плодородной, то все росло очень хорошо, и когда не было дождей, у людей была возможность посевы поливать, и поэтому все выросло без каких-либо проблем. Выращивали у нас все: пшеницу, кукурузу, просо, подсолнухи, ярицу, рожь, ячмень, горчицу, овощи, фрукты. В отношении пищи мы ни от кого не зависели, у нас все было свое, а вот оттого, что не было ткани, мы очень страдали. Со временем она стала появляться в продаже, но такого количества и качества, как было раньше, уж больше никогда не было. Ну что ж, люди мирились. Так мне мама и сказала: "Мирились", а в сущности-то, что люди могли поделать?

- Вот так и жили, - вздохнула мама, - встаешь утром и, умывшись, идешь к прялке и прядешь нитки целый день, прядешь да торопишься. Вот такой стала наша жизнь: летом растишь лен, а зимой прядешь.

- А как ты с папой встретила? - спросила я.

- Ваня, твой отец, и его брат пришли однажды на вечеринку, и там я его впервые увидела, но мы в тот вечер не познакомились. После того в одно из воскресений мы, четверо девочек, стояли около нашего дома, и вдруг подъехал к нам на кошевке Ванин брат Алеша и пригласил прокатиться. А мы, молоденькие, не хотели садиться, стеснялись, а старшая из нас, которой было уж около двадцати лет, нам говорит: "Идемте, девочки, садитесь. Если паренек хочет покатать, почему ж нам не покататься?". Идет она, и первая садится в кошевку, а мы за ней. У нас там часто катались люди на кошевках, на санях, причем всегда вначале проезжали по улице, которая идет по-над речкой, а обратно по церковной. Так вот и в тот раз паренек повез нас по тому же маршруту. После того

Ваня со своим братом стали бывать в кругу нашей молодежи, а через некоторое время он мне сделал предложение, на что получил отказ по той причине, что я тогда была еще очень молодой. Он тогда стал ухаживать за другой, ухаживал и сватал, а через некоторое время, к моему удивлению, опять пришел ко мне. Я посмотрела на всех ребят: они красивые, стройные а про себя подумала: "Сейчас жизнь трудная, а Ваня мастеровой, с ним мне будет жить легче, а у других этого нет". Хотя я и была в то время еще совсем молоденькой, однако рассуждала, как мне кажется, по-взрослому и, подумав, я решила избрать себе в мужа Ваню, поставив условие, что свадьба будет только после того, как пройдет осенняя уборка. К тому времени Ванин отец уже умер, а Ваня как старший сын был хозяином по дому, и вся ответственность лежала на нем. Осенью 1923 года, когда все работы были закончены, в день Казанской иконы Божией Матери пришли сваты: дядя Кирилл Метла, дядя Филипп Метла, а потом пришел и Ваня, и меня просватали. У нас в Сарканде была традиция венчаться вскоре после того как засватают, и поэтому недели через две или три у нас состоялось венчание в нашей Саркандской церкви. Ваня настолько привык петь в церковном хоре, что когда во время венчания запели хористы, он, стоя под венцом, запел вместе с ними, но потом, спохватившись, замолчал.

Через неделю после нашей свадьбы Ванин брат Алеша, который нас когда-то катал в кошевке, тоже решил жениться, а так как невесту он себе уж присмотрел, то и немедля были посланы сваты, и через еще одну неделю пришла к нам в дом вторая невестка. В том же доме, где жила Ванина мама и мы, жили также Ванина незамужняя сестра и два брата: младший, еще не женатый, и старший Витя, к тому времени уже женатый и с ребенком. Так как нас там набралось очень много, старший брат решил выстроить себе дом и отделиться, а Алеша с женой от нас тоже ушли, поселившись около нашей церкви, так как он потом в ней стал служить псаломщиком и регентом. После всего этого мы остались в доме с моей свекровью, Ваниной сестрой, и его младшим неженатым братом, а когда и он женился, то мы купили себе небольшой домик и стали жить тоже самостоятельно.

При доме было немного земли, на которой мы растили для себя овощи, а в саду выспевали свои фрукты. Хозяйство наше состояло из одной или двух коров и одной лошади, тогда как у моей мамы было три лошади. Чтобы пахать поля надо было иметь четыре лошади, поэтому люди объединялись и пахали каждой семье по очереди. Так сажали и арбузы, которых у нас было много. А вообще-то сеяли всего понемногу:

пшеницы, ячменя, горчицы, льна, конопли, подсолнухов для масла, ярицы. Все выросло свое. Хорошо то, что в засушливые годы можно было поливать, а вот в дождливые бывало плохо.

Один раз, когда я была еще не замужем, у нас выросла пшеница, высокая да сочная, и уж колосья налились, а когда подул ветер, она повалилась, и из колосьев молочко вытекло; все остальное в тот год дало много урожая. А случилось это, как мне кажется, в 1922 году. Если бы нас не обирало правительство, жить было бы можно. А то придут и говорят: "Вы до такого-то числа должны сдать государству столько-то"; не успеем сдать, опять накладывают, да еще побольше. Обирали нас до нитки. Так вот мы и бились, тяжело было. Многие люди пробовали прятать, но часто случалось, что если не чужие, так свои и даже невинные дети, ничего не понимая, выдавали, и тогда бывало еще хуже. Вот такое было время...

А тут Ваня заболел, да как заболел! Шел он однажды в воскресенье из церкви домой и, узнав о том, что по улицам хватают людей, он, прячась, добежал до дома и сразу же, не переодевшись, спрыгнул в погреб. Он знал, что если его поймают и узнают, что он ходил в церковь, его не помилуют, в то же время знал и то, что по праздничной одежде поймут, что он ходил в церковь. Хватавшие людей, не ограничивались только улицей, они забегали в дома и, если кого там находили, расправлялись с ними, как хотели. Они не пропустили и нашего дома и, как нарочно, устремились к погребу. Вытянули оттуда Ваню и, конечно, сразу же стали придирааться за то, что он ходил в церковь, а угадать это по одежде было нетрудно. Поставили Ваню к стене, а сами нацелились в него из своих ружей, но в тот момент Ваня потерял сознание и упал, вероятно, тем самым сохранив свою жизнь. После этого у него начались недомогания, и он решил сходить к врачу, который, определив порок сердца, выписал справку на целительные родники и дал ее Ване со словами: "Поезжай, а там и за границу попадешь, а не то ты не будешь жив". Трудно было нам подниматься с места, надо было все бросить и окунуться в неизвестность, но делать было нечего, и мы решили послушать совета врача.

К нашему выезду мы приготовили двух лошадей, взяли с собой, что могли, а все остальное и дом так и осталось. Приехали мы на родники, а оттуда, не задерживаясь, поехали дальше. Когда мы прибыли в Жаркент, то узнали, что многие люди собирались ехать или, у кого не было лошадей, идти пешком в Китай. К ним присоединились и мы. Всего набралось двадцать две лошади, а людей сколько было - неизвестно. Сели

мы на лошадей, привязали к себе по ребенку, а у нас их к тому времени было двое, и поехали. Ехали один за другим гуськом, сохраняя по возможности тишину, и также гуськом шли за нами пешие. Таким образом мы оказались за границей в 1931 году, но тогда мы думали, что выехали временно, и никто не мог предвидеть, что со своей родиной расстанется навсегда. Мы надеялись, что в скором будущем жизнь в нашей стране нормализуется, и мы все, немедля, возвратимся домой - заключила мама.

Мне хочется добавить от себя, что русскому народу переходить границу приходилось в непростых условиях, так как некоторые русские, воспользовавшись ситуацией, занимались грабежом. Часто случалось, что таковые набирали группу людей, чтобы провести их через границу, а по дороге приводили в безлюдные места и всех их убивали, забрав себе лошадей и пожитки. Кроме русских таким же делом занимались и казахи с киргизами, и управы на них, понятно, ждать было не от кого.

Вот что рассказывал мой дядя Витя о своем побеге:

- Русским, бежавшим из России, казахи стали предлагать себя как проводников через опасные места. Некоторые из них были добросовестными и переводили через границу благополучно, но, к нашему несчастью, нам попались не такие. Уговорившись с казахами, мы тронулись в путь. Подъехав к какому-то полю, усыпанному человеческими костями, под каким-то предлогом наши казахи решили остановиться, сказав нам, что рано утром отправимся дальше, а сами как-то подозрительно между собой все время переговаривались. Нам же глубокой ночью явился какой-то совсем белый старец и сказал: "Садитесь скорее на лошадей и бегите. Вас хотят убить". Мы его послушали, тем более после виденных нами на поле человеческих костей. Сели мы быстренько на своих коней и поскакали. Заметив это, казахи погнались за нами, но мы как-то смогли благополучно от них скрыться. Нам посчастливилось, а сколько произошло убийств на границе, о которых никто не знает? Скрыть убийство было легко, поскольку побег за границу всегда делались тайно. Человек скрылся, и это было равносильно тому, что он не жив, никто о нем не побеспокоится, а знающие родственники будут хранить тайну его исчезновения.

А вот другой случай перехода границы, о котором рассказала мне моя подруга Таисия Волкова (теперь Павлова):

Мои родители, перейдя границу, оказались тоже в Западном Китае, но только они попали в город Чугучак. У мамы было тогда четверо детей, одного из которых несла она, а остальных маленьких несли вожатые казахи. Шли они по камышам, по болотам ночью в проливной дождь. В одном месте, когда осветила их молния, они вдруг увидели советских пограничников на лошадях, и все, как мертвые, упали в болото. Даже дети, почувствовав что-то особенно важное, все притихли, и так они пролежали, не шевелясь, пока пограничный наряд не проехал. Затем они вновь пошли и шли до самого утра, когда, спохватившись, мама заметила, что ее старшего, шестилетнего мальчика с ними нет. Она упала на землю и стала умолять проводников немного обождать, а они, чтобы никто не выкрикнул, маме и всем детям закрыли рты. Видимо, ждали они недолго, на рассвете вдруг услышали какой-то шелест в камышах, насторожились, но тут, к их радости, из камышей появился потерянный мальчик. Когда стало видно город, казахи их оставили и быстро исчезли. Осталась мама с детьми в поле, откуда с одной стороны виднелся город, а с другой холмистые степи, и не знала, что предпринять. Затем увидела она подъезжавшего к ней бая (казахского богача) со свитой. "Кони под ними так плясали, что то и смотри могли затоптать детей", - рассказывала мама. Казах-бай хриплым голосом ей сказал: "Вы что не знаете, что земля эта моя?", показывая рукой свою обширную землю и тыча себя в грудь. Мама поняла, что она незаконно находится на его земле и поэтому подлежит наказанию, и ей вдруг пришло в голову развязать свой узел, в котором были ее праздничные платки, и подарить хозяина. Она знаками объяснила ему, что не знает что делать, что ей жить негде, а он, выслушав, указал на город и поехал с своей свитой дальше. Пошла мама с детьми к городу. Идти им предстояло еще долго, даже пришлось в степи переночевать. Добравшись до местечка, где были сараи для зимовки скота, она с удивлением обнаружила тысячи русских молодых солдатских жен с детьми, мужья которых с армией перешли границу группами, а по прибытии были угнаны в Урумчи.

Чтобы описать жизненные пути тех тысяч людей, которых встретила тогда Мария Яковлевна Волкова, мама моей подруги и очень хороший человек, потребуются тысячи и тысячи томов, но, к сожалению, они никогда не будут написаны. Горькие судьбы тех никому не известных людей ушли вместе с их телами в забвение.

Вернусь теперь вновь к рассказу моей мамы об их жизни на чужбине.

- Надо сказать, что к тому времени, как мы перебрались через границу, - продолжала мама, - Ванин брат Алеша со своей семьей был уже в Китае и жил в городе Кульджа, находившемся в Синьцзянской провинции недалеко от российской границы. А мы, когда только что перешли границу, попали в городок, из которого по каким-то обстоятельствам никак не могли выехать, и вдруг совсем для нас неожиданно появился Алеша и, забрав нас, увез к себе. А получилось это так: кто-то из русских, вырвавшись из того городка, в котором мы застряли, в Кульдже случайно встретился с Алешей и рассказал ему в какой ситуации находились мы, и Алеша, недолго думая, запряг лошадей в бричку и поехал за нами. Первое лето мы прожили у Алеши. Ване как слесарю люди стали нести в починку граммофоны, патефоны, часы, швейные машины и т. д. Кроме того, он стал брать заказы и делать железные печки для отопления комнат, тазы, ведра, чайники и пр. Так зарабатывались на первых порах необходимые деньги для жизни, а через некоторое время Ваня решил заняться водяными мельницами. Нашел он подходящее место, где можно было выстроить мельницу и, обратившись к хозяину земли, заключил с ним договор на таких условиях: Ваня построит мельницу и будет ей пользоваться семь лет, после чего она перейдет полностью в собственность хозяина. Построили мы первую мельницу и около нее хорошо прожили семь лет. К той мельнице прилегал сад, которым мы пользовались как своим, и фруктов у нас всегда было вдоволь. Когда тот срок закончился, Ваня построил другую мельницу и отдал ее во временное пользование одной русской семье, а сам нашел еще одно место и построил там третью. Когда закончился срок второй мельницы, мы переехали в третье место, где к тому времени мельница была уже готова, и там прожили еще шесть лет.

Наша жизнь облегчалась тем, что на мельнице всегда было бесплатное жилье, накапливался свой корм для нас самих, для птиц, и для скота, был заработок от помола. Правда, было одно затруднение: находившиеся вблизи от города мельницы быстро занимались многочисленными русскими, поэтому Ваня должен был искать подходящие для мельниц места на довольно далеком расстоянии от города, ведь надо было как то выживать - закончила мама свою повесть.

Когда мы поехали на третью мельницу, мне было уже пять лет, и о нашей последующей жизни я хорошо помню сама.

Папа о себе никогда не рассказывал, но я всегда знала, что он, четверо его братьев и сестра пели в церковных хорах. Папа пел с самого

детства и где-то он этому учился. Однажды он моей дочери говорил, что он учился в Киевском музыкальном училище; из учащихся выбирали самых способных, и он тогда попал в такую группу. Никогда ничего не говорил он о своих родителях. Лишь изредка отрывочно у него высказывали фразы типа: "Моему отцу люди в ноги кланялись", а почему они ему кланялись было непонятно. Однажды один из его внуков сказал, что не знает, как писать в анкете, когда спрашивается какого он рода. Папа ему ответил: "Пиши, что ты мещанского рода" и, как всегда, сказав это, он не стал распространяться. Причиной тому было то, что он принадлежал к буржуазному классу, а люди, принадлежащие к нему, по теории коммунизма, являлись "врагами народа", против которых велась неустанная война. Поэтому папа предпочел, чтобы мы не знали вообще, что мы принадлежали к тому классу, чем от такого знания нечаянно оказались бы "врагами народа". Папа всю свою жизнь скрывал это от нас. Я поражаюсь его терпению и крепости. Ведь он наложил на себя неудобноносимый крест и пронес его до конца своей жизни. Уж теперь, рассуждая об этом, я иногда задумываюсь над вопросом: "А что если б это был не он, а я; смогла ли бы я справиться с тем, чтобы за всю свою жизнь не выдать своей тайны?". Мне кажется, что я постоянно бы мучилась оттого, что мне нельзя сказать что-то очень важное. Вероятно, папе было легче перенести такое мучение, чем стать причиной мучений в будущем, если не себе, так детям и внукам.

РУССКИЕ В ЗАПАДНОМ КИТАЕ

Часто мне приходилось слышать об атамане или генерале Дутове, прибывшем со своей армией в Западный Китай, и о том, что его убили по инициативе советских. Как это произошло, мне однажды пришлось услышать от одного человека. При разговоре присутствовал сын одного из воинов дутовской армии - Г. А. Павлов, который все подтвердил: "Да, так и было. Мой папа о своем прошлом говорил то же самое". А рассказано было мне следующее:

- В 1917 году генерал А. И. Дутов со своей армией был на стороне Временного правительства, а когда к власти пришли коммунисты, то он, поняв, что они не желают добра России, перешел на сторону белых и стал бороться против советской власти. Во время отступления белой армии в двадцатых годах Дутов со своими войсками перешел через границу Западного Китая а затем прибыл в Суйдун. В Суйдуне при войске была своя церковь, которая находилась как бы в подземелье на том месте, где

при нас была транспортная контора. Та Табынская чудотворная икона Божией Матери, что была при нас в Кульдже, была тоже привезена или принесена дутовской армией. У Дутова была большая армия, войсковой штаб находился на месте Уездной Народной Больницы, где мне пришлось работать в мою бытность в Суйдуне. Там у меня и произошла встреча со старым человеком - уйгуром, который мне обо всем этом и рассказал. Он мне даже сказал, что сам Дутов жил около реки, которая называлась Сударваза. В то время в среднеазиатской части Советского Союза было движение басмачей, состоявшее, в основном, из узбеков, недовольных советским режимом. Между Дутовым и басмачами завязалась тайная связь, и басмачи время от времени появлялись у него для получения инструкций. Для такой цели они переходили через границу незамеченными и, получив от Дутова задания, возвращались обратно. Когда движение басмачей было разоблачено советским правительством, оно было подавлено как раз в то время находившейся в Ташкенте армией Буденного. Всех молодых, но опытных полководцев басмачей расстреляли, а остальным, крепко пригрозив, сказали: "У вас есть доступ к Дутову, так вот, если хотите загладить свою вину, то убейте его, и тогда мы вас простим". Как мне рассказывал старик, после случившегося с басмачами у Дутова везде стояла охрана, так что доступ к нему был минимальный, а сам Дутов в тот момент был болен желтухой. У ворот его стоял часовой и пропускал лишь тех, кто мог его убедить в особой доверенности к нему Дутова. Однажды подъехали к его воротам три всадника и с каким-то пакетом, подошли к часовому. Старик мне даже такую подробность сказал, что приехали басмачи на серых лошадях. Показав пакет часовому, они были пропущены, но один из них не пошел дальше, а остался у ворот, а другой прошел в покои Дутова. Через некоторое время, когда в здании раздался выстрел, оставшийся у ворот басмач быстро приколол часового, и все спутники, поспешно вскочив на своих коней, помчались. За ними на конях ринулись русские, чтобы их преследовать, но, добежав до Доржинки, убийцы где-то в песках скрылись, и русские, несмотря на свои старания, так их и не нашли. Через два или три дня состоялись с пышным торжеством и музыкой похороны Дутова: впереди несли гроб с усопшим, а за ним двигался многочисленный народ. Похоронили Дутова на маленьком кладбище Доржинки, находившемся приблизительно на расстоянии четырех километров от Суйдуна, на котором в последующие годы были похоронены и другие русские люди.

Вероятно, из моего рассказа нетрудно понять, что три приехавших к Дутову басмача были посланниками из Советского Союза для

выполнения вышеописанного задания. Дня через два или три после похорон ночью могила Дутова была кем-то разрыта, а труп обезглавлен и не зарыт. Похищенная голова была нужна убийцам для того, чтобы убедить пославших, что задание с точностью выполнено.

Старик - уйгур говорил, что Могутновы, Сергеевы, Пожидаевы и другие, известные нам люди, были в дутовской армии. Когда Дутова убили, то его многочисленная армия рассыпалась по Китаю, и многие русские уехали в Харбин, но, несмотря на это, все-таки большинство людей его армии осталось в городе Кульджа и окрестностях.

В Китае у меня была возможность встретиться с Фокиным (к сожалению, не помню ни имени его, ни отчества), пришедшего в Китай в числе военных армии Дутова и поэтому претендовавшего, что чудотворная икона Божией Матери, что была в нашей церкви в Кульдже, в какой-то степени принадлежала ему. Икона была большая, очень тяжелая, и, когда военные шли по пескам, от усталости решили ее там оставить и уйти. Однако пройдя некоторый путь, они заметили, что приближаются к месту, где оставили икону. Подосадовав, опять пошли, но через некоторое время очутились опять на том же месте. Так три раза намеревались войска, оставив икону, уйти и три раза необычайным образом возвращались к ней. Тогда они решили нести икону с собой, несмотря ни на какие трудности, и таким образом с ней армия Дутова перешла границу Китая. С армией Дутова перешли границу и несколько священников, среди которых был и архимандрит Иона (в последующие годы бывший епископом Ханькоуским). Когда я встретился с Фокиным, решил узнать у него, так ли на самом деле случилось, как мне рассказывал старик-уйгур о Дутове. Выслушав меня, Фокин подтвердил происшедшее. Я тогда очень интересовался этим вопросом, поэтому прислушивался к рассказам знающих. Когда подошло такое время, и русские поехали из Китая за границу, они хотели вывезти чудотворную икону с собой, но Фокин им не позволил этого сделать, поскольку сам никуда не хотел уезжать, а икону считал своей.

Вы уехали раньше, а мы там прожили китайскую культурную революцию и видели, как разрушили нашу церковь, а все содержимое из нее забрали и куда-то увезли. Однажды русские из-за границы прислали моей маме письмо, в котором просили ее узнать, где находится икона? К счастью, у нас тогда был хороший знакомый, бывший председателем органа по религиозным делам, с которым мама была в хороших отношениях, и когда она его спросила о местонахождении

интересовавшей всех иконы, то он ей ответил: "Идите и посмотрите на складе, где находятся все иконы". Моя мама ходила на склад и видела много икон из нашей церкви, но Табынской там не было. Икона исчезла, и никто не знает, где она, а я думаю, что она в Пекине. Китайцы знают этой старинной иконе цену, и я в китайской книжонке когда-то читал о ней.

А большие колокола, что были в Кульдже, были привезены из Москвы, и самый большой из них прибыл к нам из Кремлевских соборов. Когда ломали церковь, то этот большой колокол тянули с колокольной трактором, и он, падая, разбился. А колокол, что был поменьше, потом повесили на Сталинской улице, чтобы в него бить в случае наступления врагов. У них ведь тогда были неполадки с Советским Союзом и, готовясь к войне, они там всю землю перерыли. Войдя в подземный ход на Сталинской улице, можно было выйти в Баиндае (то есть на окраине города). Тогда было такое положение, и все знали, что если бьют в колокол - надо уходить по земле или по подземелью.

Закончив говорить о Дутове, рассказчик вспомнил о жившем при нас в Кульдже Лескине (кстати, и я хорошо помню разъезжавший по улицам его автомобиль). Это был полковник Фаддей Лескин, которого, как рассказывали люди, после окончания железнодорожного техникума в Советском Союзе, послали в Китай работать дорожным мастером в Кен-Сай, где в то время была советская база. Молодому Лескину советским правительством было дано и другое поручение: поднять восстание трех округов в Китае (Илийском, Алтайском и Тарбагатайском), которое с помощью кой-каких русских он выполнил с большим успехом. За это он был возведен в полковники вновь образовавшимся туркестанским правительством нашего округа, которое временно там воцарилось, не подозревая, что сделало большую услугу воцарению коммунистического режима в Китае. Когда Фаддей выполнил задание советского правительства с таким успехом, то ему позволили остаться в Китае и постоянно жить в городе Кульджа. Я думаю, что все наши русские помнят дом Лескина в Кульдже с большими воротами, а как у него было во дворе и в доме, конечно, никто из наших не мог видеть. Но на улицах все встречали, и довольно часто, автомобиль Лескина, в котором сидел он сам как пассажир, а машиной правил специально для этой цели назначенный шофер. Безусловно, у Фаддея Лескина, во все время его пребывания в Китае, была тесная связь с советским консульством, находившемся тогда в Кульдже. Потом, когда коммунистическая власть в Китае закрепилась, он уехал в Советский Союз и в Кульджу больше не

возвращался. В Советском Союзе, по рассказам людей, он зажил очень хорошо, настроил своих домов, и его там сделали министром снабжения Казахстана. При таком процветании он заворожался, что было обнаружено, и его отправили в тюрьму, а все дома и автомобили конфисковали. Все это произошло при Хрущеве, и Фаддей Лескин, по рассказам, отсидев свой срок, вышел из тюрьмы, а позже умер.

Город Кульджа и его окрестности

По прибытии в Западный Китай в 1931 году мои родители попали в город Кульджа Синьцзянской провинции и последующие годы своего там пребывания жили как в самом городе, так и в его окрестностях.

Население города и его окрестностей было многонациональным, однако в подавляющем большинстве оно состояло из уйгур. Но меж уйгурского населения жили также татары, узбеки, русские, шибинцы, дунгане и китайцы. Причем чисто китайского населения было немного, и поэтому китайцы должны были знать всеобщий тюркский язык с различными его диалектами. Надо сказать, что многие китайцы, кроме того, говорили и на ломаном русском языке. Люди разных национальностей между собой жили мирно и дружно. Очень часто у людей были друзья других национальностей, но до такой близости, как жениться или выйти замуж, не допускалось, а если и случалось, что было очень большой редкостью, то к такому явлению вообще все относились отрицательно. Что касается местности, то боюсь, что не хватит у меня умения и слов чтобы преподнести воображению действительную картину.

В Тянь-шаньских горах берет свое начало река Или и течет вдоль довольно широкой низменности, пересекая Российско-Китайскую границу. Далее она несет свои воды по русской земле и вливает их в озеро Балхаш. Как у всех рек, начало ее небольшое, но поскольку каждое ущелье снабжает ее потоком воды, то вскоре она превращается в полноводную, мощную реку. На восточной стороне к югу, а затем по южной к западу вдоль низменности протянулись Тянь-шаньские горы, а с северной стороны с востока на запад возвышались тоже высокие горы с Джунгарским Алатау хребтом, который разделил Илийский Край на северную и южную области. От главного хребта по южной, то есть солнечной стороне, рассыпалось множество крупных ущелий, которые, вмещая в себя бесчисленное количество мелких, изгибаясь, равномерно спускались к реке Или. В этих живописных местах жили не только кочевые народы - киргизы, казахи, монголы, но и русские, образовав в

некоторых местах большие селения и деревни. В таких больших деревнях были даже свои русские школы со своим преподавательским составом. Более известные мне названия русских селений - Дашагур, Шашагур, Толки, Кунес, Текес, Кен-Сау, Кара-Су, Нилки, Бутхана. У каждого из этих горных районов были свои природные особенности и своя красота. Недаром китайцы называют эти места "Синьцзянским Ганьчжоу", сравнивая их с живописным Ганьчжоу внутреннего Китая. Река Или прорезает межгорную долину по северной ее части ближе к северным горам. Почти у подножия северных гор на берегу реки Или, утопая в зелени, стоит наш город Кульджа, с которым связаны все мои относящиеся к Китаю воспоминания. Между рекой и южными горами растянулась безводная пустыня, которую пересекали мы не раз на бричке как с севера на юг, так и в обратном направлении. В связи с тем, что воздух был там сухой и чистый, далеко за долиной к югу были видны подернутые нежной синевой Тянь-Шаньские горы. По южному берегу Или стояли как бы нарочно расставленные крепости, называвшиеся по-местному Сумулами: Сумул Первый, Сумул Второй и т. д. Приблизительно на расстоянии двухчасовой езды автомобилем к западу от Кульджи находился другой городок по названию Суйдун, уже известный читателю, в котором стояла армия Дутова после того, как она перешла границу Китая. В Суйдуне, как и в Кульдже, население в основном состояло из уйгур, но там тоже жили народы других национальностей.

Главным же городом тех мест являлся город Кульджа, который был окружен множеством крупных и мелких селений. Как в Кульдже, так и в окружающих ее селениях было много садов, а, следовательно, летом бывало и много фруктов. Фрукты там росли разнообразные: яблоки, как садовые многих сортов, так и дикие, абрикосы, урюк, груши, сливы, вишни, черешни, персики, виноград и др. Так как город находился между долиной и горами, то летом температура в нем была более или менее умеренной, в то время как в горах было прохладно, а в долине очень жарко. По обе стороны реки летом температура являлась очень благоприятной для выращивания арбузов, поэтому раньше там было много бахчей, на которых выращивались как разных сортов арбузы, так и дыни. По крайней мере, так было до того, как пришел коммунизм, а при нем никто не имел права работать на себя. В городе по обеим сторонам улиц в ряд росли огромные деревья, а за ними вдоль их линий по всем улицам протекали оросительные каналы, которые у нас назывались "арычками". Летом их водой могли пользоваться все, кто хотел, для полива росших во дворах огородов, цветов и садов. За арычками, у самых

стен зданий и дворов, тянулись тротуары, а в каждый двор были перекинута широкие мостики, обслуживавшие въезд телег. Стены дворов были обыкновенно высокими с большими деревянными воротами. Одна стена дома с окнами всегда выходила на улицу, и окна были, как правило, со ставнями, которые на ночь закрывались и запирались изнутри. Жизнь в городе протекала обыкновенно спокойно: не было грабежей или убийств, хотя очень редко случалось и такое. До коммунизма улицы каждый вечер летом поливались, часто подметались, а осенью на них сгребались в кучи падавшие с деревьев листья и потом поджигались. Около каждого дома на улице стояли деревянные лавочки, на которых летом вечерами отдыхали люди. Летние вечера там бывали обыкновенно приятными, теплыми и тихими. Как сами улицы, так и тротуары были немощеными, а поэтому весной и осенью на них месилась грязь. Возвратившись с улицы, каждый человек должен был обмывать свою обувь и затем сушить ее у печки. Рассказывали, что когда русские прибежали в Кульджу, то весной и осенью там было еще хуже, когда по уличным дорогам, где бывало большое движение, выбивались огромные ямы, которые, в свою очередь, наполнялись жидкой или густой грязью, и в таких ямах, случалось, тонули ишаки. По тропинкам же, где ходили люди, проходить было очень тесно, и нередко тогда случалось, как рассказывали старшие, когда шли навстречу два человека, то уйгуры, поравнявшись, нарочно сталкивали русских в грязь.

Зимой там бывало холодно, и поэтому снег лежал беленьким до весны и даже по дорогам не таял. Изредка, но бывали такие морозы, что птицы на лету сваливались вниз, как камень, замерзшими. Температура доходила иногда до минус сорока градусов по Цельсию и даже ниже. В такие морозные дни школы обыкновенно закрывались, а как учащиеся об этом узнавали, мне что-то не помнится. Вероятно, ничего не подозревая, все приходили в школу, обнаруживали ее двери закрытыми, чему всегда были чрезвычайно рады. Мороз школьников особенно не страшил, наоборот, они успевали дорогой еще и порезвиться, и посбивать на себя с веток деревьев красивый белый, образовавшийся от мороза снег.

Весна была особенно приятным временем года, когда бывало много ясных дней. Если и были тучи, то они плыли облаками, а между ними то появлялось, то скрывалось синее-синее небо, а с ним выглядывало и чистое солнышко, направлявшее свои теплые веселые лучи на землю. С каждым днем становилось теплее и теплее, а к апрелю уже никто не носил пальто. Солнце, облака и ожившая природа так благотворно влияли на людей, что, мне кажется, в весеннее время многие горести быстрее

забывались. Зато плаксивая осень во второй половине сентября и начале октября была очень неприятной: часто бывали пасмурные дни, становилось все холоднее и холоднее, мелкие долгие дожди тянулись по несколько дней.

Летом человеку не требовались ни пальто, ни пиджак, ни вязаная легкая фуфайка, и если уж лето пришло, то в одном платье было приятно как днем, так и ночью. А сколько там было ясных веселых дней! Часто проливались и дожди, но они были скоротечными: налетит туча, прольется, и опять сияет радующее душу солнце, а от дождя можно было свободно сохраниться под ветвистым деревом.

Пришлось мне поехать по белому свету, была я во многих странах, но нигде мне не удалось встретить такой весенней и летней погоды и нашей красавицы природы с ее чистыми быстрыми горными реками, бегущими по сверкающим на солнце чистым камешкам меж как бы нарочно для этого выложенных речных берегов. Вода в них была чистой, как слезинка, и неслась она, ударяясь о принесенные в половодье большие и малые камни, беспорядочно разбросанные по берегам и руслу. Не встречала я нигде и таких величественных, никем не тронутых, снежных и скалистых, отвесных, как стена, или пологих, вперемежку с глубинными, обязательно с рекой, ущельями. Бесконечно зеленые летом, своеобразные горы с множеством различных цветов и чистым, как кристалл, воздухом, видны были в свежем синем цвете так хорошо, что можно было различить на их склонах снежные насыпи и лесные заросли.

Асфальтированных или мощеных улиц в городе не было, поэтому от движения повозок летом поднималась пыль, и издали можно было видеть воздух другого цвета, поднимающийся шапкой над городом. Деревенские, лица которых отличались свежестью и румянцем, говорили про городских, что те бледны и нездоровы в сравнении с жившими за городом.

Сельские жители постоянно приезжали в город по разным надобностям: что-то продать, купить или немного развлечься да в церковь сходить. Приезжали летом на бричках, на ходках, а в зимнее время на деревянных санях. Останавливались у родственников, если таковые были, а нет, так у друзей, знакомых или у своих учившихся в городе детей.

До коммунизма у людей были свои лошади, коровы, куры. Летом каждое утро городские пастухи собирали и выгоняли коров на пастбище,

а вечером их пригоняли. В основном, люди в городе держали только одну корову для молока и зимой кормили ее купленным сеном. Дома у людей были с сараями, амбарами и дворами: лучшие строились из кирпича, с простыми (деревянными или крашеными) полами, с электрическим освещением. Худшие, стены которых были биты из простой земли, - с земляными полами и без электричества. Крыши смазывались земляным составом, хотя у богатых домов нередко они были железными.

Русские семьи чаще всего занимали две - три комнаты. В одной из них устанавливалась русская плита, а часто и большая русская печка, и комната служила зимней кухней и спальней (там стояли стол со стульями или скамейками и кровать, иногда с занавесью). Одна из следующих комнат служила и гостиной, и спальней. Кровати каждый день аккуратно убирались и наряджались. Каждую субботу у печки и вообще, где требовалось, подбеливали известкой, мыли полы, протирали скамейки, чистили и подкрашивали обувь к воскресному празднику. По воскресеньям всегда ходили в церковь и праздновали, во всяком случае, так проводили воскресный день мы.

Во дворах почти у всех был скот, собаки, куры, повозки. Собак в домах ни у кого не было, однако кошек зимой впускали в дома. Часто во дворе был колодец, а если нет, то ходили за водой в городские колодцы, что были на улицах, или на какую-нибудь реку, если таковая текла поблизости. Никаких водопроводов, ни канализаций не было. Воду носили ведрами и в ведрах же потом она стояла в кухне, хотя иногда для этой цели использовали и деревянные кадки. В зимнее время в первой комнате при входе устанавливали умывальник, а под ним на табуретке таз.

Дворы у всех были чистыми, в них росли всевозможные цветы, а выюны, тыквы и кубышки оплетали навесы, под которыми часто летом устраивалась кухня, а иногда там же у русских стояли и кровати. Однако летней кухней чаще служила отдельная комната во дворе, где была сооружена русская печь, но, если таковой комнаты не было, то печь выкладывалась под открытым небом. Хлеб у всех был свой, и у каждой хозяйки он выпекался своего вкуса. Обычно один раз в неделю пекли хлеб и один раз в неделю стирали белье. Стирали руками на стиральных досках в длинных металлических или деревянных корытах, которые устанавливались для этой цели на скамейках. Стирка сама по себе была очень тяжелой работой, а вдобавок к тому, еще до ее начала, хозяйка должна была наносить достаточное количество воды, а потом выносить

на улицу уже грязную воду. Часто передняя комната, где находилась кухня, была и без того маленькой, а когда посередине ее еще ставилось корыто, то было трудно пройти. Зато летом было хорошо стирать на улице, особенно жившим за городом, когда они могли полоскать белье в реке.

Ванных комнат, разумеется, ни у кого не было, поэтому мыться было просто-напросто негде. Хорошо было тем, у кого были свои бани, остальные должны были мыться в городских банях за плату или оставаться грязными. Как ни удивительно, но человек ко всему привыкает, так он привыкает и не мыться. Но по праздникам все любили хорошо одеваться, то есть в лучшем, что у них было, отчего у всех появлялось праздничное и веселое настроение.

Русские в тех краях в большинстве своем жили в достатке, однако немало было и таких, которые перебивались с копейки на копейку. Занимались люди, кто чем мог. Городские работали по своим специальностям: инженерами, врачами, преподавателями в школах, библиотекарями, портными и пр. Некоторые открывали свои мастерские, портняжные, парикмахерские, кондитерские, фотографические студии, кузницы и пр. За городом и в деревнях люди занимались хлебопашеством, скотоводством, пчеловодством, садоводством, рыболовством. Здесь надо опять-таки напомнить, что так было только до коммунизма, а после того как сменилась власть, и пришел коммунизм, все изменилось до неузнаваемости.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Чтобы не приводить моих братьев, сестер и их потомков в смущение, я решила не называть их имен и фамилий. Имена, которые они носят в моих воспоминаниях, - фиктивные и никому из членов нашей семьи не принадлежат.

Мои братья и сестры разных лет рождения, родились в разных местах Китая, всем нам то или иное место жительства запомнилось больше, поэтому у каждого своя "малая родина". А жили мы в Кульдже, у Давдахуна, в Панджиме, в Джилиузах, на Зиминной мельнице, в Мазарке, в Суйдуне, на Ст. мельнице, на Март. мельнице, в Копырлах, на С. мельнице и еще в двух местах, названия которых я не помню.

Самое далекое, что мне запомнилось из моей жизни, происходило, когда мы жили у Давдахуна. Позже, вспоминая те годы, мы всегда говорили: "Это было у Давдахуна".

Родилась я 22-го ноября 1941 года, вероятно, в самом городе Кульджа, но все мое детство прошло вне города. Крестил меня, как мне говорили, о. Павел Кочуновский. Когда мы жили у Давдахуна, мне запомнилось, как я с мамой пошла провожать какую-то гостью и вышла в сад. Пока мама разговаривала с гостьей, я вертелась около них и упала прямо на мелкие сухие прутья, отросшие от корня срезанного дерева и торчавшие вверх. Когда я заплакала, мама взяла меня на руки, занесла в комнату и положила в зыбку. Так я и не смогла узнать, сколько мне тогда было лет. Еще мне запомнился наш сад в какой-то праздничный день, когда по нему ходили люди, в моем представлении - взрослые, на самом деле это, вероятно, были подростки, подружки моей старшей сестры. В саду у нас рос сладкокостный, как у нас называли, урюк, и, помнится мне, как люди сидели под деревьями, разбивая косточки, и ели сладкие зерна, а зерна, бесспорно, были очень вкусными. Зачастую подбирали осыпавшиеся абрикосы только для того, чтобы, разбив косточки, достать зерна.

Помнится мне также у стены нашей мельницы урючное дерево, развесившее над крышей свои ветви с желтевшими тяжелыми абрикосами, осыпавшимися всюду: на крышу, в воду, на землю. Я также помню находившийся недалеко от мельницы мякинник, в котором, по рассказам старшей сестры Вари, наш брат Саша однажды, зарывшись по горло в мякину, заснул. Спohватившись, все побежали искать, но найти нигде не могли и уже взволновались - не утонул ли? Наша мельница была водяной, воды кругом протекало много, и ребенку утонуть было очень легко. Время клонилось к вечеру, а Сашу все не могли найти, тогда как уж выискали все и потеряли всякую надежду, что найдут. Проходя мимо мякинника, Варя вдруг заметила что-то белое, а приглядевшись, распознала головенку спавшего в мякине Саши, волосы которого тогда были белыми, как лен.

На той мельнице, как говорила мама, мы прожили семь лет, и оно было самым лучшим из всех мест вне города Кульджа, в которых, странствуя, мы жили.

Запомнился мне еще и такой эпизод из раннего детства: мама красила нашу легкую, тонкую, но крепкую скамейку. Та скамейка потом

всюду нам сопутствовала и незаменимо служила до последних дней нашей жизни в Китае. Она мне всегда очень нравилась, вероятно, потому, что была легкой и негромоздкой, то есть походной.

По рассказам мамы, по приезде в Китай им там не понравилось. Папа рвался обратно домой, в Россию. Но хорошо понимая, что их ожидало в Советском Союзе в случае возвращения, мама смогла его уговорить, и они остались жить на чужбине. Во время лишений их всегда утешало то, что это лишь временное явление в жизни, в будущем они смогут свободно и без страха возвратиться к себе домой. Но утешение вскоре сменилось безвыходным положением, когда они поняли, что возврата домой не предвидится и состояться ему не суждено. Оставалось сделать одно: смириться и устроить свою жизнь так, чтобы она была терпимой.

Здоровье папы тогда было шаткое, у мамы были маленькие дети, в доме ощущался материальный недостаток. Временами у наших не хватало денег, чтобы купить пшеничной муки. Мне запомнилось, как мы ели кукурузный хлеб. Чтобы хлеб из кукурузной муки выпекался вкуснее, мама приготавливала тесто особым способом, и оно из такой муки получалось грубое и ломкое. Хлеб же казался вкусным только первое время, а потом так приедался, что нам даже не хотелось на него смотреть, не то, чтобы есть, но ничего другого у нас просто не было.

Запомнился мне еще один эпизод. Ночью просыпаюсь я от какого-то страха, встаю в своей кроватке, держась за перильца, и плачу, плачу, а мама спит и меня не слышит. А тут еще сверчок где-то совсем рядом так громко заливается, будто хочет перекричать меня. В комнате стоит страшная темнота, я ничего не могу рассмотреть, отчего мне делается еще страшнее. Наконец, проснувшись, мама подходит ко мне, и я успокаиваюсь.

Не помню я своего брата Степу, который был на два года постарше меня, и когда я была еще совсем маленькой, его не стало. Рассказывали, что он с утра был здоровым мальчиком, но потом приболел и стал пристраивать свою головку на что-нибудь поудобнее, а к вечеру умер. Болезнь оказалась скарлатиной, а лечить ее мои родители не знали как. Степа, как вспоминали, был очень хорошеньким мальчиком, и я помню, как потом мама, сердясь на нас, говорила: "Хорошие дети у меня умирали, а плохие оставались". Когда Степа, уже умерший, лежал на

скамейке, и как мне рассказывали, когда меня спрашивали: "Где Степа?", я указывала рукой на его холодное тельце.

В один из поздних вечеров или ночью, проснувшись, я увидела, что лежу не на своем месте, а на разостланной постели на полу, в комнате слышался какой-то разговор. Потом меня угостили вкусным сотовым медом, но оказалось, что с медом я получила и пчелку, которую никто не заметил. Не помиловав меня, она ужалила и, понятно, что мне после этого стало не до меда. Оказалось, что мой дядя - папин брат Алеша со своими сыновьями перевозил куда-то свою пасеку, а по пути заехал к нам переночевать. Он-то и угощал нас всех своим медом. На следующее утро они погрузили ульи на ишаков, по два на каждого, и поехали дальше.

Уже в прохладное время года однажды разболелось у меня ухо, и очень неприятно в нем стреляло, а мама, уложив меня около горевшей железной печки, стала его прогревать. Через некоторое время она налила мне в ухо какого-то масла, после чего я еще погрела его у печки, и ухо мое успокоилось, а болезнь прошла бесследно.

В те годы мои родители хотели где-то за городом построить себе домишко, а дома там строились, большей частью, битые из земли. Земляные стены поднимались постепенно: вначале из досок ставилась форма основания стены, в которую набрасывалась земля и сбивалась специально для этого вылитой из металла тяжестью. Когда земля спрессовывалась до такой степени, что приобретала крепость, доски снимались, укреплялись выше, опять-таки сохраняя форму стены, и вновь набрасывалась в них земля, которая тут же утрамбовывалась. Таким образом вырастали стены для жилищ большинства населения, и назывались они у нас "заплотами". Когда все стены были готовы, на них клали главную балку, шедшую посреди комнаты, от которой в стороны шли жерди, одним концом ложившиеся на эту балку, а другим на боковые земляные стены. Жерди могли быть и не совсем ровными, но чистыми, поскольку кора с них тщательно счищалась. На жерди стлали плетеные из камыша рогожи, называемые у нас "берданками", которые, в новом их виде, были приятно-желтого цвета. Не знаю, что стлали на берданку, но хорошо помню, что крыши домов сверху были смазаны ровным толстым слоем глины, смешанной с мякиной. Крыши делались почти ровными, с небольшим уклоном, а лежавший на них зимой снег сгребался лопатами. Стены домов внутри и снаружи, тоже смазывались глиной с мякиной и навозом, а затем белились известкой. Пол в комнатах утрамбовывался и смазывался той же смесью, что и стены.

После того как наши уже сбили несколько заплотов, маме приснился сон: как будто она находится на месте строящегося своего дома, а на полу сидит человек, направленный лицом в определенную сторону, и он ей говорит: "Вы строите себе дом, а как вы в нем будете жить, когда вот здесь, в земле, находится покойник?" - и он указал на то место. Утром мама рассказала сон папе, и они решили покопать в том месте, на которое указал ей человек во сне. Только представить, каково было их удивление, когда они докопались до человеческого скелета, находившегося в сидячем положении, лицом в том же направлении, в каком был приснившийся. После этого они, несомненно, продолжать стройку уж больше не могли, а сбитые стены оставили стоять и от непогоды разрушаться.

Мне припоминается, как мы в городе однажды в воскресенье, причесанные и одетые по-праздничному, вышли из дома и увидели на той же улице церковь с возвышавшимися куполами и колокольней. Войдя в церковь еще до начала богослужения, я увидела в ней стоявших и двигавшихся со свечами людей, а особенно мне запомнились молоденькие девушки в беленьких шляпках и красивых светлых платьях. Они проходили мимо меня, стояли рядом и впереди, а я смотрела и любовалась их изящностью.

Будет небезынтересно вспомнить, как я с младшей сестрой Валею, вероятно в Панджиме, играла на пыльной дороге. У нас ведь не было никаких игрушек, и поэтому мы находили себе забавы в самой природе. Так вот, на самой выбитой дороге мы сгребали пыль пирамидкой, потом раздвигали среднюю ее часть так, чтобы получилось углубление в виде чашечки. В это углубление наливали воды, которая, впитываясь в пыль, так укрепляла ее, что потом мы могли выкопать из кучи пыли чашечку, потом ставили ее сушить на солнышке или в тени. Таким образом, мы наделявали и расставляли для сушки много чашечек разного размера, а когда они хорошо просыхали, то умудрялись в них наливать даже воды, но, впитывая в себя воду, наши чашечки вскоре начинали рассыпаться.

У нашего хозяина-уйгура была дочь приблизительно моего возраста, с которой мы часто играли, и я от нее заразилась кожной болезнью, называвшейся у нас "огоньком". Если такая язва садилась на голову человека, то она выедала все корни волос, и человек делался плешивым. Мне же одна такая язва села около рта, а другая на обратной стороне ладони левой руки. Если бы меня не вылечил от этих язв папа, то не знаю, во что бы это все вылилось: вероятно, была бы и я плешивой и с

оставшимися следами на лице. Язва, что была у рта, несмотря на то, что она была небольшой, все-таки оставила несколько следов, а на руке даже слетел один ноготь. После того как папа сумел убить навязавшуюся болезнь, ноготь на моем пальце вырос новый, а на руке остались еле заметные мелкие ямочки.

Помню, как у той же хозяйской девочки на ногах были новенькие черненькие кожаные ботиночки, и я ими любовалась, но ей ничуть не завидовала, и мне было совсем безразлично, что у меня таких не было. Потом та девочка чем-то заболела и стала грустной и невеселой, хотя и выходила на улицу.

Надо сказать, что мы с моей младшей сестрой Валею лет до двенадцати летом дома обувь никогда не носили, а всегда бегали как по траве, так и по камням босыми ногами и теперь, вспоминая, удивляюсь, как могли наши подошвы все это выдерживать? Причем я не помню неприятные ощущения в ногах, разве только, когда наступала на гвоздь, который иногда чуть ли не проскакивал насквозь. Посыплешь ранку землицей и, забыв про нее, идешь дальше. Мне больше запомнилось неприятное ощущение, когда сдерешь верхнюю часть пальцев ног и вновь сдерешь, когда еще не успеет кожа зажить. Мы никогда не обвязывали свои повреждения, и они каким-то образом зарастали и заживали сами собой.

За городом русские, хотя и жили разбросанно, однако между собой постоянно общались. По праздникам, на свадьбы, именины и крестины они ездили друг к другу в гости, а иногда и просто приходили, если жили поблизости. Русские у нас были очень гостеприимными и для гостей всегда припасали из пищи что-нибудь получше. Однажды, не помню по какому случаю, я с Валею и моими родителями была в гостях у живших неподалеку русских по фамилии Палаткины. По русской традиции нашего края детей за столы с гостями никогда не сажали, и в обществе считалось, что детям сидеть за столами со взрослыми неприлично. Поэтому мы играли на улице, устраивая себе из росшей травы дома, приглашали и ходили друг к другу в гости, то есть имитировали взрослых. У хозяев была девочка чуть постарше меня, и мы втроем развлекались в свое удовольствие.

В самый разгар веселья неожиданно к хозяевам пришел какой-то человек и сообщил всем гостям ужасную новость - началась война. Наши, недолго думая, собрались, забрали нас, и мы, немедля, пошли домой.

Беспокойство взрослых быстро передалось нам, хотя мы и не понимали, что такое война. Дома папа запер все двери, закрыл окна, завесив их хорошо занавесками, и в вечерней темноте сидели мы, прислушиваясь к раздававшимся странным звукам. Иногда папа, выглядывая в щелочку окна на улицу, говорил: "чирики", а я, не понимая значения слова "чирики", представляла себе по заборам прыгавших каких-то особенных птиц, поскольку знала, что чирикать могли только птицы. На самом же деле это были китайские солдаты, которых почему-то называли у нас "чириками". А странные звуки, что доносились до моего слуха, были не что иное, как поблизости раздававшаяся ружейная стрельба.

По-моему, всю ту ночь наши не спали, а утром, когда все затихло, папа запряг коня в нашу двухколесную телегу. Сложили на нее кое-что из пожиток, усадили нас на телегу между вещами, закрыв сверху покрывалом, и поехали в Кульджу. Вероятно, наши посчитали, что в городе военное время пережить будет легче.

При наших сборах тогда произошло неприятное и довольно странное происшествие. Доставая что-то наверху, папа встал на стул, а когда спрыгнул с него, наступил на подбежавшего маленького котенка и его раздавил, а кошка-мать, найдя этого своего умершего котенка, его съела. Обыкновенно с кошками такого не бывает, и мне кажется, что как собаки собак, так и кошки кошек, как правило, не едят.

Когда мы были в пути, то вдруг над нами появилось множество самолетов, из которых начали выпрыгивать парашютисты и на своих распутившихся парашютах стали спускаться на землю. Их было так много, что все небо было покрыто ими, как звездами. Над нами приоткрыли покрывало, под которым мы сидели, и помню, каким необыкновенным мне тогда представилось небо, усеянное качавшимися белыми парашютами. Потом у многих людей появились шелковые крепкие веревки и нитки, которые они подбирали на полях. Я предполагаю, что то беспокойное время было в середине сороковых годов, мне тогда было от трех до четырех лет.

Мой второй дядя, папин старший брат Виктор, со своей семьей к тому времени уже тоже был в Китае и жил в городе Кульджа. К нему-то мы и приехали, чтобы пережить военное время. Запомнилась мне комната, в которой жили мы и семья дяди Вити, где по-над стеной почти во всю ее длину тянулись нары, а на нарах - никогда не убиравшаяся постель. Одно окно комнаты выходило на широкую улицу, которую

называли Шоссейной дорогой, поскольку по ней шло автомобильное шоссе, а по шоссе в тот период ходили набитые солдатами грузовики. По-видимому, я очень любила наблюдать, что происходило на шоссе, так как, вспоминая, рассказывали, что если я пропускала, не увидев, проходивший грузовик, то было немало слез.

Не знаю, зарабатывали ли мои родители как-нибудь и что-нибудь на питание, но знаю одно, что есть нам тогда было нечего. Был ли у нас хлеб тоже не знаю, а помню хорошо, как мы с трудом ели каждый день одно и то же, то есть распаренный в воде сухой урюк, который мне тогда казался настолько кислым, что не хотелось его глотать. Если не урюк, то к чаю приготавливался талкан², смешанный с простой водой.

Я помню, как той зимой мой брат Коля с двоюродным братом поймали голубя, ощипали его и на огне поджаривали кусочки мяса. Какой от этого шел вкусный запах! Представляю, сколько каждому достанется, если разделить голубя на всех? Недаром же мне запомнился только запах жареного мяса, а вкуса его я не помню. Как сейчас вижу этих двух подростков в теплых тужурках, нагнувшихся над горящим огнем в нашей комнате и держащих в руках над пламенем длинные с заостренными концами деревянные палочки, на которых нанизаны кусочки мяса.

Так как все жили в одной комнате, то в ней было очень тесно и не уютно, отчего все подростки дневное время проводили на улице. Туалет для всех был где-то во дворе, а для малых детей в комнате стоял специальный таз. Теперь, даже вспоминая, трудно себе представить жизнь двух семейств с детьми в одной комнате и в таких условиях.

Как я понимаю, это был как раз тот период нашей жизни, когда у наших закончился срок пользования первой мельницей, а вторую папа еще не нашел и не построил. Поэтому-то у нас было так плохо с пищей, чего живя на мельнице не могло случиться, поскольку от нее питались как сами, так и скот, и птица, а оттого и хлеб, и яйца, и молоко всегда были своими.

После того как мы отсидели военное время в Кульдже, мы поехали на место, где папа должен был строить вторую мельницу. Когда мы приехали туда, меня с Вале́й завели в какую-то холодную, совсем не топлёную комнату, где мама нас усадила на постель, завернув одеялом, а сама ушла. Так мы сидели, осматривая комнату, где примечательного ничего не заметили, кроме, пожалуй, лежавших мешков с зерном и

занимавших почти полкомнаты высохших стеблей кукурузы вместе с торчавшими в стороны початками. В комнате очень пахло мышами, которых там водилось, вероятно, сотни, но нам ничего не оставалось делать, как только сидеть. Я поражаюсь нашему терпению сидеть так спокойно часами, исполняя повеление старших, причем я не помню, чтобы нам было как-то тягостно, разве только уж очень воняло мышами. Так сидели мы одни, временами, может быть, и засыпали, а мама работала в другой комнате, делая ее пригодной для жизни. Это было не в первый и не в последний раз, когда она в первую очередь строила печку из кирпичей или устанавливала железную, трубу которой надо было вывести и замазать в отведенное для этого отверстие в стене. Затем печка растапливалась и, как правило, первый дым из нее шел не в трубу, а через дверки печки в комнату. Мама в таких случаях открывала дверь, чтобы проветрить комнату от дыма, и ждала, когда печь начнет нормально работать, только после этого прикрывали дверь, и начиналось обогревание комнаты. Нагреть комнату было нелегко, поскольку толстые ледяные стены моментально охлаждали нагретый от печки воздух, и поэтому тепла в комнате долгое время не чувствовалось. В дальнейшем комнату обставляли, и начиналась нормальная жизнь.

Когда мы там жили, я помню, как мама нам вязала из шерстяных толстых ниток тапочки, к которым потом пришивала подошвы, и мы в них бегали по комнате. Потом я заболела и болела так тяжело, что, выздоравливая, должна была учиться вновь ходить. Мне вообще часто снились сны, что я летаю, как птица, но нигде так много таких снов не снилось, как тогда. Причину таких снов мне объясняли тем, что я расту, и я вполне такому объяснению верила. То место у нас осталось в памяти под названием "У Зиминых", так как папа отдал построенную там мельницу в пользование Зиминым, а сам поехал искать другое место. Там же, то есть у Зиминых, моему брату Саше, который когда-то спал в мякине, было уже около семи или восьми лет, и мама учила его азбуке. Она выставляла на видное место по букве, чтобы он смог запомнить, и время от времени спрашивала его, какая это буква. Пока он пробовал вспомнить, я за него отвечала, а он на меня сердился. Мама стала буквы от меня прятать, но это не помогало, и я, таким образом, не уча, выучила все буквы и рано научилась читать.

Помнится мне выходившая в то время русская газета, на первой странице которой большими буквами печаталось ее название "ТУРКЕСТАН". Вероятно, запомнившаяся мне война и была тем самым восстанием, что поднимал Лескин, после чего был создан Восточный

Туркестан, просуществовавший всего несколько лет. Но потом пронеслись печальные новости, что все руководители Восточного Туркестана, летавшие на съезд в Советский Союз, погибли в катастрофе, когда их самолет во время обратного полета разбился. Мне запомнились грустные лица уйгур, рассказывавших о происшедшем и о выдающихся заслугах некоторых погибших своих руководителей.

После того случая Туркестан без какого-либо сопротивления опять очутился под властью Китая, но только на этот раз коммунистического. Все последние происшествия случились как раз к тому моменту, когда Мао Цзэ-дун захватил власть.

Запомнилось мне как летней ночью около Зиминной мельницы мама на траве разложила постель, и мы трое (я, мама и моя младшая сестра Валя) на ней заснули. Вдруг в темноте кто-то подъехал к нам на лошади и остановился. Мама его спросила по-казахски: "Кто ты?", но он упорно молчал и продолжал стоять. Нам от этого стало жутко и страшно, но, к счастью, он потом повернул свою лошадь и уехал. Мама разволновалась, подняла нас, и мы быстро пошли по дороге к городу. Помню, как впереди по обросшей по сторонам травой колее шла мама с Валею на руках, а я, стараясь не отстать, плелась за ней и видела ее перед собой большой в сравнении со мной, маленьким клопиком. Долго мы шли или нет, не помню, но помню, как увидели вдали двигавшуюся нам навстречу повозку. Когда мы подошли к ней ближе, то, к нашей радости, узнали нашего коня и повозку, на которой ехал папа из города. Посадил он нас на телегу, и на этом наше приключение закончилось.

После того в то же самое лето мы устроились жить совсем рядом около мельницы, но как устроились, надо поподробнее рассказать. Недалеко от Зиминной мельницы находилось жилое помещение с довольно большим двором, и в том помещении жили Зимины. Для нас другого помещения не было, но в том же дворе у противоположной стены от дома находился навес, под которым мы и обосновались на лето. Папа с Колей из свежих веток заплели открытую сторону навеса, и таким образом у нас получилась комната. Листья веток потом свернулись, высохли трубочками и висели по обеим сторонам стены. У Зиминных был мальчик приблизительно моего возраста, который составил нам компанию, и с ним мы постоянно играли. Мы, конечно, не могли не обратить внимания на забавно высохшие трубочками листья и стали придумывать, как ими позабавиться. Долго думать нам не пришлось, поскольку вид трубочек напоминал готовые папиросы, и мы просто,

набив их размельченными сухими листьями, пробовали курить. Но удовольствия от этого мы, вероятно, никакого не получали, и поэтому это занятие вскоре оставили, а позже про него и совсем забыли. Мать того мальчика иногда гнала самогон, и мы, однажды добравшись до него, решили попробовать, да так напробовались, что наш друг свалился с ног, а мы с Валею стали покачиваться, но чувствовали себя весело и совсем не плохо.

Напротив того места, где мы жили, за небольшой равниной и рекой поднималась гора, на которой находились угольные шахты. Издалека я видела, как по горе постоянно двигались люди, и стала задумываться, как они ходят по косогору и, поднимаясь, перпендикулярно ли к нему держат свое тело? Показывая свои предположения руками, - одной изобразив косогор, а пальцами другой идущего по косогору человека, - я задала свой вопрос старшим, но вместо ответа они просто рассмеялись, а потом рассказывали другим, как смешно я изображала.

В один из воскресных дней моя старшая сестра Варя решила повести нас на верх горы и показать находившиеся там шахты. Вымыла она меня и Валею, одела по-праздничному, и мы с ней и братьями отправились. Через речку нас перенесли на руках, а на гору шли самостоятельно, и тут-то я поняла, как ходят люди по косогорам. Когда поднялись мы наверх, то нам пришлось войти в огороженное высокими стенами место, где находился вход в подземную шахту, а у самого отверстия шахты стояло деревянное сооружение, в которое была впряжена лошадь, ходившая в определенные моменты по кругу. Сооружение состояло из колеса, на которое наматывалась веревка, а другой конец ее спускался в шахту, где за нее был привязан деревянный ящик. Когда ящик в шахте наполнялся углем, то лошадь, идя вокруг колеса, заматывала на него веревку, отчего ящик с углем поднимался на поверхность. Наверху уголь рабочими выгружался из ящика или вместо него прицеплялся другой и отправлялся обратно в шахту. Одним словом, добыча угля шла самым примитивным образом. Когда мы только пришли, нам было интересно, но через некоторое время мы с Валею занялись своими делами: оставшись одни, никем не замеченные, стали рыться в угольной пыли. В каком мы виде были, когда нас увидела Варя, я не знаю, но хорошо помню, какой сердитой она подскочила к нам и, нашлепав нас по рукам, потянула домой, говоря: "Раз не умеете себя хорошо вести, так пойдем домой. Могли бы еще кое-что посмотреть, так вы, "чумазаики", нельзя вас в чистое одевать. Надолго ли я вас нарядила сегодня утром?" А мне было очень жаль, что мы еще что-то не посмотрели, и тогда я подумала: "Зачем

же Варя так рассердилась, что даже чего-то другого мы не посмотрим? Ну нашлепала бы нас, а все-таки другое-то надо было бы посмотреть. Ведь мы сюда пришли только один раз и, наверно, больше никогда не придем и не посмотрим что-то еще, что, может быть, очень интересное". Так и случилось, мы больше никогда на горы, где были шахты, не ходили.

Папа строил мельницы только водяные, поэтому у нас всегда была вода рядом. Вытекая из-под зиминной мельницы, вода разливалась по широкому дну и была неглубокой, поэтому нам, детям, можно было купаться, что мы часто и делали. Вода летом была очень теплой, но в ней обитало много водяных змей, которые постоянно то проплывали по воде, то ползали по берегу. Очень жутко про них вспоминать даже по прошествии многих и многих лет.

Как я уже говорила, мы все лето жили под навесом, под которым и спали, а один раз вечером, когда было уже темно, мама взяла постель, нас двоих и повела куда-то в поле, где меж высокой травы уложила спать. Как объяснила нам мама, в ту ночь магометане должны были вырезать всех "капэров", как они называли нечистых, то есть людей не магометанского вероисповедания. К таковым относились как китайцы, так и русские, то есть все, кто ест свинину. По закону магометан они подлежат смерти. Для убийства магометане почему-то употребляли ножи, и убийство, как исполнение священного завета, не считалось у них грехом.

Всю ночь мы прятались в траве, а на утро, придя домой, узнали что страшных убийств не произошло, магометан до этого не допустили.

СЕДЬМОЙ КЛАСС

Между тем жизнь в Кульдже шла своей колеей, я уже училась в седьмом классе, который был особенно знаменательным и полным жизни. К этому времени число русских в Кульдже очень сократилось, а поэтому и учащихся в школах тоже резко убавилось. Директором гимназии был Виктор Александрович Турко - еще молодой и энергичный человек, всегда одевавшийся очень аккуратно и умевший держать себя подобающе. Как сейчас вижу стройного, бодро идущего через школьный двор директора, которого учащиеся очень боялись. Он всегда ходил своей уверенной походкой, не озираясь по сторонам. Брюки носил только из шерстяной ткани, хорошего покроя, и они всегда были настолько хорошо

проглажены, что передние и задние рубцы спускались вниз тонкой линией во всю их длину. Всякий раз, когда он появлялся, невольно привлекал к себе взгляд, и также невольно в уме всплывал вопрос: "Сидит ли Виктор Александрович когда-либо, и если сидит, любопытно было бы посмотреть как он сидит?" Надо было уметь как-то особенно сидеть, чтобы брюки оставались в таком виде. Да, его учащиеся боялись, но его и уважали. К тому времени, когда я пошла в седьмой класс, преподавателей в школах стало не хватать, поскольку они тоже уезжали в Союз, и школьное руководство Кульджи решило, что в том году восьмой, девятый и десятый классы будут только в сталинской школе, а в гимназии будет только семилетка. Причем мы узнали также, что в нашем классе математику будет вести директор, что для нас было большим сюрпризом. Узнав от классного руководителя такую новость, наш класс как бы на минуту застыл, огорошенный такой неожиданностью. Нашим же классным руководителем в том году была Вера Григорьевна Ильина - очень спокойная, выдержанная преподавательница, которая у нас вела несколько предметов. По русскому языку и литературе, как и в прошлом году, была назначена Антонида Львовна Болдырева, которую я уже описала, чей образ встает в моей памяти всякий раз, как я что-нибудь пишу, а в душе моей теплится ей глубокая благодарность. Не помню какой предмет преподавал высокий и тонкий учитель - Сергей Константинович Летников, которого наш класс-проказник прозвал "циркулем". Учителя по физкультуре прозвали "Тошнит" за то, что он вместо "точно" говорил "тошно". Любил наш класс иногда поиздеваться над своими преподавателями, и случалось не раз, когда молодые учительницы не выдерживали и уходили из класса, не докончив своего урока. После таких случаев класс сидел притихший в ожидании, кто явится в дверь, а иногда наоборот, мальчишки, как бы дожидаясь такого момента, разом поднимались со своих мест и буквально "ходили на головах" до тех пор, пока не открывалась дверь. Как только она начинала открываться, они в один прыжок все были на своих местах, как ни в чем не бывало, а в классе водворялась полная тишина. После этого шли опросы, допросы, "кто виноват?", но в таких случаях класс как бы "набирал в рот воды", никто ничего не знал, и виновных никогда не было. Часто за такие проделки наказывались все, так например, мы должны

были стоять за партами один час после занятий, в то время как учитель сидел за столом, занимаясь своей работой. Однако это не помогало, и через какое-то время опять происходило то же самое. Класс действительно был иногда невыносим, но в то же время он был очень дружный в полном смысле этого слова. Преподаватели наши знали, что все наши шалости исходили просто от ребячества, и что пошлого лукавства ни у кого не было, а поэтому они тайно наш класс любили. Были у нас мальчишки - юмористы, о которых все знали, как хорошо исполнявших свои роли в пьесах на сценах. Особенно отличался юмором Василий Рукавичников. Он так умел сострить, что от смеха любой преподаватель не мог удержаться. Помнится мне, как он жаловался вслух на весь класс: "То, говорят, играй посмешнее, а когда играешь смешно, ругают". Он имел ввиду, что во время репетиций к концертам его заставляли играть свою роль смешнее, а в классе его за шутки ругали. Тот класс был полон жизни, юмора и смеха, и он один из всех классов, в которых я была в мои школьные годы, запомнился мне как олицетворение всего моего школьного периода, поэтому я и привела его в своих воспоминаниях.

Когда директор нашей школы Виктор Александрович Турко начал с нами заниматься, то не зная его как учителя, учащиеся вначале относились к нему с определенной осторожностью. Но вскоре выяснилось, что он был замечательным преподавателем и кроме того обладал чувством юмора. Сострит он иногда сам, или кто-то в классе скажет такое, что класс рассмеется, вместе с классом смеется и он сам, но только одну минутку, после чего, как по команде, все делались серьезными и продолжали работать. За весь год не случилось ни одного раза, чтобы наш класс его чем-нибудь разозлил. При всем этом он умел так работать с классом, что работа перемежевывалась с коротким смехом, и все были увлечены ей настолько, что не оставалось ни малейшего момента на какие-нибудь другие занятия. Мне здесь хочется привести один из многих случаев, оставшийся в моей памяти от его объяснения одной из задач. В нашем классе тогда училось два брата Дроздовых, одного из которых звали Анатолием, и он был высоким и тонким, а другого, поменьше ростом, Александром. Этих двух братьев по имени в классе никогда не называли, а звали: большой Дроздов и маленький Дроздов, к чему уж все привыкли, а сами они на это не обижались. Виктор Александрович, объясняя задачку на расстояние, решил к

примеру употребить этих двух братьев. Сделав чертеж на доске, он начал: "Допустим у нас вот такое расстояние, которое должны пройти два брата Дроздовых. У Анатолия шаг, допустим, равняется двум метрам - тут весь класс: "ха, ха, ха", а он продолжает дальше - а шаг Александра равняется тридцати пяти сантиметрам - и опять весь класс: "ха, ха, ха", но он продолжает, и класс его внимательно слушает до самого искомого числа. Не смотря на его короткие шутки Виктор Александрович был очень требовательным и всегда держал класс крепко на поводку. Он почти каждую неделю нам устраивал контрольную работу, так что распуститься ни в коем случае не позволял.

Между прочим, моим любимым предметом была математика, и я ее так любила, что понимая свое положение, говорившее, что после нашей школы мне будущности в этой отрасли никакой нет, я очень огорчилась. Чем труднее была задачка, тем она мне казалась интереснее. За все школьное время дома у меня помощников никогда не было, однако в школу я всегда приходила с решенными задачками даже тогда, когда никто в классе не мог решить. Я очень любила доказывать всякие теоремы, что многим учащимся давалось с большим трудом.

По китайскому языку у нас был учителем китаец Джан, говоривший и по-русски, но с большим акцентом. Однажды он вызвал меня, чтобы за ответ поставить мне оценку, а я на тот раз ответила, но не совсем хорошо, на что он, назвав мою фамилию, сказал: "Почему сегодня не так хорошо знаешь, как всегда? Три." То есть он мне поставил три не за мой ответ, а потому, что я в тот раз не так хорошо ответила, как отвечала всегда. Правда, в конце четверти он решил подтянуть мне отметку, чтобы вывести за четверть пятерку.

Завуч школы - Елизавета Васильевна Лисюкова тоже была особенным человеком. В случае необходимости она замещала любого учителя второй смены и всегда урок знала, как будто она к нему готовилась. Она была строгим преподавателем и отметки также всегда ставила строго. В нашем же классе она в том году была преподавателем геометрии. Через несколько лет после того, как она уехала в Союз, было слышно, что она там вновь сдала все экзамены и получила место заведующего учебной частью в какой-то школе.

К тому времени в нашей школе все еще были спортивные команды, участвовавшие в соревнованиях как местных школ, так и в широком масштабе, для чего такие группы ездили в центральные большие города

Китай. Возвратившиеся после поездок нам много рассказывали о всяких происшествиях и приключениях.

Иногда в гимназию приходили какие-нибудь посетители, так однажды пришли делегаты из Тибета, которые во время наших занятий обошли все классы, а в другой раз посетила школу откуда-то приехавшая бывшая ученица гимназии, которая тоже обошла всю школу, с любовью вспоминая свои школьные годы. Она проверила все уголки школы, замечая все, и восхищалась, не скрывая своего восторженного настроения.

В одном из классов второй смены учился в то время один неугомонный мальчик, которому часто попадало от директора, а однажды он вздумал зачем-то спуститься в очень глубокий школьный колодец. Потом по этому случаю было много разговоров, а мальчику, конечно, был преподнесен еще один директорский нагоняй. Я тогда слышала его фамилию и знала ее хорошо, так как мои родители и его были давнишние друзья, но в лицо я его тогда не знала. Когда же стало мало русских, то волей-неволей вся оставшаяся молодежь оказалась вместе, и я только тогда с ним познакомилась. Это был Иван Югов, о котором мне придется еще не раз вспомнить.

В нашем классе тогда были учащиеся и других национальностей: шесть или семь татар, трое шибинцев, четыре или пять русско-китайских полукровок, но остальные все были русскими. Никакой дискриминации по отношению к иностранцам в школе не существовало, как в отношении преподавателей к учащимся, так и среди самих учащихся. Все считались равными и, нередко, были друзьями. Я, к примеру, дружила с русскими девочками, а также и с шибинкой - Светланой Горге, сидевшей со мной за одной партой. Это была школьная дружба, а разойдясь по домам, каждый из нас жил своим кругом за исключением единичных встреч.

Интересно вспомнить еще один необычный факт из жизни нашего класса. В том году у нас учился один взрослый мужчина - татарин, которого звали Израиль Габитов. Мы его называли отцом, на что он не сердился и с нами шутил, а меня он всегда называл "доченькой". Один раз он решил некоторых учащихся пригласить на татарский праздник к себе в гости, и мы, придя к нему, как всегда веселые, угостились на славу, посмеялись и разошлись. Нам всегда было весело. Придя в школу, мне кажется, я постоянно смеялась и даже сердилась на себя за это. Иногда дома заранее решала, что в школе больше не буду смеяться, но как только переступала

порог класса, тут же вновь начинала, видимо это зависело не от меня, но от всей классной атмосферы. Я любила бывать в школе и поэтому никогда не пропускала учебных занятий.

Как и в любой другой школе некоторые мальчики любили как-нибудь задеть девочек: то начинали их давить с двух сторон за партой, то снегом умывали или прятали их вещи, а однажды зимой меня за руку вытянули в садик к куче снега и намеревались лопатой набросать на меня снег, но кто-то из них же заступился, и меня отпустили.

Наш класс, как и все другие, был разделен на звенья с назначенными звеньевыми, которые должны были заниматься с отстающими. Хотя у меня было свое звено, с которым я работала, однако по алгебре и геометрии ко мне обращались учащиеся и из других звеньев. Помнится мне, как только я заходила в класс перед началом занятий, меня уже ждали и сразу же тянули к доске, чтобы объяснить им то или иное. Я эти предметы любила и любила их объяснять до малейшей подробности.

Как всегда учащихся в классе было много, около сорока пяти человек, а старостой в том году был мальчик, бывший немного постарше меня, - Геннадий Сио. Он был спокойным юношей, и хотя сам никогда не участвовал в шалостях, однако других никогда не выдавал. К тому же у нас в школе кроме явной, видимой школы за кулисами была школа невидимая. Там могли проучить ябедников. Попробовавший ябедничать хоть раз, во второй раз на это уж не решался, так как его за это где-нибудь побили бы. Таких обычно проучивали мальчики, да и вообще ябедников в школе не любили.

Несмотря на наше ребячество и беззаботность, постепенно атмосфера в школе менялась из-за давления свыше. Все чаще нас стали оставлять на классные собрания после уроков, на которых говорили о политике, к которой у нас не было никакого интереса. Заставляли нас вникать в политику, говорить, высказываться, критиковать других, и в конце концов дошло до того, что должны были критиковать себя при всех. Хорошо, что все учащиеся нашего класса были дружными и наговаривать на других ни у кого не было желания, благодаря чему собрания всегда проходили вяло и скучно, а ведь могло доходить и до лагерей. В связи с тем, что материальное снабжение школы с каждым годом сокращалось, в том году снег сгребать, как на дворе, так и с крыш стали учащиеся. Во дворе сгребали снег во время физкультуры, а с крыш

по воскресеньям приходили мы, то есть старшеклассники, забирались с лопатами на крыши и, как всегда, со смехом убирали снег.

Прошла зима. Сняв с окон вторые рамы, их распахнули, а за ними так приятно светило солнце и чувствовалось, как заполняет класс чистый весенний воздух со своим особенным ароматом. Перелетая с ветки на ветки, птицы громко щебетали, и пение их доносилось до нашего слуха. Так бы и убежал на улицу, да нельзя, шли уроки и уж начиналась подготовка к экзаменам.

На первое мая, как обычно, школа была обязана явиться на площадь рядами и в парадной форме, состоявшей для девочек из белой блузки и черной юбки, а для мальчиков из белой рубашки и черных брюк. У меня тогда не было белой блузки, и я явилась в школу в своей обычной коричневой форме. Директор объявил всем, кто в парадных формах, строиться в ряды, а кто не в парадных отойти назад для того, чтобы построиться там в ряды отдельно. Мои одноклассники все были одеты в парадное, так что мне предстояло отойти назад, но тут, заметив это, директор подошел ко мне и потихоньку спросил: "Почему ты не в парадной форме?" Ответила ли я ему что-нибудь или не ответила, но он, увидев мое смущенное лицо, вероятно, сам понял, что не от меня зависело то, что я оказалась не в парадной форме, и разрешил мне построиться в ряды с моими одноклассниками. О том, как я чувствовала себя в своем коричневом платье среди белых блузок, рассказывать, мне кажется, нет надобности.

Почему я тогда оказалась без белой блузки, вероятно, требует объяснения. Может быть, она у меня и была бы, если бы я потребовала ее от родителей, однако я у родителей никогда ничего не просила, и если мама сама решала что-нибудь мне купить, то я тем и довольствовалась. Не таким был Саша, он захотел велосипед и его получил, а мы с Валею были другими. Помню, как на Рождество, получив от кого-нибудь деньги, я их вкладывала в какую-нибудь свою книгу, и они там лежали до тех пор, пока не требовались неотложно маме, и тогда я их ей отдавала. Вероятно, так получалось оттого, что я была не привычной к деньгам, и про них просто забывала. Если говорить о блузке, то к следующей осени мне купили новую белую блузку.

Экзамены мы обычно должны были сдавать по всем предметам, и для подготовки к каждому из них нам давалось по два дня. Заранее записывали вопросы по всему годовому курсу, по ним и готовились. В

день экзамена стол в классе застилался белой скатертью, а на него ставился букет цветов. Окна всегда были раскрытыми, за ними светило яркое солнце и разносилось щебетание птиц. Настроение учащихся и преподавателей на экзаменах было особенно приподнятым, несколько тревожным, но праздничным. В класс входил учитель с несколькими ассистентами, раскладывал на столе билеты лицевой стороной вниз, и все вошедшие устраивались за столом, в то время как класс сидел и ждал. Затем один из экзаменуемых выходил к столу, брал билет и садился за стоявшую в стороне парту, где он мог продумывать ответ на вопросы в билете, для чего ему давалось определенное время. По истечении времени он выходил из-за парты и отвечал, тогда как следующий готовился. Так проходили устные экзамены, а письменные сдавались всеми учащимися определенного класса вместе, но, как и при устных, в классе стоял стол накрытый скатертью с букетом цветов, за которым сидели ассистенты. Хотя время экзаменов бывало беспокойным, но оно было и приятным, все являлись в школу, как на какое-то торжество. К экзаменам я часто готовилась с моей подругой Валей Коржовой, и часто мы сидели на скамейке в школьном садике под вишневыми деревьями, на которых то здесь, то там выглядывали из-под листьев зеленые вишенки. Вскоре после того и Валя уехала в Союз, а я опять осталась без подруги. А к экзаменам готовиться было нелегко, бывали в Кульдже случаи, когда десятиклассники, то есть выпускники, готовясь к экзаменам, заболели психической болезнью и теряли рассудок. Надо отметить, что десятый класс у нас заканчивал среднее образование.

Так сложились обстоятельства, что с Геннадием Сио, нашим старостой, после экзаменов того года мы расстались и встретились лишь после двадцати восьми лет. Вот что, вспоминая, он говорил нашим друзьям обо мне: "Она в школе была тихой и часто смущалась. Когда ее вызывали к доске отвечать, то она, бывало, выйдет, покраснеет и потом начнет рассказывать. А как строго ее держали дома! В конце года мы устроили выпускной вечер, и когда увидели, что она на него не пришла, то я и Вера Григорьевна решили пойти к ним, но когда мы постучались в их ворота, вышел один из ее братьев и на нашу просьбу ответил, что ее дома нет. Ничего другого нам не оставалось делать, как шагать вновь в школу, а идти надо было с полчаса. Так она на выпускном вечере и не была". А я хорошо помню тот вечер, когда мама меня не пустила на школьное торжество, потому что тогда был Великий пост, и в тот самый вечер была спевка, и я вместо выпускного вечера ушла на спевку. Вот почему меня дома тогда не оказалось.

В Советский Союз русские все еще продолжали уезжать, и за лето их уехало так много, что к осени число учащихся вновь очень сократилось, и поэтому все русские школы были объединены. К началу учебного года открылась только гимназия, но перед самой зимой нас перевели в сталинскую. Почти в самом начале учебного года Виктор Александрович Турко уволился с должности директора по той причине, что собирался выехать за границу на Запад, что держалось в большом секрете, так как таковых тогда сажали в тюрьму. После того, как он уволился, я однажды увидела его идущего по улице и даже усомнилась, он ли это. Одет он был очень просто и в непроглаженных брюках, что, как мне тогда показалось, было очень неестественным для него. Но это был он. Просто время было уже не для нарядов. Вскоре он уехал в Шанхай, легально или нелегально не знаю, но тогда уж многие уезжали в Шанхай нелегально. Через несколько лет после нашего выезда из Китая я случайно еще раз встретилась с ним в Австралии и, разговаривая со мной, он удивлялся, как я изменилась, говоря: "Я смотрю на тебя, и мне не верится, что это ты та самая, что была в моем классе. Ты тогда была такой стеснительной". Через два года после того разговора Виктора Александровича не стало. Он в Австралии погиб в автомобильной катастрофе.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В КИТАЕ

Для оставшегося в Кульдже русского народа наступал новый этап решений, суматохи и беспокойств, появилось новое движение, но только, на этот раз, в противоположную сторону от Советского Союза. Народ двинулся в Шанхай. Проехать в Шанхай было очень трудно и рискованно, но людей ничто не держало: ехали семьями, группами и в одиночку. На дороге их ловили, возвращали обратно, а они, побыв дома некоторое время, вновь собирались и уезжали. Некоторым удавалось добраться, а другим не везло. Те, которые успешно добирались до Шанхая, обращались в какую-то иностранную контору, где их ставили на учет как беженцев, после чего китайское правительство не имело над ними власти. Поэтому каждый бежавший человек трясся от страха всю дорогу, боясь что поймают, по приезде же в Шанхай нанимал спешно рикшу и ехал в контору для регистрации, и лишь после этого чувствовал себя свободным. После регистрации беженцы отправлялись в самую

бедную часть города, где находили своих, прежде убежавших из Кульджи, русских ютившихся кое-как. Жили они там, потому что надо было получить позволившие бы им свободный въезд в Гонконг документы. Из Кульджи до Шанхая очень далекое расстояние, и чтобы добраться до него требовалось очень много времени. Люди пробовали ехать всякими способами: кто на бричке, кто прячась в грузовиках, кто простым пассажирским транспортом. А в центральном Китае им приходилось даже идти пешком по пескам, где кругом рыскали голодные шакалы. Чтобы не очень отличаться от китайцев, многие красили себе волосы и мазали лицо. Часто возвращенные ребята не могли потом показаться молодежи с их черными волосами, но зато все знали, что человек пробовал бежать. Особенно бежала молодежь, и никакой страх ее не держал, но намечавшиеся свои поездки все держали в строжайшей тайне, даже от самых близких друзей. Не смотря на это, все-таки были случаи, когда каким-то образом намерения раскрывались, и людей ловили на месте, а некоторых ловили на полпути, или уже почти в Шанхае. Добравшиеся до Шанхая счастливы жили в бедных районах, чуть ли ни в каких-то шалашах, так как ни у кого из них не было много денег. Экономили и как-то доживали до получения документов, после чего свободно ехали в Гонконг, а из Гонконга кто куда.

После того, как Виктор Александрович уволился из школы, новым ее директором был назначен еще совсем молодой, но уже женатый Ростислав Викторович Петров, а его жена и две сестры поступили преподавателями. Нам было интересно явиться в Сталинскую школу, чтобы посмотреть, что она из себя представляет, тем более что раньше, как беспаспортным, нам туда являться воспрещалось. Оказалось, что, войдя в здание, человек попадал в обширную как бы прихожую с двумя большими зеркалами в рост человека, обращенными к входу. Слева от зеркал, но позади их находилась раздевалка, а справа поднималась лестница на второй этаж. Классы, расположение черных досок и парт ничем не отличались от других школ, в которых я училась. На втором этаже одна комната с отверстиями в полу, предназначавшаяся для женского и мужского туалета, осталась недоконченной, в ней хранились помойные ведра, тряпки и веники. Действующие туалеты находились далеко во дворе, и они, как и в других школах, были примитивно устроенными, просто в земле. Обязанность уборки и мытья полов в тот период полностью легла на нас, то есть учащихся, и каждый класс после

уроков должен был ее безоговорочно выполнять. Учащиеся в нашем классе для этой цели делились на группы, которые по очереди мыли пол, что было связано с передвижкой тяжелых парт и пр. Мы как-то справлялись, приносили и выносили воду в ведрах, а мыли полы тряпками. Если раньше учебников было более чем достаточно, то в те годы их стало нехватать, и приходилось учиться по одному учебнику двоим, что создавало большие затруднения. У нас уже больше не было садика со скамейками, но проходила вокруг школьного здания цементированная дорожка, по сторонам которой росла живая изгородь, аккуратно подстриженная.

В тот период люди все еще ехали в Союз, тогда как другие бежали в Шанхай. Не знаю, какое правительство - советское или китайское - всячески старалось внушить учащимся, как поехавшие в Шанхай русские люди страдали по дороге. Для этой цели в школе устраивались большие собрания, на которых заставляли выступать вернувшихся с дороги школьников. Помнится мне, как одна возвратившаяся бойкая ученица рассказывала о своем "горьком" путешествии, и что с ними было в пути, причем, уговаривала всех не уезжать. Вспоминая это теперь, невольно проносится в моей голове: "А ведь не устраивали же таких собраний чтобы рассказать, как плохо пришлось уехавшим в Советский Союз". Даже заикнуться о том нельзя было, не то чтобы рассказать на собрании. Да и про нашу жизнь в Китае тоже мы не имели права говорить, что жизнь плохая, хотя она была таковой. В этом же случае можно было говорить про тот же Китай, при той же власти, как там плохо, причем, говорившие это были чуть ли не героями, их ставили на пьедестал, чтобы их все видели и слышали. Где же логика? Бежавшие и без таких внушений знали, что их ждут всякого рода лишения и трудности, но это их не останавливало. Они решались на все, лишь бы выбраться из "райской жизни", каковой она была у нас и которая с каждым днем становилась все хуже и хуже.

К тому времени на Сталинской улице, главной в Кульдже, правительство выстроило несколько новых зданий, в том числе и новый кинотеатр. Каждый вечер в кинотеатре шли русские фильмы, и всегда он был полон народа. Все фильмы приходили из Советского Союза, и в них велась пропаганда о счастливой и веселой жизни на целине. У молодежи в Кульдже было мало развлечений, и поэтому все любили ходить в театр, особенно зимой. Вместо уничтоженных частных магазинчиков открылось несколько государственных, в которые мы изредка заходили, чтобы

посмотреть, что там продается, но никогда ничего не покупали, так как у нас никогда не было денег, и сумок мы с собой не носили.

Некоторые здания по Сталинской улице строились в зимнее время, и весной они стали рушиться и расползаться, а в народе пошли слухи, что инженеров, не соглашавшихся на условия постройки зданий зимой, правительство посажало в тюрьмы, а построивших потом тоже забрали в тюрьмы за то, что плохо построили, и здания рассыпались. Выходило, что для инженера не было никакого выхода: так или иначе ему было суждено попасть в тюрьму. Строительство и ремонт улиц производились заключенными, одетыми в одинаковую желтого цвета одежду, за которыми следили надзиратели в форме и с оружием. Народ к этому уж настолько привык, что, проходя мимо, не обращал на работавших никакого внимания. По большим улицам города были расставлены громкоговорители, и радио гудело на весь город день и ночь, к этому тоже все привыкли настолько, что как бы его и не было, даже когда оно работало очень громко. Рупоры украшали особенно Сталинскую улицу, как будто хотели перекричать толпы народа. Там же, только в стороне от центра, находилось обширное место для продажи вещей с рук, и называлось оно между русскими "Толкучка". Та "Толкучка" хорошо послужила всем, то есть и тем, кто уезжал в Союз, и тем, кто бежал в Шанхай. Одни приходили туда, чтобы что-нибудь купить подешевле, а другие, чтобы продать.

При коммунизме стало очень плохо с обувью по той причине, что все самое лучшее вывозилось куда-то, а своему народу оставался брак. Однажды мама увидела в магазине хорошенькие туфельки, которые ей очень понравились, и она решила купить мне и Вале по паре. Хорошо, что она это сделала, потому что они нам потом служили по воскресным дням несколько лет, до самого нашего выезда. Правда, мы потом еще купили себе по одной паре, но те, другие, были не тонкой работы, а громоздкими и плохого качества.

Еще одной особенностью у нас было то, что в последнее время ни женщины, ни девушки никогда не носили ручных сумочек, и ни у кого не было зонтика. Это считалось буржуазным и нехорошим, и поэтому, когда шли дожди, люди ходили просто открытыми в своих толстых куртках и мокли. Особенно было неприятно осенью, когда небо затягивалось тучами и по несколько дней моросили дожди, а такой одежды как дождевик, мы даже и во сне не видели и о ней не знали. Нас спасало еще то, что, когда начинали дожди? и было уже прохладно, мы могли на себя

натягивать толстые куртки, которые все-таки задерживали влагу, а на голову надевали какой-нибудь платок. Хорошо, что такое время длилось недолго и наступали заморозки, когда вместо дождей начинал сыпать снег, обычно в середине октября, после чего дождей уже не бывало.

В квартире у татар, что была недалеко от гимназии, мы прожили один год, а к осени нашли в другом месте хорошую квартиру с деревянными полами и электричеством, где со стороны двора во всю длину квартиры тянулось крыльцо. Когда мы перед началом школы туда переехали, папа купил воз арбузов. Мы их разложили в одной из комнат на полу и потом долгое время ими с хлебом питались. Когда мы только переехали, в нашем дворе какой-то русский мужчина с своим сыном гнул ободья для телег, а в один из вечеров парень подошел к стоявшему на крыльце столу, где мы делали уроки, и стал с нами разговаривать. Мы были очень наивными, поговорили, показали ему наши фотокарточки, а когда он ушел, пришел здесь же живший наш хозяин - уйгур и сказал: "Закройте хорошо на ночь все окна и двери". Только тогда мне пришло в голову, что мы что-то сделали нехорошо, а это нехорошее было то, что мы так доверчиво отнеслись к тому парню. После того я всячески стала его избегать, а через некоторое время, закончив работу, он со своим отцом в нашем дворе уж больше не появлялся.

К зиме приехали все наши, и опять потекла обычная семейная жизнь. К братьям постоянно приходили их друзья, проводили вечеринки по домам, в том числе и у нас, но я с ними не общалась, так как считала, что с молодежью можно будет общаться только после шестнадцатилетнего возраста, да мне с моими уроками было не до них. Однако на школьные вечера, которые бывали довольно редко, я ходила, но только если пойти на них мне разрешала мама.

Прожили мы в той квартире год, а к осени опять надо было искать другую квартиру, а вопрос, почему мы не остались жить там дольше, у меня возник только теперь, и ответа на него не знаю. Найти квартиру было поручено мне, и я нашла, на мой взгляд, подходящую квартиру с русской печкой, дала хозяевам задаток и назначила дату, когда мы в нее въедем. Причем, разговаривая с хозяевами, я заметила, что с ними был какой-то мужчина в форме, что означало, что он какой-то государственный служащий. По своему приезду мама стала спрашивать о квартире, и когда я ей все рассказала, и о мужчине в форме, то она сразу же решила, что мы в той квартире жить не будем. Причиной же было то, что там за нами могли следить государственные сыщики. Так наши

предпочли найти другую квартиру, потеряв мною заложенный задаток. После того наши опять нашли квартиру у раскулаченных татар, и у нас вновь были деревянные полы и электричество. Не смотря на то, что наши хозяева были раскулаченными, они жили намного лучше нас, и у них было даже радио, которое они давали нам, чтобы послушать Москву. Мы пробовали слушать, но передачи о пятилетках да о колхозах, перевыполнявших план, были настолько неинтересными, что мы просто перестали включать радио. Однажды хозяйская девочка моего возраста на праздник надела тонкие шелковые чулки, а я, никогда не видевшая таковых, при моем понятии, что чулки одеваются для тепла, не могла сообразить, для чего такие тонкие чулки производятся, а красоты я в них тогда никакой не заметила.

На тот раз колодца в нашем дворе не было, но он был недалеко, на нашей же улице, а когда по каким-либо причинам он не работал, мы ходили с ведрами и коромыслом на речку, что занимало минут пятнадцать в одну сторону. Особенно неприятно было это делать весной и осенью, когда на улицах было грязно. Вода в реке в такие времена была очень мутной и грязной, и поэтому прежде, чем ею пользоваться, нам приходилось ее дома отстаивать. Каждое утро воды носить приходилось много, потому что она требовалась как для питья, мытья, так и для стирки, хотя зимой для стирки частично пользовались водой от растаявшего на печке снега.

Той зимой наш папа простудился и заболел. Как всегда при простуде, больного лечили дома, но когда заметили, что у него нет улучшения, решили повезти в больницу, которая тогда была единственной, и называлась она "Советской Больницей". Там его осмотрели, дали лекарства, но ему от этого лучше не стало, и мы уж думали, что он не выживет. Так лежал он дома долгое время, как вдруг пришли к нам незнакомые мужчина с женщиной, чтобы узнать как здоровье папы. Оказалось, что они были медиками, и когда услышали, что папа уж долгое время болен, решили ему помочь. Когда они выслушали его, то определили, что он болен какой-то болезнью легких, и что его надо лечить каким-то лекарством и делать уколы. Они пообещали нам достать лекарства и ушли. Слово они свое в точности исполнили, и потом женщина приходила к нам каждый день, чтобы поставить папе укол, отчего папа сразу же почувствовал улучшение, а потом и совсем выздоровел. Много лет спустя мы встретились с той доброй женщиной уже в Австралии, и она была у нас в гостях, но, к сожалению, ни имени, ни фамилии ее я не знаю.

Прошла еще одна зима, и опять наступила Пасха, а на второй ее день группа молодежи собралась поехать на пикник и пригласили меня. Мне было очень интересно на праздник выехать за город, а тем более на пикник, но я этого сделать не смогла, потому что не могла оставить свои уроки несделанными. Помню, как меня упрашивали, но я должна была им отказать, хотя мне самой очень хотелось поехать.

Каждое лето, как и раньше, мы продолжали жить за городом, а в одно из них я с Валею попали на Б. пасеку находившуюся в одном из ущелий. На той русской пасеке работал одно лето Коля, так вот и мы приехали к нему ненадолго. Около пасеки стоял деревянный дом, в котором летом жила вдова - хозяйка, а недалеко от дома находился вырытый в горе небольшой омшаник, и в нем жили мы. Около омшаника Коля сделал небольшой навес, заплел его стены зелеными прутьями, а внутри под навесом у него стояли из свежего дерева сделанные примитивно две или три кровати, на которых мы спали, а поскольку комаров там не было, то было очень приятно спать на свежем воздухе. Тогда в гостях у Коли находился еще один молодой русский человек: не то уже закончивший русскую школу или заканчивавший ее в следующем году. Как он попал к Коле на пасеку - не имею понятия. Между прочим, в тот период, о котором я хочу рассказать, с нами на пасеке был и папа, то есть всего нас было пятеро. Сходили мы все за малиной, принесли и расставили ее в чашках по омшанику, в то время как часть ее была подвешена в сумках для того, чтобы стекал сок в чашки. Управившись вечером с делами, пошли мы спать на свои кровати под навесом и, как всегда, заснули крепким, здоровым сном, а когда среди ночи вдруг посыпал на нас дождь, мы вскочили от такой неожиданности, похватили свои постели и все в омшаник. Света у нас никакого не было, а в омшанике стояла такая темнота, что даже хоть как-нибудь ориентироваться было невозможно, да к тому же везде стояли чашки с малиной, чашки с соком, висели мокрые мешки с малиной. Мы знали, что середина омшаника была свободной, куда и побросали все постели. Вокруг той кучи опять все крепко заснули, приютившись кто как мог. Не чувствовалось никакого неудобства, хотя наши тела оказались на голой земле, а головы расположились на куче постели. Позже так случилось, что тот молодой человек, что тогда был с нами, стал одним из преподавателей девятого класса.

Недалеко от ущелья, где находилась пасека, было местечко называемое Бутханой, в котором жило довольно много русских, среди них было много молодежи. Как-то летом приехал на пасеку Саша, и мои братья в воскресенье решили пойти в Бутхану. Они звали меня и Валу, но

мы не пошли, а теперь я жалею, так как упустила возможность посмотреть китайскую Бутхану и жизнь в ней русских. Позже я много слышала о Бутхане, о том, что там росло много диких слив, что там было хорошо, а как - не знаю. Братья потом возвратились поздней ночью или к утру, а на следующий день мне сказали, что в Бутхане было хорошо и весело, и они, сходяв туда пешком, даже не устали.

К осени мы опять уехали в Кульджу, где у нас вновь была другая квартира, а год тот оказался знаменательным, так как у нас была свадьба. Оказалось, не впустую летом Коля ходил в Бутхану и, пройдя большое расстояние, даже не устал, он там кого-то подметил, а когда пришла зима - время отдыха, то, по русскому обычаю, он женился. Все началось с того, что Коля, предварительно сговорившись с невестой, которая в зимнее время тоже жила в Кульдже, объявил дома, что надо посылать сватов. Хорошо, что сваха была готовой, поскольку та женщина, у которой он работал лето на пасеке, его заранее предупредила, что она будет его свахой, кроме нее кого-то еще пригласили в число сватов, приготовили булку хлеба с солью, сели все перед выходом, немного посидели, встали, перекрестились на образа и пошли. Через некоторое время сваты возвратились ни с чем, не смогли уговорить мать невесты. Что ж делать? Посидели, подумали и решили пойти еще раз. На этот раз их ждала удача, выговорили у матери невесту, то есть ее высватали. Приходят все к нам с новыми сватами, женихом и невестой, а у нас уж столы были готовы, и гостей сразу же усадили за столы. Такой вечер у нас назывался "рукобраньем" или "обручением" и на него обыкновенно приглашались все родственники. На нем родственники обеих сторон договаривались о дате венчания и пр. День венчания не был отложен на долго, и вскоре жених с невестой обвенчались. Ткань для подвенечного платья, как у нас было в традиции, купил жених, сшили его в портняжной мастерской и тоже за счет жениха. В назначенный день, обвенчавшись в церкви, молодые с гостями приехали к нам, где уж стояли накрытые столы. На столы, кроме всего другого, мама поставила свежеиспеченные мясные пироги, которые были особенно вкусными, и они всем очень понравились. Однако одного дня для гулянья на свадьбе оказалось недостаточным. Участвовавшие в свадебном торжестве потом всю неделю ходили в гости. Обошли всех родственников, гуляя в каждом доме. Такая уж была русская традиция.

В нашей семье прибавился еще один человек, а квартира состояла, как всегда, из двух комнат. Я, как и прежде, ложилась спать очень поздно, и поэтому все спали при свете. Кроме выполнения уроков я придумала

однажды выпороть рукава из моего легкого пиджачка, поскольку мне не нравилось, как они были вшиты, и постаралась вновь их пришить, как мне хотелось. К тому времени мне еще никто не показывал, как это делается и поэтому справиться с начатым делом было не легко, но, в конце концов, все-таки что-то получилось, и потом долгое время тот пиджачок меня выручал в весеннюю и осеннюю пору.

Если раньше в каждом дворе у уйгур росли и цвели цветы, то к тому времени найти их стало очень трудно. Не помню, по какому случаю, учащиеся восьмого класса должны были преподнести одному из наших преподавателей букет цветов, а найти цветы поручили мне с одной татарочкой. Долго мы ходили по городским дворам, спрашивая если у них есть цветы, и только в одном, заросшем сорняком дворе, кое-как нам удалось что-то найти. Жизнь людей, и без того неприглядная, становилась еще хуже, и народу стало уж не до цветов. Пищи в семьях не хватало, поскольку всем выдавались на хлеб купоны или порция на муку, которая состояла из различных смешанных вместе злаков с прибавкой в них еще и мелких камней. На выдававшиеся купоны можно было купить по выбору: хлеб, которого хватило бы на два-три дня или муку и растянуть ее потребление на месяц. При этом, если бы из муки испечь хлеб, то его хватило бы тоже дня на два-три, тогда как мука выдавалась на весь месяц. Люди предпочитали выкупать муку и, заправляя ей, варить каждый день супы, а это значит, что люди жили совсем без хлеба. Если кому-нибудь удавалось по знакомству тайно купить муки, то это было большим счастьем. Имеющие муку люди были очень осторожными и продавали ее только своим хорошим и надежным друзьям, боясь, что их выдадут. Они не искали заработка, а просто тихонько помогали людям выживать. Сахара тоже почти совсем не было, и он давался только детям по очень маленькой норме. У нас же, кроме последнего года, всегда была своя мука, поскольку сами растили и убирали пшеницу, и это делалось также чтобы никто не знал. В начальные годы правления коммунистов это можно было делать, так как правительство не могло уследить за всем, а тем более, что свободных земель там было очень много, тогда как народ остался без лошадей и пахать частным образом могли очень не многие. На всех было оказано очень сильное давление, заставляли вступать в коммуны, но так как мы - русские в Китае оказались не подданными, а иностранцами, то на нас давление было во много раз меньше, чем на всех остальных местных жителей.

Едешь бывало меж полей коммунаров и видишь стоящий на косогоре трактор или комбайн, а народ все делал вручную. Как всегда,

коммунисты любили похвастаться, что у них работа кипит, что коммуны снабжены сельскохозяйственными машинами, что человек не должен тяжело работать. В реальной же жизни мы видели совсем не то: привезли в кое-какие коммуны машины, которые прокатились по полям несколько раз и остановились, да так и остались потом стоять годами, пока не погнили, а народ все делал вручную, вплоть до плуга. На поля гнали всех: как молодых, так и стариков и женщин, часто в положении последних дней беременности. От них требовалось вставать по утрам еще до света, умывшись, идти в коммунальную столовую, где они ели, после чего с нормой хлеба, если он был, отправлялись на работу. (Часто зимой коммунары питались мерзлыми картофелем и морковью без хлеба). Отработав день, они возвращались в свою общую столовую, там ели и шли домой в темноте. Еды в доме коммунарам иметь не разрешалось, и они полностью зависели от своих начальников, которые распределяли продукты. Как-то у меня нечаянно всплыло в уме название этой новой системы "модерновое рабство". Это рабство отличается от прежних тем, что в прежние времена оно называлось "рабством", а теперь оно называется "счастьем народов". Да было бы хорошо если бы его так называли только со стороны, на самом же деле еще хуже, сами рабы поют себе славу и радуются своему рабству, называя его "благом" и "счастьем". Так у нас и было, только что описанные мученики на полях пели песни, восхваляя в них виновников своих мучений. Как может так быть? Надо быть сумасшедшим, чтобы это вместилось в голову. Многим такое было непонятным, но каждый из них должен был молчать если не хотел пойти в тюрьму и в лагерь. И таких было много, и они молчали, только лица их не могли скрыть то, что у них было на душе. А в лагерях! Сколько там побывало этих мучеников, или как их назвать, не сумасшедших ли, которым все это не вмещалось в голову, и они пробовали это высказать. У нас туда пошли не только люди из местного населения, но и русские, не смотря на то, что они считались иностранцами. Каждую ночь терялись из домов люди, так что каждый из нас был к тому готов, даже и я с Валея. Каждое утро потом проносились по народу устные новости - кого прошлой ночью забрали. А забранных угоняли в лагеря тяжелых работ, откуда некоторые из них так и не возвратились, как отец моей подруги Яков Волков. Правда, в конце концов, хотело правительство или не хотело, но русских оно должно было выпустить, благодаря нажиму с Запада, где ходатайствовали наши же братья русские с их архипастырем владыкой Иоанном Шанхайским, и эти русские лагерники все потом смогли выехать за границу, иногда получив освобождение из лагерей перед самым выездом.

Благодаря полученной нами информации от одной русской семьи, мы тоже смогли заполнить анкеты заграничного учреждения в Гонконге, занимавшегося делами беженцев, а при получении анкет для заполнения нам представились большие затруднения. Дело в том, что в Китае в то время, как знание, так и изучение английского языка строго запрещалось и даже каралось лагерями, и поэтому его никто не знал, а если кто его и знал, то всячески скрывал. Так вот, получив анкеты, мы были огорошены видеть их на английском языке, которого никогда не приходилось ни слышать, и не видеть в письменной форме. К счастью, благодаря людям, прошедшим такие же испытания, мы нашли человека, с помощью которого, заполнив анкеты, выслали в Гонконг. Вспоминая, даже сейчас удивляюсь тому, что наши письма проходили всегда благополучно. Через некоторое время контора, производившая регистрацию желавших выехать из Китая людей, нас информировала из Гонконга, что наши анкеты ею получены, и она поставила нас на учет. Таким образом с того времени мы стали настоящими иностранцами в Китае. Все ставшие на учет в Гонконге русские, в то время были на положении временно проживающих в Китае, ожидавшие согласованного разрешения между правительствами Запада и Китая на их выезд за границу. Нам пришлось долго ждать такого разрешения - года три или четыре.

Правительственные деятели Китая и Советского Союза запугивали русских, говоря, что они их из Китая никогда не выпустят, и что они зря теряют время. Мы же к тому времени уже открыто стояли на своем и им не верили, зная, что они всегда лгут. Да и вообще, решившись на выезд из Китая, не зависимо от последствий, мы защищали свое положение тогда без всякой боязни и открыто говорили, что хотим выехать за границу. Изредка нас вызывали на устраивавшиеся просто на какой-нибудь улице переговоры, когда речь шла о том же. Я помню, как однажды нам пришел такой вызов, когда дома у нас кроме меня никого не было, и я решила пойти сама, так как строго наказывалось такие сходы не пропускать. При моей встрече с находившимся там русским человеком, он обратился ко мне со словами:

- Вы собираетесь выехать за границу?

Я ответила: "Да".

- Но ведь вас никогда не пустят, как же вы хотите выбраться?

- Если будет угодно Богу, так нас выпустят, и никто не сможет задержать, а если нет, так уж тогда, конечно хотим мы или не хотим, придется оставаться.

- А я тебе говорю, что вы никуда не поедете! Мы вас не пустим. - Сейчас пока рано об этом так уверенно судить, а вот проживем и тогда посмотрим. Не знаю, что он подумал и что решил, но, к моему большому удивлению, он больше ничего не сказал и меня отпустил.

Пока мы ждали своего выезда, наша тяжелая жизнь продолжалась, а нам надо было думать о том, на что жить. Как раз в те годы, за несколько лет до нашего выезда, один русский человек в Кульдже решил заняться фотографией, но так как ему одному было трудно справиться с таким делом, то он себе в партнеры пригласил Колю. Каким образом они смогли выхлопотать разрешение, не знаю, но его получили и открыли маленькую студию. Потом почти до самого нашего выезда Коля проработал в ней, а позже она, вероятно, постепенно перешла в собственность государства или просто закрылась.

К осени мы вновь переехали на другую квартиру, которую опять сняли у бывших богатых татар, хозяин которых, находясь в лагере, умер. У них был большой дом, который они разделили, и часть его превратили в квартиру. Тот дом раньше являлся их усадьбой, окруженной большим участком земли с посаженными по планировке, и к нашему приезду уже с большими деревьями, между которыми виднелся открытый фасад, со спускающимися каменными ступеньками. Хотя наша квартира состояла только из двух комнат, но вторая из них была настолько большой, что в нее можно было вместить пять, шесть кроватей, тогда как у нас их стояло три. Полы были деревянными, но некрашеными, и в комнатах было электричество. Круглая печь отопления называвшаяся у нас "Голландкой" стояла в углу, являясь частью стены между двух комнат, так что тепло от нее шло в обе стороны. Во второй комнате было шесть или более, выходивших во двор окон с ставнями, на ночь закрывавшимися и запиравшимися изнутри. Как у нас уже вошло в практику, зиму в той квартире жили все, а летом она пустовала. Но тем летом наша семья разделилась на две части и жили на двух мельницах, находившихся неподалеку от Кульджи, так что мы - молодежь, иногда приходили по воскресеньям пешком, чтобы попасть в церковь, а потом побыть с молодежью. Недалеко от нас на другой мельнице жил Сашин друг, у которого, как и у Саши, был свой велосипед, и поэтому им ничто не мешало приезжать в Кульджу чаще, а изредка с ними на велосипедах

приезжали и мы, то есть я и Валя. В последние годы по городу часто можно было видеть молодых русских ребят, возивших девушек на велосипедах. Это все происходило позже, а сейчас мне придется немножко вернуться назад и продолжить описание нашей жизни за городом.

Из Копырлов мы переехали на мельницу С., около которой находилась землянка, состоявшая из двух небольших комнат, которые летом очень нагревались, да, к тому же, в них водилось столько блох, что спать там было просто невозможно. Нам посоветовали на пол набрасывать полыни, отчего блох стало меньше, но совсем вывести мы их так и не смогли. Мучаясь на своих кроватях, мы иногда не выдерживали и шли спать на улицу, расположившись на телеге, где нас заедали комары. При мельнице был небольшой сад, в котором росли невероятно сладкие, с крупинками как засахаренный мед, груши, каковых я больше нигде не встречала. Также там был большой огород и бахчи, прополка и полив которых отнимали у нас очень много времени. Огороды у нас всегда были очень ухоженными с ровненькими, чистыми грядками и арычками для поливов. Поливали приблизительно раз в неделю, напуском воды, которая шла по арычкам. Для отвода воды мы с кетменем в руках ходили по огороду босиком, погружаясь в иных местах в жидкую глину по колено, еле успевая переправлять воду.

В своем домашнем кругу обычно ели три раза в день, и всегда все вместе, за исключением тех случаев, если кому-нибудь уж очень хотелось есть, тогда он мог перекусить молоком с хлебом или просто запить хлеб водой. Утром, как правило, пили чай с огурцами, помидорами, редиской и сметаной, если она у нас была. В обед, когда выспевали арбузы и дыни, ели их с хлебом, а когда их не было, то опять пили чай, а к вечеру готовили очень скромный ужин, всегда состоявший только из одного блюда, к примеру, если приготавливался суп, то ели суп с хлебом и кроме этого у нас никогда ничего другого не было, к чему мы были уж привычными. Свежего мяса у нас почти никогда не было, за исключением если закалывали курицу, что случалось довольно редко, и в таких случаях наш горячий обед оказывался очень вкусным. После еды мытье посуды была моей и Валиной работой, и поэтому сразу же, поднявшись из-за стола, я начинала собирать и мыть ее просто в горячей воде. Никакого мыла для этого мы не употребляли, а если надо было помыть получше, то шли к мельничному арыку и мыли песочком. Упомянув о мыле, мне вспомнилось, что в последние годы нашей жизни в Китае у людей был недостаток и в мыле. Хорошо, что мама умела варить его из щелока,

который получался из травяной золы и жиров, тогда как приобрести жиры было тоже очень трудно. Между прочим, наши казахи умели варить очень хорошее домашнее мыло черного цвета называвшееся "сабун", которое изредка появлялось и в нашем доме.

Рыба к нашему столу почти никогда не готовилась, и лишь изредка появлялась у нас охота пойти и половить ее в близлежащей речушке. В наших маленьких реках водилась небольшая рыба, самая крупная из которых достигала приблизительно тридцати сантиметров длины, и называли ее у нас "маринкой". Хотя она была довольно вкусной, однако из-за мелких многочисленных костей есть ее было довольно трудно, и поэтому особенной охоты к ней у нас никогда не было. Ловили ее большим сачком, натянутым на специально изогнутую полукругом с плоским низом деревянную дугу, который ставили внизу реки, тогда как в верховьях ее кто-нибудь из нас деревянным шестом гнал рыбу. Проплывая мимо сачка часть рыбы попадала и в него, таким образом без особенных трудностей мы налавливали нужное количество рыбы в довольно короткое время. Поскольку с детства мы не привыкли к рыбе, то особенного интереса у нас к ней не выработалось, и поэтому я до сих пор осталась к рыбе безразличной.

Прожив одно лето в местечке С., мы оттуда уехали, а на следующее лето устроились на другой мельнице, находившейся тоже недалеко от Кульджи, где потом прожили еще два года, а осенью папа решил помочь отцу нашей невестки отремонтировать старую мельницу, находившуюся недалеко от С. Меня откомандировали поехать с папой на мельницу, чтобы я готовила для них пищу. Когда мы приехали на место, увидели обыкновенную уйгурскую избушку, в которой должны были жить. Она состояла из одной комнаты с очагом внутри ее, причем, наружной двери не оказалось, тогда как на дворе уже становилось прохладно. На дверной проем мы сразу же повесили какую-то тряпку, и я начала работу внутри комнаты. В первую очередь я вмазала в очаг казан, затем подмела в комнате, вымыла что могла и приготовила кипяток для чая, который мы пили с домашними ирисками и хлебом. Не знаю почему, но когда мы там жили, у меня появился страшный аппетит, так что я могла есть не останавливаясь, а тем более, что из кипятка, с растаявшей в нем ириской и набросанными кусочками хлеба получалась, как мне тогда казалось, прекрасная еда. Спали мы на полу, на войлоке у трубы, где ложились все подряд: я, папа, отец нашей невестки и его взрослый сын. Сверху одевались, кто чем мог: набрасывали шубы, пальто, одеяло. Недалеко от того места тогда жила одна из моих двоюродных сестер с семьей, и я с

папой в один из вечеров решили пойти к ним. Сестра поджарила для нас мяса с помидорами, и я помню, как мы вкусно у них тогда поужинали. А в избушке, в которой мы тогда поселились, нам пришлось жить не очень долго, после чего я с папой вновь возвратилась домой.

На следующее лето наша семья разделилась на три части: Коля с женой остались в городе, поскольку Коля работал в типографии, папа с мамой жили на старом месте, а Саша, я и Валя переехали на вновь арендованную мельницу, находившуюся тоже недалеко от Кульджи. Там мы потом прожили два года. Около той мельницы стоял небольшой дом с двумя небольшими комнатами, в одной из которых жили муж с женой - уйгуры, а другую заняли мы. Комнаты стояли совсем рядом, а напротив их под той же крышей находилась кладовая, окруженная с трех сторон стенами, тогда как четвертая была совершенно открытой, и эти две структуры соединял открытый с двух сторон, но находившийся под той же крышей довольно широкий коридор.

Для молока у нас была одна корова с теленком, которую доила я. Наша мельница находилась на окраине уйгурского селения, и уйгуры время от времени появлялись у нас, а однажды сказали: "Корову вы должны отдать правительству", на что я им ответила: "А я ее не отдаю". Они стали напирать на меня, а я возьми и скажи им: "Если хотите забрать, то забирайте без разрешения сами, а я ее вам не отдаю". Не знаю, что они почувствовали от этого ответа, но только мне больше ничего не сказали, повернулись еще некоторое время около коровы, и ушли, чему я была очень удивлена, и после этого они нас больше не беспокоили.

Жившая около нас семья уйгур была загнана в коммуну, и муж каждое утро отправлялся на работу, а жена была дома с маленьким ребенком, так как детские сады в то время еще не были созданы. Так тот уйгур проработал в коммуне все лето, а осенью, ничего не получив за работу, после подсчета, оказался еще должным государству. Если сказать, что он был лентяем и плохо работал, так нет, он таковым не был, так как мы его уж хорошо знали как порядочного человека. Вскоре они от нас выехали, и их комната нам стала служить кладовой.

Работа домашней хозяйки в то лето полностью легла на меня, вплоть до выпечки хлеба, который у меня выходил преснее и вкусом отличался от маминого, но не был плохим. При подготовке теста для булок и прочее я старалась делать точь в точь как делала мама, однако тесто у меня получалось другим, а почему я так и не узнала. По воскресеньям я, как

хозяйка, любила пораньше утром убрать в комнате и в кладовой, где у нас была кухня, поставить букет цветов и отдыхать, занимаясь своими делами. А вечерами, особенно по праздникам, у нас часто бывали Сашин друг с своим братом, работавшие тогда на соседней мельнице. Часто приезжали к нам наши родители и жили иногда довольно долгое время.

В летнее время вечерами погода была всегда тихой и очень приятной, со множеством ярко светившихся на небе звезд, когда вокруг разносилась музыкальная гармония всего проснувшегося ночного мира. Откуда-то доносилась трель увлекшегося своим пением соловья вперемежку с соревнующейся с ним зеленой лягушкой, под аккомпанемент бесчисленного хора сверчков, голоса которых то выделялись где-то близко, то доносились чуть слышно издалека. Любила я в такие вечера в потемках уединиться и следить за звездами, которые невольно настраивали на размышления. Часто по небу плыли светившиеся метеориты, не задерживаясь долго на своем лету, и исчезали в потемневшей ночной небесной синеве. И очень удивительным было то, что обычно являющиеся большой редкостью, звездочки с светящимися длинными, изогнутыми, постепенно расширяющимися позади хвостами появлялись у нас за лето несколько раз. Причем, появившись одна, она продолжала присутствовать на небе неделю или две, после чего исчезала, а через некоторое время появлялась другая, так что мы к ним даже привыкли, и это необычное и редкое явление у нас стало обычным. Там у нас был не очень большой огород, за которым мы ухаживали уже самостоятельно и самостоятельно поднимались утром пораньше, чтобы прополоть его до солнца.

Нередко вода мельничного арыка, прорываясь, сносила берег, после чего папа, подвернув вверх "гачи" своих брюк, ходил босой по воде, стараясь укрепить прорыв так, чтобы можно было сверху насыпать землю. Поскольку укрепление надо было сделать крепкое, чтобы через него потом не просачивалась вода, то папе требовалась и наша помощь. В таких случаях мы с Валею брали носилки и на них подносили папе землю, а для хорошего закрепления берега ее требовалось немало. Я удивлялась, как это папе удавалось справляться с такой трудной работой, видимо жизненный опыт ему подсказывал что и как надо делать.

Изредка с своим фотоаппаратом к нам приезжал Коля и фотографировал нас или мы его, после чего мы сами проявляли пленки и делали фотокарточки. Помнится мне, как я, шутя, засняла его с красным, красивым петухом на руках, хвост которого был черно-радужного цвета.

Также я сфотографировала наших мужчин у дрозжек, которые они сами смастерили за лето.

В то время у мамы что-то случилось с грудной клеткой чуть пониже шеи и все лето проболело в одном из суставов, а к осени одна из уйгурок нашего села посоветовала ей пойти к жившей в том селе уйгурке, которая, как она сказала, умела править кости. Я и мама пришли к этой уйгурке, она нас усадила, разбила куриное яйцо и им начала натирать маме больное место. Так прошло некоторое время и, вдруг неожиданно уйгурка так надавила маме косточку, что она даже щелкнула и встала на место. После этого у мамы прекратились боли навсегда. А у папы от тяжелой работы в Китае образовалась грыжа, с которой он очень долго мучился, а получил он ее, вероятно еще до моего рождения или во время моего раннего детства, поскольку, как я помню, он всегда ложился где-нибудь чтобы ее поправить.

Когда Коля уж не работал в фотографии, он с женой одно лето жил где-то в горах, куда по какой-то необходимости, или просто решив прокатиться, приехали я с Валею и папа. Это было своеобразное, большое и тоже красивое ущелье с множеством деревьев в его гористом основании, вдоль которого текла быстрая, горная река. На одном из выступов, довольно высоко от основания ущелья, стоял деревянный домик, состоявший из одной комнаты с маленькими сенями. Вокруг домика росло множество разных видов деревьев, включая ель, черемуху и рябину. Когда я вошла в комнату, то я увидела хорошо сделанные вместе с домом деревянные кровати, а также у стены скамейку и стол, около которого, кроме скамейки, стояли отпиленные от ствола дерева чурбаки, служившие нашим стульями. Дом наверняка был построен русскими, которые, возможно, уехали в Советский Союз, а он еще очень крепкий, среди теснившихся деревьев, остался одиноко достаивать свой век. Почти весь наш скот в то лето находился на том приволье, где ходил совершенно свободно. Погостив там два дня, мы возвратились домой, а в памяти моей сохранилась еще одна необыкновенная страничка из нашей жизни и жизни наших соотечественников, старавшихся хоть как-нибудь украсить свою тяжелую жизнь и одиночество небольшим уютом и удобствами.

Мельница, за которой смотрел Саша и где мы жили в то лето, незаметным для нас образом перешла в собственность государства, и нам сообщили новые указания и правила. За всем очень строго следили, чтобы не было какого-либо недостатка, и поэтому принималась пшеница

на вес и муку с отрубями увозили также после взвешивания, а за помол Саше давались только деньги, в то время как работа ни на минуту не приостанавливалась. За день у нас тогда набиралась порядочная сумма денег, и мы каждый вечер разбирали бумажки, считали и складывали их в надежное место. За то лето и осень у нас набралась такая сумма денег, что потом, когда мы выезжали из Китая, ее хватило на покупку билетов для всей семьи и на всякие другие дорожные расходы. Не будь этого заработка, я не знаю, как мы смогли бы выехать, так как в то время денег у нас совсем не было, а ехать через весь Китай надо было за свой счет. Правда, были и совсем безденежные люди, и они тоже выехали, но им посчастливилось потому, что деньги перевозить за границу не разрешалось, а у кого было много денег стали отдавать их под заем безденежным с тем, чтобы получить долг за границей в иностранной валюте.

Т ак как на мельницах всюду рассыпались зерна, то там всегда водилось множество мышей, которых кошки не успевали поедать. Насытившись, кошки от нечего делать часто приносили мышку к нашему дому, чтобы ею позабавиться. Бывало, играет кошка мышкой, а когда во время игры ее отпустит, мышка, вдруг быстренько отбежит и где-нибудь спрячется, да так, что кошка ее уж больше не может найти. Это говорит о том, что кошке есть просто не хотелось. Хотя наш хлеб находился высоко от земли, однако мыши забирались и к булкам и выедали в них норы, а в земляных мышиных норках наши иногда находили целые кучи заготовленной мышами пшеницы на зиму, которую они часто воровали и из мешков, сделав в них отверстия. Это было последнее лето, когда мы жили за городом, а что стало с нашей коровой и со всем нашим скотом, я не помню.

В школах по распоряжению правителей стали чудить: то учащимся сказали приносить в школу хвостики мышей, доказывающие, что мыши убиты, потом стали заставлять приносить убитых птиц, как вредителей сельского хозяйства. Школьники повиновались и несли в школу то, что просили. Через год это вылилось в катастрофу, так как все деревья в городе летом оказались оголившимися, поскольку листья их поели черви. Оказалось, что птицы, которых уничтожили учащиеся, питались точащими листья деревьев червями. После того, без всяких извинений начальство просто про убийство птиц позабыли, и в школах перестали заставлять учащихся приносить что-либо в доказательство. Виновных же у них, в таких случаях, не бывает, потому что сами виновны, и себя наказывать или выявлять свою вину "умный человек", конечно, никогда

не будет. Со стыдом, которого якобы никто не заметил, они тихонько, как воришки, отменили свое распоряжение, тогда как до этого в их красноречивых призывах и улыбающихся лицах, каждый читал: "Вот что значит наука, а вы - невежды, прозябающие в своей неграмотности, темноте и тупости". Так и хочется этим умникам сказать, что наши предки-то, оказалось, не были глупцами уж только потому, что до такой глупости не додумались.

А в одну из зим учащихся с преподавателями возили к доменным печам где-то за городом, в которых примитивным образом топили железо. Рассказывали потом, что были случаи, когда люди падали в раскаленные печи, и страшно подумать, что от них оставалось. Хорошо, что с русскими школьниками такого не произошло, но им и без того в холодные зимние дни там пришлось немало помучиться.

С каждым годом больше и больше стали беспокоить народ, выгоняя его то на собрания, то на субботники или воскресники, на которые собирали бегавшие групповоды - люди, поднявшиеся наверх из низов. Причем, это были не просто бедные люди, но люди, потерявшие совесть и прославившиеся отрицательными чертами своего поведения. Бабы-сплетницы при коммунизме стали групповодами, и они бегали потом по домам, а у самих глаза на все четыре стороны: они все видели, все слышали, все замечали и своих господ информировали. Им была дана такая власть, что перед ними не было никаких преград, их все боялись и молчали. Вообще власть перешла не порядочным людям.

При коммунистическом режиме всякое передвижение народа строго воспрещалось, а если куда-либо требовалось срочно поехать, то надо было пойти в специальную контору и получить разрешение. Посчастливилось побывать в такой конторе и мне, так как нам надо было срочно получить разрешение куда-то поехать. Пошла я с Варей, моей сестрой, рано утром, а когда мы пришли в контору, то там уж было полно народа. Я обратила внимание на очень грязный деревянный пол конторы и запятнанные стены. Когда долго стоишь без дела, то невольно чувствуешь в ногах усталость, а тем более после продолжительной ходьбы, поскольку у нас городского транспорта не было. Запомнилось мне, как от усталости нам хотелось где-нибудь присесть, хотя бы на какую-нибудь чурку, но ничего кроме грязного пола вокруг нас не было. Переступая с ноги на ногу, простояли мы там очень долго, и когда, в конце концов, подошла наша очередь, то несмотря на наши убедительные просьбы от конторщика справку на проезд мы не получили, а, видя нашу

настойчивость, он послал нас к какому-то начальнику на дом. Мы вдвоем по указанному адресу нашли большие ворота и постучались, а когда никто не вышел, мы постучали еще раз, после чего какая-то женщина, выглянув из калитки, на наш вопрос ответила: "Подождите здесь у ворот, он сейчас придет", причем, нас она провела во внутреннюю часть обширного двора, откуда меж деревьев было видно, что делалось около дома. Оказалось, что начальник только что поднялся с постели и вышел на улицу с чайничком, чтобы умыться. Долго он умывался, харкал, сморкался и прочее, после чего опять зашел в свой дом, и только после всего этого подошел к нам. Выслушав нашу просьбу, он нашел ее маловажной, а может быть даже чем-то и вредной, а нам объявил, что исполнить ее ни при каких условиях не может. Так мы вернулись ни с чем, и это значило, что мы не имели никакого права поехать туда, куда нам было нужно.

К очередям, которых раньше люди не знали, волей-неволей должны были привыкать, и они становились с каждым днем все длиннее и длиннее. Особенно тяжело было стоять в ней на улице у окна за продуктами в зимние морозы, которые у нас бывали не хуже сибирских, а стоять надо было иногда по четыре часа и больше. В таких случаях люди из одной семьи менялись для того, чтобы пойти и погреться дома, а потом прийти опять для смены. Когда в 1992 году я снова попала в Россию и увидела очереди за продуктами - мне было очень тяжело на них смотреть, так как мне это напомнило то, что за многие годы в моей памяти затушеввалось и забылось, и вдруг такое яркое напоминание.

Питание наше, и раньше-то не отличавшееся большой роскошью, становилось все скуднее, особенно зимой, хотя хлеб еще был свой, и его было в достатке, но каждый день есть хлеб без ничего было тоже трудно. Нас тогда еще выручал выращенный на огороде и засоленный в кадках сельдерей, который потом зимой мы вынимали, резали, поливали немного растительным маслом и ели с хлебом. А также уже поздней осенью, когда поспели ягоды, Коля поехал и привез красного мелкого барбариса, того самого, что мы когда-то нечаянно нашли около Или, когда ездили к Коле на рыбалку. Мама потом его как-то сварила и слила в горшки, а позже для разнообразия его тоже ели с хлебом. Правда, у нас были соленые помидоры и огурцы, но тогда у всех была страшная изжога, отчего кислое елось с большим трудом.

Наступившей осенью в городе мы вновь переехали на другую квартиру, то есть сняли весь дом с двором и сараями. В доме было всего

три комнаты с земляными полами и, как мне кажется, без электрического света или, если он был, то только в одной комнате, при этом одна из комнат прилегала к средней, но вход в нее был с другой стороны. Так как в двух комнатах нам было жить тесно, то решили из средней комнаты прорубить дверь в комнату, имевшую отдельный вход, и ей пользоваться как третьей комнатой. Та квартира нас устраивала тем, что мы там сами были хозяевами, и жили так, как хотели, а в довольно большом дворе мы имели даже свой огород. К тому времени у нас все еще была одна лошадь, корова для молока и хорошенькая черная собачка по прозвищу "Жулик" мелкой породы с волнистой длинной шерстью и широкими, повисшими ушами. Между прочим, Жулик был очень хорошим хозяином: он никогда не впускал чужих людей во двор, не лаял впустую и из дома никогда не отлучался, причем, не было ни одного случая, когда он кого-нибудь бы укусил. Мне до сих пор жаль, что мы его должны были оставить, когда пришло время уехать. Я его очень любила, и он меня, видимо, тоже любил: всякий раз, когда я выходила из дома во двор, он подскакивал и бегал вокруг, да так, как никакая другая собака не бегаёт. Только надо уточнить, что у него никогда не было такого, чтобы прыгать на человека, он радовался по-своему. Жил он летом и зимой во дворе, а спал зимой в сарае.

Отапливались мы тогда, как и раньше, углем, который наши мужчины привозили сами на бричке из шахт, где с давних пор уголь был хорошего качества. Тот, что был в крупных кусках, продавался, а куски помельче просто выбрасывались, и их могли брать кто хотел бесплатно. Так вот наши, за редким исключением, всегда ездили на шахты сами, покупали там хорошего угля, и, если у них было время, набирали и мелкого бесплатно. Не помню, хватало ли нам на год одной повозки угля, или привозили его два раза, но как бы то ни было, одной повозки хватало на очень долгое время. Уголь там был очень высокого качества, и в комках блестел, а размер комков был настолько велик, что нам приходилось каждый раз его разбивать на мелкие куски топором или молотком. В нашем доме было всегда очень тепло, так что мы, находясь в нем, были в платьях, ничем не прикрываясь сверху.

Савраска все еще хорошо служил, и возил хозяина, часто ночью спящего в бричке сам. Не раз случалось, что после того, как конь останавливался, хозяин поднимал голову и видел, что уже приехал домой. Мы уж его хорошо знали и на него надеялись, а он нас возил и никогда не подводил. Савраску вся наша семья любила, а братья часто его ласкали, похлопывая по шее.

Я и Валя к тому времени стали уж совсем взрослыми и по воскресеньям бывали с молодежью, а молодежь приходила к нам, и поэтому к праздникам и воскресным дням мы всегда делали дома уборку: подмазывали, где нужно было, подбеливали, подметали, и так бывало каждую субботу. Перед церковью чистили туфли, чтобы они блестели, гладили для себя и для других, причем, не электрическим утюгом, а старого типа, с раскаленным углем внутри. В общем, жизнь кипела. К Саше до церкви каждый раз приходили его друзья, и потом они все вместе уходили или уезжали на велосипедах в церковь.

Затем на лето я устроилась учиться шить у портнихи, и шила все: платья, блузки, мужские рубахи, брюки и даже стеганые тужурки. Всего я там работала два лета и за то время сшила: два или три платья, столько же мужских рубах, одну блузку, четыре тужурки и пару брюк. Мой брат Коля заказал у той портнихи сшить ему костюм, брюки, рубашки, так вот брюки и рубашки для него во время моей учебы сшила я, а костюм шила дунганка, работавшая тогда у той же портнихи. Там же позже и мне сшили праздничное зимнее пальто, заказанное моими родителями, а я сшила себе, Вале, и братьям по тужурке, спасавшие нас потом от холода, в которых мы выехали из Китая. Когда мы приехали в Австралию, некоторое время, на всякий случай, они там у нас еще хранились, хотя ни разу не одевались. Несмотря на то, что я шила у портнихи только покроенное, а кройке меня почему-то не учили, однажды дома я решила сама скроить себе платье и сшить. В процессе шитья я поняла, что кое-где надо было порезать ткань немножко по-другому, но платье все-таки я сшила, получив некоторую практику как в шитье, так и в кройке. Одолев первый барьер, я больше не боялась ни кройки, ни шитья, но без ошибок все-таки не обходилось, что и заставило впоследствии научиться шить хорошо, а при покройке мне постоянно вспоминалась русская пословица "Семь раз отмерь, а один раз отрежь", что я и старалась аккуратно исполнять. Другая же русская пословица "Ленивый два раза работает" учила меня шить терпеливо и не торопясь.

Когда я училась шить, у портнихи работало около шести русских девушек и одна дунганка. Среди русских были как православные, так и сектантки, и у нас иногда разгорались споры, но большей частью мы старались на тему религии не говорить. В таких случаях у нас царил мир, сыпались шутки, мы смеялись, и время пролетало незаметно. Поскольку правительство не разрешало иметь свое дело, то портниха брала заказы тайно и так, чтобы никто не видел. Работали мы в ее двухкомнатной, очень приличной квартире, где жила ее семья, состоявшая из мужа и двух

маленьких сыновей. В передней комнате находилась кухня с небольшим столом, а в стороне, в той же комнате, за большим столом работали мы. Работали мы шесть дней в неделю, а в субботные дни после работы каждая из нас по очереди должны были мыть полы в квартире. Хорошо, что в квартире были крашенные полы, отчего их было мыть легче, но в то же время, если они не были хорошо промытыми и протертыми, то после того, как они высыхали, на бордовой краске пола появлялись белые полосы. Поэтому мы всегда старались их промыть и протереть тряпкой, прополосканной в чистой воде. Хотя во второй комнате мы почти никогда не работали, однако полы мыли в обеих комнатах, и по окончании работы все выглядело чисто и аккуратно. Надо сказать, что во второй комнате, где спали хозяева, стоявший между окон стол был всегда накрыт белой скатертью, а около него стояли легкие венские стулья, а на окнах до самого пола свисали красивые тюлевые занавески. Постели на кроватях каждый день до нашего прихода ровно раскладывались, и кровати нарядно убирались, причем, комната стояла так весь день до самой ночи. И это было типичным образцом жизни русских в Кульдже. Если среди дня хотелось кому-нибудь из семьи полежать, то ложились где угодно, но только не на кровати, чтобы ее не помять.

Число русских в Кульдже убавлялось, так как все еще люди ехали в Советский Союз, или бежали в Шанхай. Оставшиеся русские, в основном, делились на две группы: православных и сектантов, которые общались между собой очень мало, так как сектанты навязывали православным свою веру, а православные их сторонились и избегали. Но, несмотря на это, было нечто, что связывало обе русские группы, отчего забывалось разногласие их религий. А это нечто заключалось в том, что обе группы хотели выехать за границу, и у них были общие переживания в многолетнем ожидании разрешения на выезд. Если в какой-либо группе появлялись новости, то они быстро передавались и другой, отчего все всегда были хорошо информированы. Однако молодежь двух групп вместе не бывала по той причине, что православная могла петь песни и танцевать, а у сектантов это строго воспрещалось, но вместо того они на своих гуляньях всегда пели свои гимны, часто взятые из православных духовных песен, чего они даже и не подозревали, думая, что все, что они пели, создано их писателями. По количеству людей обе группы русских к тому времени, примерно, были равны, а общее количество всех было небольшое. Поскольку в тюрьмы и лагеря людей все еще продолжали сажать, то со всякими новостями мы были очень осторожными, а людей сажали и по другим причинам: за грубый ответ или какую-нибудь критику по отношению власти и пр. Не приходится удивляться, что среди

русских находились предатели, о которых все знали и при них или при их приближенных остерегались что-либо говорить. Так образовался третий лагерь русских людей, к которому не было доверия как со стороны православных, так и сектантов, а называли их "советскими работниками" или "агентами", а самых отъявленных "шпионами".

К тому времени почти вся православная молодежь была в одной группе за исключением нескольких человек, считавших себя принадлежащими к высшему классу и интеллигенции, часть которых вскоре поженилась, а другие разъехались, в то время как оставшимся не было другого выхода, как объединиться и бывать со всеми вместе. Приехавшей из деревень старообрядческой молодежи в Кульдже общаться было не с кем, и поэтому иногда в нашей группе появлялись и старообрядцы, с которыми тесной связи у нас так и не получилось, вероятно потому, что они в церковь не ходили, тогда как наша молодежь ходила в церковь.

Священника у нас к тому времени уже не стало и церковные службы вел М.А. Золотухин. Если мы приходили в церковь с опозданием, то обнаруживалось, что все сидели на скамейках в церковном дворе и ждали начала службы. Оказывалось, что псаломщик ждал нашего прихода, чтобы было с кем петь. Все праздники церковью отмечались богослужениями без священника, и даже в день Радоницы после церкви молившиеся шли на кладбище, где устраивались у могил семейные поминки. Привыкли мы к нашей церкви и к нашей группе хористов, которая состояла почти полностью из молодежи, бывавшей всегда вместе. По окончании богослужений мы расходились по домам обедать, а после обеда все знали, где можно найти всех остальных, даже не сговариваясь.

Среди довольно большой группы православной молодежи у нас были более близкие друзья, с которыми мы часто встречались отдельно. Хотелось бы мне здесь упомянуть имена всех, но воздержусь, и если будет возможность кому-либо из них прочесть эти строки, пусть они сами вспомнят те дни нашей ранней молодости и переберут имена в своей памяти, поскольку теперь рассеялись все как по разным городам, так и государствам. Все русские почему-то тогда жили около окраины города, а за городом недалеко от той окраины находилось Лесничество, а почему то место называлось Лесничеством, не знаю, оно больше походило на парк. Там тянулись березовые аллеи и зеленые с низкой травой площадки. Позади, за лесничеством, текла река, по берегам которой промеж деревьев росла более высокая трава, но мы там почти не бывали. Пройти

в Лесничество можно было с двух сторон. В одном месте восточного пути из Лесничества в город текла чистая вода из родника, которая была настолько холодной, что от нее даже в жаркие летние дни ломило зубы. Поодаль от того места на северо-восток находился аэродром, к которому мы никогда не пробовали пройти, хотя не раз бывали около него и видели стоявшие самолеты. Другой же выход из Лесничества был с западной его стороны, выведший в город к месту, где большей частью и жили русские, и по этой причине мы всегда пользовались тем, вторым входом. Раньше за Лесничеством присматривали и содержали его в чистоте, туда по воскресеньям приходила как молодежь, так и семейные пары с детьми и едой, чтобы там отдохнуть, но с переменой власти и ухудшением жизненных условий такие посещения прекратились. Лесничество стало совсем пустым, если не считать того, что им овладела русская молодежь, состоявшая из двух групп: православной и сектантской. Там мы иногда просто прохаживались по аллеям, играли в различные игры, пели песни или просто сидели, разговаривая.

У нас было два неразлучных друга - юмориста, входивших в число наших близких друзей, которые нас постоянно смешили. Один из них был Василий Кусков, а другой Иван Югов, и это был не кто иной, как тот, что спускался в школьный колодец в Гимназии и за это получил от директора нагоняй. Однажды нашли они в Лесничестве дохлого паука и решили его похоронить, а пока хоронили, мы свои животы надорвали от смеха. И так каждый раз, что-нибудь да находили, чем могли бы посмешить окружающих. Иногда мы встречались более тесной своей группой на дому нашей подруги Нюси, так как она в своем доме тогда жила одна, потому что ее семья выехала за границу, с которой, по каким-то причинам, она в тот раз не могла поехать. Мне особенно запомнился день Троицы, когда в ее доме стояли большие зеленые ветки, а по полу была разбросана свежая трава. Впрочем, здесь уместно сказать, что Иван тогда ухаживал за Нюсей, будущей своей женой, и берег ее от всяких напастей. Так совпало, что отчество Ивана было Васильевич, а его друг был Василий, то они придумали, что Иван сын Василия, и потом, шутя, называли друг друга "отец" или "сынок". Я же тоже Ивановна, а поэтому оказалась дочкой Ивану, и внучкой Василию. Шутя, так и называли друг друга: "отец", "сын", "дочь", "внучка" и "дедушка". Это тоже было предлогом смеха для молодежи. Кроме Нюси у меня тогда была еще одна подруга - Тая Волкова, с которой я также очень часто встречалась по воскресеньям и по праздникам.

Тогда как днем вся молодежь бывала в Лесничестве, вечерами она собиралась на широкой улице, что тянулась на берегу реки Пеличинки, и поэтому то место у нас получило название "Пеличинки" или "Хутора". Кроме того что Василий был человеком с юмором, он был и хорошим гармонистом, и обычно весь вечер сидел на стуле и играл, а остальные танцевали, пели и просто веселились. Не раз бывало, когда кто-нибудь из молодежи пускался в пляс или петь русские частушки. Вечера обычно бывали тихими, теплыми и очень приятными, когда от широко разлившейся реки доносился плеск и журчание воды; отражаясь в ней, скользила по поверхности воды серебристая луна, а с деревьев доносилось соловьиное пение.

Вечерами нам из дома разрешалось выходить только если за нами приходили наши подруги, и поэтому по пути к нам всегда заходила молодежь, а возвратиться домой мы должны были не позже назначенного времени. У нас было так принято, что все ходили под ручку, и когда мы шли группой, то, взявшись под ручку, образовывали длинный ряд, а иногда и два ряда или три. Если шли две или три девушки, то тоже всегда ходили под ручку, как под ручку ходили и парни с девушками. Иногда молодежь решала пойти по главной улице города, и мы рядами под ручку проходили мимо кинотеатра, а потом возвращались обратно, а временами специально шли туда, чтобы попасть в кино, особенно зимой, когда таких развлечений, как в Лесничестве и на Пеличинке, не было.

Случилось как-то, что Иван заболел аппендицитом и попал в госпиталь, а мы, решив его навестить, пришли группой к нему в палату и когда стали с ним разговаривать, то и там без шуток не обошлось, и больной, засмеявшись, от боли должен был тут же остановиться. Он нам тогда с большой обидой рассказал, как от операционного стола, сразу после операции его заставили идти на свое место. Правда, все потом зажило, и он совсем поправился.

Приятно вспомнить свою беззаботную молодость и друзей, которых разбросала судьба по всему свету, а придется ли еще когда-нибудь увидеться с ними, не знаю, а как хотелось бы еще хоть раз встретиться уже старичками, чтобы вспомнить всем вместе свое родное прошлое.

Одно время городское управление решило не позволять людям ночами ходить по городу, а чтобы следить за этим они стали назначать по очереди живших на той или иной улице мужчин. Когда подходила наша очередь, то и наши мужчины тоже должны были всю ночь ходить по

улице и следить за нарушителями. Зимой по морозу бродить по улицам было очень неприятно, да и вообще таким делом заниматься было и не безопасно.

Несмотря на житейские трудности праздники Пасху и Рождество среди русских праздновались по-старому. В эти праздники по русскому обычаю праздновали по три дня, и все три дня после посещения церкви гуляли. На первый день хозяйки домов накрывали столы, ставили на них все лучшее, что у них было в доме и весь день находились дома в ожидании гостей, а мужчины ходили из дома в дом по родственникам, друзьям и знакомым, поздравляя хозяйку и всех домашних с праздником. Таковых гостей у нас называли "визитерами". Побывав в нескольких домах, выпивая по рюмочке или две, некоторые "визитеры" к вечеру едва ли могли стоять на своих ногах, и таковые потом часто засыпали в гостях, а те, кто мог еще держаться, еле сидел за столом с другими гостями. Потом жена с помощью друзей должна была вести или, если была подвода, везти подпившего домой. Как бы русские не любили гулять и пить, однако приходящих в такое плачевное состояние бывало немного, в большинстве же своем мужчины бывали подпившими, но не упившимися. Напиваться допьяна у нас считалось неприличным, но угощений без выпивок не бывало. Как и везде, традиции воздержания одной семьи не соответствовали другой, как и традиции знакомых, компаний и друзей. Бывали у нас и такие случаи, когда с шумом и смехом водка насильно вливалась в рот гостя. После шумного веселья обычно начинали петь песни и пели потом долго своими подпившими голосами. На второй и третий день праздников, а в лучшем случае всю праздничную неделю, как правило, муж с женой вместе ходили в гости по приглашению, причем, каждая гостившая в группе семья приглашала потом всех гостей к себе. Поэтому если в группе было семь семейств, то чтобы отгостить в каждой из них требовалось целую неделю. С исчезновением муки и мяса с пищей у всех было плохо и поэтому в последнее время в праздники для закусок на столах стояло что-нибудь из соленого. Троицу там тоже праздновали три дня, но визитеры на Троицу не ходили. На Рождество Христово некоторые дети, все еще по старой традиции, ходили по домам родных или знакомых славить Христа, за что им давали конфеты, пряники или деньги.

В последние годы в Кульджу постоянно свозили откуда-то китайцев и оставляли их где-нибудь в городе, а часто прямо на улице, где они ставили себе палатки и в них жили. Идешь по уже замерзшей улице мимо таких поселений и видишь везде человеческие отходы, так как у жившего

в палатках народа не было абсолютно никаких удобств. В последнее время и наше Лесничество все было загрязнено до того, что надо было ходить и смотреть под ноги. Улицы летом больше уж никогда не подметались и не поливались, и никому до улиц никакого дела не было. Люди проходили мимо без остановок, чтобы никого и ничего не видеть, а прийти домой и спрятаться. Меньше посторонние люди видят, меньше разговоров и спокойнее.

На транспортной станции каждый день ранним утром люди возбужденно пытались получить билеты легальным или нелегальным образом, среди многих мелькали и русские лица. Некоторым это сделать как-то удавалось, и получившие билеты выезжали в ближайший большой город Урумчи, а из Урумчей, если все шло хорошо, как-то находили себе пути чтобы пробраться дальше и так до самого Шанхая. После ухода автобуса неудачники с маленькими своими котомками в руках возвращались к себе домой, а на следующий день или немного позже вновь приходили искать себе счастья. Я эти сцены видела сама когда утрами, еще в темноте тоже приходила на станцию и тоже пробовала искать себе удачи, но, не знаю, к несчастью или наоборот к счастью, я ее не нашла. А наш Саша, никому ничего не сказав, как-то смог купить себе билет перед сочельником и нам вечером сообщил, что он ранним утром следующего дня, то есть в сочельник уезжает. Такая неожиданность поразила наших родителей, и они стали его уговаривать этого не делать, но на него ничто не действовало. Пришлось маме кое-что собрать ему в дорогу, а главное еду. Уж долгое время, готовясь к выезду, мама пекла сдобные булочки, разрешила их на ломтики и, высушив на сухари, толкла в муку и ссыпала в мешочки. Это делалось для того, чтобы сумка с сухарями была не громоздкой и чтобы можно было взять с собой побольше пищи. Так она заранее приготовила каждому из нас по мешку толченых сухарей и в каждый мешок положила по кружке и ложке. Таким образом, при такой неожиданности пища для Саши была готовой, а из других вещей он почти ничего не взял. Встал он утром рано, оделся, а так как время было морозное, то он одел сверху теплую тужурку, поверх которой натянул хорошую шубу, взял с собой денег, уложил сухари в маленькую котомку и, распростившись с нами, с билетом в кармане ушел на транспортную станцию и больше не вернулся. Позже он нам рассказывал, что в каком-то городе его поймал милиционер и повел по улице, но в тот момент, когда в толпе народа произошел какой-то шум, отвлекший внимание милиционера, Саша в той же толпе скрылся, сняв с себя свою шубу. Потом он шубу припрятал где-то под забором, оставшись в тужурке, а когда опасность миновала, он вновь ее нашел

нетронутой. Ему как-то везло на покупки билетов, и так благополучно добрался до самого Шанхая, где сразу же, сев в рикшу, отправился в контору, чтобы зарегистрироваться. Через некоторое время неожиданно пришло письмо от Саши с сообщением, что он уже на месте. В Шанхае он, как и все другие беженцы, ютился в бедном районе до тех пор, пока не получил разрешение на въезд в Гонконг, где оказался на чужом попечении. В Гонконг он прибыл к лету, где, с непривычки, переносить климат той местности ему было очень тяжело. Дело в том, что климат Гонконга резко отличался от нашего тем, что он был жарким и влажным, отчего человек чувствовал себя постоянно мокрым и липким от пота, тогда как в нашем климате мы привыкли наслаждаться сухим, приятным теплом с легким освежающим ветерком.

По своем приезде в Гонконг Саша подал заявление, на разрешение ему въехать в США, где тогда жила семья дяди Алеши, но ему сказали, что он сможет получить такое разрешение только через пять лет. Тогда он решил дожидаться нас в Гонконге, предварительно побывав в конторах по делам беженцев, где подтвердил, что мы все еще находимся в Китае и ждем разрешение на выезд.

После того как уехал Саша, наша жизнь побледнела, но папе с Колей еще раз удалось весной посеять пшеницу, которую потом осенью мы все поехали жать, а жала я ее впервые. Вспоминается мне кипяток с дымком, каким он у нас всегда получался, когда бывали мы в пути или, как тогда, на работе в поле. Папа любил пить кипяток, но чтобы его вскипятить он клал на земле три камешка, на которые ставил с водой кастрюлю, которую возил всегда с собой. Под кастрюлю подбрасывал крупный кустарник или, что другое, смотря что можно было достать в той местности, и у нас всегда кипяток был с привкусом дыма. К кипятку в пути никогда ничего вкусного у нас не бывало, и мы его пили с хлебом. Поэтому я предпочитала пить воду из реки, если таковая была на нашем пути, зачерпывая ее ладонью, или есть размоченный в воде кусок хлеба. Прожили мы со своим хлебом еще одну зиму, а к весне решили пшеницу больше не сеять, так как к тому времени уже многим русским пришли документы на выезд, и люди уезжали в Гонконг легально. Назначенный государственной властью чиновник русских людей с документами объединял в группы, из которых выбирались по одному человеку групповоды для исполнения связи между группой русских беженцев и чиновником.

Будет интересно вспомнить и то, что нам, как и другим русским, стало приходить из Гонконга денежное пособие, которому, не смотря на то, что оно было очень маленьким, мы все-таки были рады и каждый месяц его ожидали. Такие конверты приходили с почтовыми карточками, на которых, когда их приносили к нам на дом, мы расписывались, и это значило, что письма были зарегистрированными, чего мы тогда не знали.

К тому времени все люди жили на скудной и очень маленькой норме как пищи, так и ткани. На человека в год позволялось купить один метр ткани, а муки приносили каждый месяц для нас шестерых взрослых, фунтов двадцать пять или тридцать, что в небольшом мешке составляло около восемнадцати сантиметров высоты. Несмотря на то, что в годы, когда мы сеяли свою пшеницу, у нас была своя мука, однако, чтобы не вызывать каких-либо подозрений, месячную норму мы тоже всегда выкупали. В последний же год перед нашим отъездом, когда решили пшеницу больше не сеять, у нас своей муки не хватило, и мы должны были лично испытать, что такое жить на государственной пищевой норме. Хорошо, что к тому времени сухари на дорогу у нас были уж готовыми, о чем не надо было больше беспокоиться, но пищи на каждый день, можно сказать, у нас не было. Про муку, что приносили по норме, сказать, что это была пшеничная, нельзя, поскольку она состояла из примесей разных злаков, и цвет ее был слегка синевато-серый. Ко всему прочему в ней была примесь земли, и размельченных камней, отчего при еде неприятно хрустело на зубах, а делать было нечего, надо было жевать и проглатывать. Печь хлеб из такого количества муки и думать было невозможно, так как он исчез бы дня за три, а остальные дни месяца питаться было бы нечем. Поэтому мы тогда могли варить только супы заправленные мукой или лапшой, и, может быть, будет вернее, если я назову их похлебками, на которых мы и прожили несколько месяцев до нашего выезда. Когда мы замешивали тесто для лапши, то оно было синеватого, неприятного цвета, и в нем не было обычной эластичности, даже наоборот, оно было рвущимся и разваливающимся. Нельзя забыть и того, что у Коли к тому времени было двое детей, которым нужна была пища и не такая, какой мы питались, что конечно, отразилось на их здоровье, в особенности младшего мальчика, у которого стал расти живот, в то время как сам был худеньким, то есть он был "кожа да кости" в полном смысле этого слова. Его носили к докторам, но они ему не могли помочь, а ухудшение его здоровья было явное. К счастью, кто-то из русских посоветовал его купать в горячих ваннах из корней боярышника, отчего он стал заметно поправляться, даже если и не стал намного полнее. Их мама старалась им что-нибудь испечь вроде пряничков, но

этого для них не было достаточно. Иногда нам удавалось купить немного муки у знакомых русских, что немного нас всех подкрепляло, как и подкрепляло редкое горячее с мясом своей заколотой курицы, а закалывать своих кур при коммунизме тоже не разрешалось. Зато при наших условиях у нас не было страдавших от полноты и ожирения людей, и не надо было заниматься никакими упражнениями, чтобы похудеть, и не было такого, как на Западе говорят: "ничего не ем и не худею". Мне кажется, от плохого питания аппетит человека теряется, что я на себе испытывала и не раз, причем, каждую зиму вообще я теряла вес, потому что питание зимой у нас было хуже, в то время как летом, когда мы жили за городом, у нас выросло много еды в огородах.

В Китае с самого раннего детства я никогда не видела, чтобы люди употребляли бычью силу для работы, и поэтому когда при коммунистах на улицах появились быки, возившие нагруженные двухколесные повозки с резиновыми шинами, мне было неприятно на это смотреть. Мне казалось, что вместо того, чтобы человеку совершенствоваться, он падает вниз. Весной и осенью уличные дороги были настолько разбиты, что образовывались ямы, и быки изо всей силы напрягались, когда везли тяжелые телеги нагруженные какими-нибудь мешками. Местами они уже просто больше не могли сдвинуться с места, и в таких случаях не раз я видела китайца, тянущего изо всей силы веревку, привязанную к кольцу, продетому в нос быка, так, что из носа уже текла кровь, а он все тянул, опуская на быка свой длинный кнут. Я не могла дальше смотреть на такие тяжелые картины и быстрее уходила, чтобы ничего этого не видеть. Часто в повозку впрягалось и по два быка, и таких повозок стало проходить по городу очень много, а что они везли и куда неизвестно.

Как я уже упоминала, китайское правительство постоянно переправляло китайцев из центрального Китая в Кульджу, и их в последние годы нашего там пребывания было множество, причем, все были одеты одинаково: как мужчины, так и женщины, независимо от возраста, и такое одеяние для китайцев ввел коммунизм. Одежда их состояла из современного тому времени типа китайских брюк и жакета из одинаковой мутно светло-зеленой ткани. Летняя одежда лишь отличалась тем, что вместо жакета была одета белая блузка или рубашка. На голове зимой у всех были одинаковые шапки из такой же ткани, как и брюки. Волос на голове у китайцев обыкновенно бывает немного, и женщины до коммунизма обычно туго укладывали их маленькой шишечкой, а при коммунизме стали волосы ровно подрезать или делать завивки, особенно молоденькие девушки. Тогда ни одна китаянка не смела надеть свое

национальное платье, и поэтому в Китае мне не приходилось их видеть в национальном китайском одеянии, разве только на пропагандистских концертах в Суйдуне, где высмеивались и критиковались богачи.

С зимы последнего года нашего пребывания в Китае мы потихоньку стали готовиться к нашему выезду. Из заграничных писем мы узнали, что ничего везти с собой не надо, кроме необходимого, так как за границей все есть, и что магазины от различных товаров там ломятся. Мне было трудно представить такое, чтобы, войдя в магазин, человек мог купить все, что он пожелает, и тогда мне думалось, что когда я буду за границей, я накоплю множество всевозможных тканей и нашью для себя различных, красивых платьев. Но такие заманчивые мысли сменялись грустными и неутешительными, и я не знала, хорошо ли, что мы туда едем. Дело в том, что некоторые русские ребята из Кульджи, попав в такой большой город, как Гонконг, где много всякого соблазна, решили воспользоваться своей беспредельной свободой. Потом о своих похождениях они писали своим друзьям в Кульджу, что не утаилось и от нас - девушек. Узнав о том, какой беспутной жизнью живут люди за границей, мне помнится, как это знание легло тяжелым камнем мне на душу. Помнится мне и то, как две молоденьких девушки - дочери очень хороших родителей после таких слухов обратились в советское консульство, где объявили, что не хотят ехать с родителями за границу. Их там сразу же прибрали, и когда девушки не вернулись домой, оповестили их родителей о случившемся. Бедные родители сколько потом о них тосковали и плакали не только в Китае, но и за границей. А девушкам в консульстве оформили нужные документы, и вскоре их увезли в Советский Союз. После того случая, я помню, сколько было суждений и разговоров среди русских, и, вероятно, каждый родитель радовался тому, что такое случилось не с их ребенком.

Городская "Толкучка", в конце концов, пригодилась и нам, где одни люди продавали свои вещи по дешевке, а другие на дешевые вещи охотились. В то время все еще были русские люди в Кульдже, которые собирались ехать в Союз, и они закупали все, что могли, а тем более то, что продавалось за бесценок. Стали на Толкучку носить свои вещи и мы, и помню, как один молодой русский человек, увидев мое шерстяное, праздничное пальто, от нас не отстал, пока его не купил. Пришлось нам расстаться и с нашим конем Савраской, продав его коммунальным китайцам. Позже Коля его видел впряженного в повозку корневым, тогда как ему в помощь было впряжено еще несколько лошадей. Коля

рассказывал нам, как Савраска посмотрел на него, и как ему было тяжело вынести, а после его рассказа та тяжесть передалась и нам.

В конце лета 1960 года мы получили долгожданные документы на выезд, который должен был состояться вместе с другими людьми вошедшими в нашу группу. После получения документов оказалось, что в нашей группе было около ста человек различного возраста, включая древних и немощных стариков, но не считая детей. Прежде чем была назначена дата нашего выезда, прошло еще несколько недель, за которые теплая осень успела смениться на заморозки, а за дверями уж стояла зима. Собираться к поездке нам было нетрудно, благодаря тому, что у нас вообще-то почти ничего не было, а тем более после продажи кое-каких вещей на Толкучке. Самое важное что было у каждого из нас в руках - это сшитые из простых тряпок ручные сумки с измельченными сухарями, а остальное, как мне кажется, вместилось в купленный у Федоровых чемодан. Однако перины и подушки, что мама так заботливо приготавливала, в Китае она не оставила, а как и где их уложили, я не помню.

Варя с семьей к тому времени документов на выезд еще не получила, и поэтому мы должны были с ней расстаться. После нашего отъезда ее семья поселилась в нашем доме, так что Жулика не надо было кому-нибудь отдавать, он просто остался сестре. Позже, лет через пять, когда они тоже выехали, и мы вновь с ними встретились, так зять рассказывал, как он в Китае выучил Жулика охотничьему делу, Жулик хорошо знал свою роль и исполнял ее добросовестно.

Перед отъездом все хорошо знали, что провозить золото и деньги через границу нельзя, то есть деньги нельзя было перевозить совсем, а из золота пропускали только кольцо, если оно было на руке человека, или цепочку на шее. У нас золота вообще никогда не бывало, и беспокоиться об этом нам не приходилось, но другим оно создавало большие сложности. Часто люди прятали его так, что трудно было додуматься, что там золото, однако на границе особыми аппаратами его находили и все отбирали. Были случаи, когда на границе разбивали доски в ящиках или выворачивали каблуки обуви, где было спрятано золото.

Наконец, подошел и наш день, а к тому времени на земле уже лежал снег и было холодно. В октябре 1960 года, когда мы пришли на транспортную станцию рано утром, еще затемно, нас ждал грузовик с открытым кузовом. Вначале побросали в кузов вещи, разложив их

рядами, чтобы на них можно было сесть, потом стали подниматься наверх люди, усаживаясь на свои вещи, и садились они так тесно, что было невозможно даже двинуть ногой. Но, несмотря на это, мест все-таки всем не хватило, и несколько человек должны были стоять, держась за изогнутые над кузовом металлические прутья для брезента. Вначале стояли молодые ребята, но потом стали меняться, и временами мне тоже приходилось ехать стоя. Следует заметить, что с нами ехало два уже старых брата, один из которых уже потерял зрение, да к тому же был совсем слаб и даже сидеть ему было трудно. Не знаю, как его устроили: уложили ли как-нибудь или усадили, но только моя душа даже теперь трепещет от мысли, как он бедный, должно быть, мучился в той дороге.

В то время как во дворе нас усаживали в грузовик, куда посторонних не впускали, на улице собралась большая толпа русских людей, пришедших в последний раз увидеть своих родных, друзей и знакомых. Когда наш грузовик тронулся и выехал за ворота, то на повороте, при утреннем полусвете я увидела быстро промелькнувшие среди людей знакомые лица, среди которых были и те, кто даже еще не подавал прошений для выезда за границу и не думал уезжать из Кульджи. В грузовике кто-то запел песню: "Прощай любимый город", и многие подхватили, в то время как грузовик набирал свою скорость, наши голоса относило назад в Кульджу, где оставались наши родные и хорошие друзья. Последний раз была пропета эта песня в моей жизни, но отголосок ее тянулся и тянулся, не прерываясь, иногда усиливаясь, а иногда затихая до беззвучия. Окинули мы взглядом тянущуюся параллельно с шоссе улицу в последний раз, которая вскоре стала от нас отдаляться и, уменьшаясь, исчезла из поля зрения насовсем.

Наш грузовик взял путь по направлению к городу Урумчи, но чтобы попасть в него, надо было перевалить через высокий горный хребет по названию Джунгарский Алатау. Вначале дорога шла по равнине мимо уйгурских селений, потом вышла в безлюдные места и начала постепенно подниматься все выше и выше. Добравшись к подножию гор уж после обеда, наш грузовик съехал с дороги по направлению к каким-то окруженным деревьями домикам, где остановился, а мы все слезли с него, чтобы немножко размять ноги и отдохнуть.

Через полчаса все вновь стали усаживаться на свои места, и наш грузовик тронулся по дороге, которая вскоре вошла в широкое ущелье с постепенно увеличивающимися склонами величественных гор, на которых уж лежало много снега. В последний раз мы тогда смогли

полюбоваться горными ущельями с прорезающими их бурлящими реками, несущими в своих берегах еще не успевшую застыть родниковую воду. Высоченные склоны, усыпанные побелевшими кустарниками и оголившимися лиственными деревьями, вперемежку с посыпанной снегом вечно зеленой хвоей, стояли перед нами со своими разнообразными, причудливыми изгибами и отвесными скалами, что еще больше придавало им неопишное величие. Идущий параллельно с речкой склон, по которому была проложена постоянно поднимающаяся наша дорога, удалялся ввысь по направлению хребта. Запомнилась мне последняя картина гор, представшая тогда перед нами на прощанье с ее громадными, черневшими среди полубелых круто наклоненных склонов утесами, тогда как все утопало в магической тишине. Мы ехали молча. Видимо, каждый из нас переживал что-то, чего и сам не мог понять, но внимал с благоговением той дивной, уходящей навсегда величественной красоте.

День был пасмурный, но снег не сыпал. Медленно поднимался грузовик, дорога наша повернула, а угол горы, как занавеска, прикрыл от нас таинственное зрелище. Вскоре дорога стала круче, и наш грузовик начал скользить назад, но остановился, а мы, перепуганные, стали соскакивать с него. Шофер распорядился, чтобы с грузовика все слезли, кроме немощных стариков и больных, что с радостью было исполнено, так как ехать на нем оказалось очень опасно. Мы начали взбираться на гору пешком, тогда как за нами полз, еле передвигаясь, опустевший грузовик.

Поднимаясь на гору, мы разгорячились, и вдруг неожиданно оказались на самой вершине хребта, где находилось плоскогорье с озером Сайрам, которое из-за темноты уж невозможно было рассмотреть, и только вода ловила какой-то ночной свет и давала нам знать о себе. Когда мы взошли на самую вершину, то на нас, разогревшихся, дунул холодный, пронизывавший насквозь ветер, и я не забыла, что мне стало неприятно, но спрятаться на вершине горы было негде. Ничего не придумаешь худшего, как простудиться в пути и заболеть. Пройдя еще немного, мы увидели стоящую уединенно избушку для путешественников, в окнах которой светился еле заметный свет, и нам позволили войти в нее, чтобы обогреться. Избушка состояла из одной комнаты, посреди которой жарко горела железная печь, а вокруг ее обступили гревшиеся люди. Все мы двинулись к ней, чтобы обогреть себя и ооченевшие от холода руки, а некоторые успели развернуть и свои портянки, чтобы если не высушить,

то хоть немного прогреть. Быть там долго нам не позволили, и мы вновь, усевшись в грузовик, поехали дальше.

Привез нас грузовик в Урумчи ночью, завез во двор, и нам было сказано разгрузаться, после чего нас провели в комнаты, предназначенные для ночлега. Нам отвели всего две комнаты с отдельными входами, во всю длину которых над стенами тянулись сделанные из дерева голые нары, и при этом двери в нашу комнату не было, а дверной проем был просто завешен тряпкой. Была ли дверь в другой комнате я не знаю, но скорее всего, ее там тоже не было. Об отоплении даже и думать было нечего, так как мы ничего лучшего и не ожидали. Нас удивило, что в ожидании следующего транспорта мы должны будем находиться там дня два или три, но ничего не могли поделать и должны были повиноваться. Разостлали у кого что было, чтобы не ложиться на совершенно голые доски и легли все в куртках, прикрывшись кто чем мог. Ночь прошла благополучно, однако я уже почувствовала в груди и горле простуду. Поднявшись на следующее утро, пошли кто куда: кто просто погулять и посмотреть город, а другие надеялись купить хлеба или вообще чего-нибудь съестного, но, несмотря на большие старания, никому найти еды не удалось.

Здесь нужно упомянуть, что в нашей группе тогда ехал Иван - один из наших юмористов, тогда как Василий, его друг, остался в Кульдже, где он прожил после нашего отъезда еще долгое время - несколько лет. Так вот на утро Иван, я и Валя тоже пошли посмотреть город, причем, не такой городок как наша Кульджа, а большой, со своими порядками и следящими за ними милиционерами со свистками. Шли мы по какой-то большой улице со светофорами и отмеченными переходами для пешеходов, а Иван нам говорит: "Вы приехали из провинциального города и поэтому не знаете о правилах больших городов, так слушайте меня. Я вас буду учить, как надо ходить по улицам". С этими словами мы все трое сошли с тротуара и пошли через замерзший перекресток по диагонали, чего в городе не полагалось делать, но тут засвистел свисток милиционера, а наш провожатый почему-то поскользнулся в этот момент и шлепнулся на спину так, что и ноги подскочили вверх. Нас разобрал смех, и он, вскочив на ноги, тоже разразился хохотом. Потом долго мы не могли успокоиться, а вообще-то хорошо, что Иван так благополучно упал и без какого-либо ушиба.

На следующий день со своей простудой и кашлем я оказалась прикованной к постели и никуда пойти не смогла, а через день или два

нам подошло время опять грузиться на грузовик, чтобы доехать до городского вокзала, где мы должны были ждать некоторое время, пока нам укажут, что делать дальше. На вокзале было очень много всякого народа, а особенно было много уйгур, сидевших на своих небольших, оборванных котомочках или просто на грязном полу, тогда как другие стояли или ходили, также как и мы, решив пройтись и посмотреть вокзал. Мне на глаза тогда попала сидевшая с совершенно голеньким однолетним или чуть постарше ребенком, женщина, пробовавшая прикрывать его своим пальто, а чуть подальше, с другой стороны, сидел мальчик лет двенадцати и грыз ломтики зеленой дыни. Еще дальше я увидела другого, лет десяти мальчика, державшего в ладони штук пятьдесят пшеничных зерен, которые он пальцами другой руки брал по одному и клал себе в рот. Вообще картина народной толпы на вокзале была беспросветно печальной.

Мы вновь влезли в кузов грузовика, и поехали на расположенную довольно далеко от Урумчей железнодорожную станцию. Тогда железная дорога еще не доходила до Урумчей, но постепенно продвигалась к его направлению. Ехали мы часов пять по какой-то не интересной, песчаной равнине, о которой и рассказать особо нечего, и к послеобеденному времени наш грузовик остановился у станции, находившейся на открытом месте, где была поставлена брезентовая палатка, вероятно для служащих. Все поспешили снять с грузовика свои вещи, которые потом составили на земле удлинненным кругом под открытым небом, а так как уж было время послеобеденное, то все начали вынимать из сумок провизию, чтобы поесть. Как и предполагалось, нам пришлось питаться исключительно своими сухарями с водой, которую везли с собой в специально взятой для этого фляжке. И теперь, вынув свои кружки, мы насыпали в них сухарей и, не обращая ни на что внимания, налив в сухари воды, стали есть. Во время трапезы я нечаянно подняла голову и увидела окружившую нас толпу китайцев, жадно смотревшую на нас. Я была крайне удивлена такому быстрому и бесшумному скоплению невероятно большого количества людей, стоявших молчаливо и смотревших на нас, как на неведомо каким образом свалившееся с неба чудо. Вначале мне было непонятно, почему им было так интересно на нас смотреть, но когда кто-то из наших людей бросил просто на землю не то косточку или что-то другое не знаю, то человек пять или шесть китайцев кинулись чтобы схватить брошенное, я поняла, что народ был голоден. Уже позже мы сообразили, как опрометчиво мы тогда поступили, раскрыв наши продукты перед голодными людьми. Страшно подумать, что голодная толпа могла бы с нами сделать!

Как ни странно, в то время как в Кульдже уже была зима, на станции, где мы тогда высадились снега на земле еще не было, но уже было холодно. Поскольку дни уже были короткими, то быстро наступил вечер, и на нас надвигалась темнота, а мы, не зная что делать, кто как мог присели на свои вещи, каждый в своем кругу. Когда уже совсем стемнело, я услышала какой-то странный звук, похожий, хотя и не совсем, на визг собаки. Я решила проверить и пошла в сторону, откуда доносился странный визг, и к моему ужасу увидела нечто, чего никак не ожидала. Около палатки, под нижний край брезента старалась подлезть лежавшая на мерзлой земле и трясущаяся от холода и жалобно повизгивающая женщина, а находившиеся в палатке изнутри из всей силы ее выпихивали и натягивали брезент до земли, чтобы не впустить не нужную им женщину. Я даже опешила и, испугавшись, поторопилась с того места уйти. В то время там было очень холодно, но я лично не запомнила, чтобы я мерзла или чувствовала себя уставшей, да и вообще не помню, как мы провели ту ночь под открытым небом и спали ли мы вообще. Не помню когда подошел поезд: вечером, ночью или утром, но мне хорошо помнится, как на следующий день мы проходили мимо вагонов и видели в них молоденьких уборщиц с тряпками в руках протиравших все поверхности вагонов. Мы подошли к уборщицам так близко, что одна из них что-то мне сказала по-китайски, а когда я ей ответила тоже по-китайски, они громко рассмеялись и начали что-то разговаривать между собой. Хотя я и заметила, что они смеялись от души, и никакого осуждения в мой адрес не было, однако из-за моего вечного смущения, я решила, что они смеются над моим произношением, и поэтому постаралась от них удалиться.

Еще до обеда нам сказали, чтобы мы шли покупать билеты, и мы выстроились в очередь у железнодорожной кассы. Затем нас вместе с нашими вещами повели в отведенный для нас вагон, в котором кроме нашей группы никого другого не было, да и за все наше путешествие ни один из посторонних пассажиров не вошел в него. Ехавшие в том же поезде люди даже не подозревали, что в одном из вагонов с ними едут какие-то таинственные пассажиры, однако взаперти нас не держали, и мы могли ходить по всему поезду. Войдя в вагон с вещами, мы стали располагаться на сиденьях семьями. Вагон оказался неплохим и был чистым со стоящими в два ряда деревянными сиденьями, между которых у окон находились маленькие столики. Никаких купе или перегородок во всем вагоне не было. Мест хватило всем, и даже были свободные, поэтому было нетрудно отвести старенькому дедушке, что ехал с нами, все сиденье, чтобы он мог на нем полежать. Ему там стало намного

удобнее, но если вспомнить что сиденья были деревянными, твердыми да еще с качкой поезда и без хорошего питания, то ему уже измученному, вероятно, в его годы было очень трудно перенести такое дальнейшее путешествие. Члены нашей семьи днями сидели где хотели или ходили по вагонам, а на ночь собирались на свои семейные места, и укладывались, кто как мог на ночлег. Старшие ложились на сиденья, а мы - молодые, залезали под них во всю их длину и там спали на голом полу, а поскольку в поезде было очень тепло, то нам под сиденьями было даже жарко и приходилось немало попотеть, но зато не пришлось промерзнуть.

Проходя по вагонам, кто-то обнаружил в поезде столовую, а когда люди побежали чтобы купить пищи, то узнали, что пищи в столовой не было. Некоторые вагоны были совсем пустыми, и мы, проходя мимо, для разнообразия могли на время оставаться в них. Никого из нас не выгоняли, а однажды во время остановки поезда я гуляла по вагонам и, отворив дверь в один из них, увидела толпившихся у выходной двери китайцев с криками и воплями рвущихся к выходу, куда их не пускали, в то время как с платформы другие жандармы на входные ступеньки вагона, вверх и внутрь его насильно вталкивали других китайцев. Чтобы не видеть всего этого, я повернулась и ушла назад в свой вагон, но вопрос, почему такое происходит, меня не оставлял, и уже потом я сама ответила на него, вспомнив как китайцев везли в Суйдун и в Кульджу. Вероятно, правительству надо было заселить какие-то места китайцами, вот оно на них и охотилось.

Через несколько дней нашего железнодорожного путешествия кто-то увидел, что в столовой продавали горячую пищу, и Коля решил купить несколько порций для нас. Когда он их принес, то мы рассмотрели, что это был обыкновенный китайский рис с соусом, только в нем виднелось большое количество каких-то морских червячков с ножками. Помню, как я копалась палочками в своей тарелке, а есть так и не смогла.

Наш поезд быстро несся по извилистой железнодорожной линии. Он то исчезал в темные, длинные или короткие туннели, то вырывался из-под земли, летел меж гор с их ущельями и обрывами покрытыми камнями или зеленью. Иногда он, вдруг выскакивал на плоскогорья и равнины с китайскими огородами и их владельцами - коммунарами работавшими всюду на полях вручную в своих соломенных шляпах треугольником. Некоторые из них в тот момент стояли и сидели наклонившись над землей, роясь в ней, кто-то из них шел, а кто, подпрыгивая, нес на коромысле в корзинах, вероятно, землю или в ведрах воду для полива.

Однако людей и скота на полях виднелось немного. На изгибах нашей дороги часто можно было видеть изогнувшийся наш поезд, хвост которого тянулся очень длинной, полукруглой, постепенно уменьшающейся лентой. Зима где-то осталась позади, а там проносились то зеленые и скалистые горы, то пески, то рисовые поля и китайские деревни с окружавшей их зеленью. На мокрых полях, иногда наполовину в воде, ходили странные, показавшиеся нам некрасивыми, животные. Это оказались буйволы. Головы их чем-то очень напоминали домашних коров, а горбатые спины их просто уродовали. Местами наш поезд бежал меж рисовых полей, заполненных водой, на которых по пояс в воде работали китайские коммунары с черными треугольниками на головах. Пейзаж перед нашими взорами постоянно менялся: горы, равнины и поля сменялись на холмистую поверхность покрытую зеленью, на которой виднелись китайские хижины, или рисовые поля залитые водой и опять равнины и, наконец, перед нами предстала Желтая река, вода которой нам показалась мутной и непривлекательной. Стуча колесами, проскочил поезд через реку и помчался дальше до места своего назначения.

Я рассказала только в общих чертах обо всем нашем пути на поезде, который продолжался около тринадцати дней с небольшими остановками и пересадками. За этот долгий путь у нас были остановки как в маленьких, так и в больших городах, тогда к нам в вагон приходил китаец и объявлял, что мы должны выйти из поезда с вещами. Затем нас отводили в какую-нибудь гостиницу или просто просили подождать пока подойдет другой поезд. Часто такие пересадки были ночью, и я помню, как мы большой толпой стояли где-нибудь в стороне на большой железнодорожной станции, когда мимо нас постоянно проходили пассажиры - китайцы. В больших городах на станциях мы подходили к небольшим магазинчикам чтобы посмотреть, что там продается, а если что-то находили нужным купить, то покупали.

Первая наша остановка была в городе по названию Турфан, где мы вышли из поезда одетыми в зимние одежды, тогда как оказалось, что на дворе было лето. Как только мы вышли из вагона, наш проводник повел нас куда-то, и мы одетые в теплые пальто с ношей в руках, не желая отстать от него, поплелись сзади, и, пока добрались до места, от жары просто испарились. Нас всех завели в какую-то большую комнату на втором этаже, где мы и переночевали. Утром на дворе и по ступенькам ходили китайки и стучали каблуками своих сандалий так, что мы удивлялись, почему стук сандалий получался таким громким? И только потом на дворе, когда увидели их сандалии, мы поняли причину такого

громкого стука. Оказалось, что подошвы их сандалий были сделаны из дерева, чего мы раньше никогда не видели и не знали, что такое вообще может быть. Когда я утром спускалась вниз, то внизу под лестницей я заметила китаянку, которая несла в клетке большого белого, очень похожего на крысу, какого-то зверька. Я не удивилась, поскольку крыса в клетке - это как бы нормальное явление, но то, что произошло дальше, меня просто ошеломило. Китаянка, поставив клетку на землю под лестницей, облила живую крысу кипятком, что заставило меня от такой сцены поскорее уйти. Позднее я увидела ту же китаянку, поджаривавшую мясо в китайской сковороде. В Турфане в зимнее время было так тепло, что к тому времени, когда мы туда попали, уже поспели дыни и другие овощи. Вероятно они там вырастают по несколько раз в год.

По дороге у нас были неоднократные остановки и пересадки в таких больших городах, как Лан Чжоу, Чунцин, а приблизительно на половине пути в нашей группе случилось несчастье. Тот старенький дедушка, что ехал с нами, бывший родным братом дедушки Ивана Югова, не вынес тяжелой дороги и в нашем вагоне умер. Чтобы похоронить старичка, конечно, всех нас не оставили, а позволили остаться Ивану, пообещав родным, что он их вскоре скорым поездом догонит. Простился с умершим его родной брат - дедушка Ивана, к тому времени также престарелого возраста, но еще в силе, и все его родственники, и покойника вынесли. Тяжело было родителям расставаться с Иваном, но необходимость заставляла, и другого выхода у них не было. Обещание свое китайцы в точности исполнили, и Иван, похоронив старичка, дня через два вновь встретился со своими.

Когда мы были в южных областях Китая, во время остановок поезда прямо в поле подбегали к нему взрослые и дети и предлагали бананы, апельсины, гранаты, которых у нас никогда не было в Кульдже, и мы не знали какого они вкуса. Кое-кто из нашей группы решился купить по одному и потом давали другим попробовать. Я же, изучая географию, знала такие названия как: бананы, апельсины, лимоны, мандарины и гранаты, но как они должны были выглядеть и какого вкуса, я не имела представления. Тут же, увидев незнакомые фруктовые плоды, мы спрашивали друг друга, какие это фрукты, а когда кто-то говорил, что это бананы или апельсины или что другое, то все остальные в голос говорили: "Так вот они как выглядят бананы" или "апельсины" и пр.

Последняя наша остановка в Китае была в городе Кантоне, где нас высадили из поезда и поместили на ночь в большую комнату с

множеством кроватей. Несмотря на то, что над моей кроватью висел марлевый балдахин с опускавшейся со всех краев марлей закрывавшей всю кровать, комары меня в ту ночь просто заели, как люди спали на совсем открытых кроватях, а таковых было большинство, просто не представляю. Наутро мы решили пройтись по городу и посмотреть магазины, а по дороге увидели парад с длинным, раскрашенным в разные цвета драконом. Движимый находившимися внутри дракона закулисными людьми, он как бы полз или летел, изгибаясь во все стороны, с огромной головой и страшной пастью. В магазинах ничего хорошего или интересного мы не нашли, но в одном месте, рассматривая что-то под стеклом прилавка, мы не заметили, как вокруг нас собралась толпа китайцев с любопытством рассматривавшая нас. Оказалось, в той части Китая видеть европейца было большой редкостью и, очень возможно, что они увидели их впервые. Мы же, заметив, что на нас все смотрят, решили сразу же уйти.

Из Кантона нас доставили до пограничного моста переброшенного через пролив, разделяющий Красный Китай от Гонконга. Там под большим навесом свалили наши вещи, и началась проверка китайскими пограничниками. Так как деньги перевозить через границу не разрешалось, то оставшиеся у нас Коля перевел обратно в Кульджу сестре Варе, что было разрешено сделать. В наших вещах ничего подозрительного не было, и поэтому проверка вскоре закончилась, а после нее нашу семью сразу пропустили на пограничный мост. Сопровождал нас китаец, и мы делали то, что нам говорили, не зная, что нас ожидает дальше. Мы даже не знали того, что делали последние шаги по земле Красного Китая, и что вскоре на середине моста, переступив черту границы, нам предстояло его покинуть навсегда. В тот момент я не чувствовала ни радости, ни грусти и все принимала с абсолютным спокойствием. Мне кажется, что и другие люди нашей группы чувствовали то же самое, по крайней мере, это было видно по их лицам. Шли мы по мосту один за другим, не останавливаясь на точке разделения двух государств, где стояли английские пограничники, и, сделав только один шаг вперед, оказались на другой стороне и в других руках. Китайский пограничник, подойдя к английскому, кивнул головой, и наша судьба была решена. От той точки и дальше нас повел англичанин. Провели нас до какой-то остановки, где мы немного обождали, а когда подошел троллейбус, мы сели в него, и куда-то покатали по совсем иному миру, с большим любопытством рассматривая окружающее. Местность заметно отличалась: чистые дороги, по краям которых расстилались, как ковры, зеленые газоны, а за ними тянулись улицы с солидными зданиями

по сторонам. Мы были еще только на дальней окраине города, и поэтому вокруг было много зеленых, парковых земель с редкими деревьями.

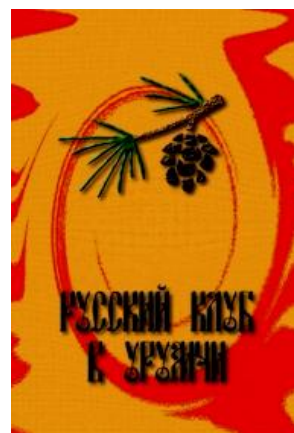
Китайскую границу мы перешли днем и поехали на троллейбусах еще при дневном свете, но пока доехали до Гонконга на улице стало совершенно темно. Подъезжая к городу, еще издали мы увидели освещенный электрическим светом горизонт, а при въезде в него оказались окруженными всевозможными огнями бежавшего, мигавшего и просто горевшего от земли до верхних этажей электрического света на зданиях, стоявших по обеим сторонам улиц. Такого как в Гонконге количества электрического света ни в одном другом городе мне не приходилось видеть. На зданиях висели какие-то рекламы, на которых лампочки то затейливо мигали, то передавали свет бежавший то по горизонтали, то по вертикали, меняя цвет или китайские и английские надписи. И это происходило по обеим сторонам улиц, конца которым не было, и по всей их длине был виден такой же танцующий, светившийся аккорд электрического света. По улицам было много народа, чем мы не были удивлены, ведь даже в Кульдже на центральной улице до двенадцати часов ночи всегда было тесно от скопления народа. Внизу под рекламами по обеим сторонам улицы тянулись большие стеклянные окна с всевозможными витринами. Все это для нас было в новинку, поскольку никаких витрин мы раньше не видели, а тут стояли в окнах куклы в рост человека с красивыми лицами, разодетые в различные красивые одежды. Все это было интересно видеть, но как и переход границы, почему-то не вызывало никакого душевного переживания, и чтобы понять надо самому все это испытать, когда бывает полное спокойствие мыслей, взора и телесного состояния...

Поездка в Кульджу. Наталья Старкова

25 января 2010г.

Представители «Русского клуба в Урумчи» Наталья Старкова и Любовь Лапенко посетили русскую школу в городе Инин (Кульджа). Преодолев 670 км, из них 220 проходят через горный перевал, узнав как работают спасательные службы Китая, попали под лавину, мы достигли цели! Поездка состоялась благодаря поддержке директора школы Николая Лунёва. В дар школе были переданы учебники русского языка. По просьбе педагогического коллектива проведён урок. В ходе урока учителя познакомились с новой, для них, методикой обучения чтению на русском языке.

С Николаем Ивановичем Лунёвым я познакомилась в первый год своего переезда в Китай. Случайное знакомство в Пекине в ходе проходившей там конференции соотечественников, проживающих в Китае, переросло в дружбу. С его супругой Лидией мы возили детей в Москву на спортивный фестиваль. Николай и Лидия — русские люди, родившиеся и выросшие в Китае, учились в одной школе — в русской школе в Кульдже.

Николай Лунев

Спустя много лет Николай стал директором этой школы. Создав свою семью, они бережно и трепетно чтут традиции предков, передают своим детям культуру, традиции и обычаи русского народа. Бывая в гостях у этой семьи, я каждый раз восхищаюсь, как нежно Николай и Лидия относятся друг к другу, восхищаюсь тем необыкновенным теплом и уютom, царящим в их доме. Эти стихи написал Николай на день рождения Лидии:

Незабудка моя, мой цветочек,
Весны ранней пьянящий глоточек,
С днём рождения тебя поздравляю,
Поцелуй свой тебе посылаю.
С каждым годом чтоб ты молодела,
Чтоб любовь в твоём сердце кипела,
Чтобы радость кипела ключом,
Чтоб мы счастливы были вдвоём.

На мой взгляд, Николай человек с очень ранимой душой, крайне застенчивый, и, если бы не случай, я так, видимо, и не узнала бы, что он пишет стихи. Стихи о тоске по своей исторической Родине, стихи о любви, о детях, о том, что чувствует, о своей боли и о своей радости.

Не хочу я жаловаться. Не хочу кричать.
Не желаю плакать. Не желаю звать.
У судьбы, наверное, Я в счету не первым.
Горе и разлуку Должен выносить.
Холод на признание, Тяжесть расставанья,
Горе и страдания — Всё переносить!

Трудно писать о чужих стихах, возможно, меня можно обвинить в предвзятости, а стихи Николая — в несовершенстве. На мой взгляд, чтобы почувствовать эти стихи, надо окунуться в атмосферу жизни Николая, узнать историю его семьи, побывать у него дома. Расскажу лишь то, о чём сам Николай рассказывает, чего не скрывает, несмотря на возможные пересуды заезжих по случаю в Кульджу людей.

Дом Николая расположен на кладбище, на старом русском кладбище. Несмотря на свой солидный возраст (кладбищу около 200 лет), оно действует до сих пор. На нём продолжают хоронить ушедших русских кульджинцев. Чтобы понять, как семья Николая поселилась на кладбище, надо ворошить прошлое, вспоминать непростые отношения СССР и Китая. У меня совсем другая задача, я хочу донести до читателя творчество Николая, рассказать, что повлияло на его мировосприятие, какие жизненные события отразились в его стихах. Сделать это хочется через призму того лихолетья на примере одной конкретной семьи, не задевая вопросы политики того или иного государства и не рассуждая о судьбах народов в целом.

Родители Николая бежали в Китай от страшного голода 30-х. Люди, привыкшие к простому крестьянскому труду не боявшиеся любой работы, сумели достаточно быстро адаптироваться к местным условиям, плотничали, держали мельницу, а многочисленная русская диаспора, существовавшая в те годы в Кульдже, сглаживала тоску по Родине. Шли годы, жизнь текла своим чередом, менялись взгляды политиков и отношения стран. Так случилось, что многочисленная русская кульджинская диаспора стала распадаться, в начале 60-х годов прошлого века многие приняли решение уехать в Австралию. Уезжали с болью в сердце. Уезжали навсегда, оставляя могилы предков, не веря в то, что когда-нибудь у них появится возможность вернуться и поклониться этим могилам. Родители Николая и ещё несколько семей приняли решение остаться, сама мысль о том, что нужно уехать на другой континент и ещё дальше оторваться от России, приводила их в ужас. Здесь, на кульджинской земле, у них оставалась надежда, надежда на возвращение на Родину. С годами эта надежда становилась всё призрачней и превратилась в глубокую рану, уж не знаю, затянулась эта рана или кровит до сих пор. Как тут судить? Может быть, по этим строкам?

В сердце боль и в душу боль Постепенно льётся,
Жизнь над грешною землёй Птицею несётся.
Дух в безмолственной печали Воздымает грудь.
Слёзы зрение застлали, Нету сил взглянуть.
И картины дней минувших В памяти летят,
И о счастье улизнувшем Всякий час твердят.

Узнав о решении семьи Лунёвых остаться в Кульдже, к ним обратились русские люди, уезжающие в Австралию, с просьбой ухаживать за могилами предков. Вот тогда и возникла мысль переехать жить на русское кладбище, частично спрятавшись за его вековыми воротами от происходящих событий, и выполнить просьбу уезжающих. На этом кладбище родился Николай и Лидия, позже здесь родились их трое детей. Наверное, читателю подумалось – какое страшное было у него детство, родиться и жить на кладбище? Сам Николай, будучи подростком, написал вот эти строки:

Вот весёлые ребята,
Сыплют в кружку порошок,
И, разбавивши водицей,
Дуют мыльный пузырёк.
Сколько радости меж ними,

Сколько драки, сколько ссор,
И на всё найдут причину,
И на дружбу, и на спор.
Но наспорившись досыта,
Начинают вновь шалить,
Собирают все подушки,
Чтоб войну в избе открыть.
Кто посмотрит в эту пору,
Странно зрелище узрит:
Пыль, и перья, и подушки
Во все стороны летит.

Спрятавшись за воротами кладбища, которое спасало их от страшных потрясений тех лет, учило терпимости, жизненной мудрости, они жили полной жизнью, учились в школе, любили, создавали семьи, рожали детей, радовались, страдали...

«Ожесточённою рукою
Я рад бы мир перевернуть,
Или с последнею мольбою
В прах плоть мою земле вернуть.
Иль для того я и рождённый,
Чтоб не иметь над злом побед?!»

Многие люди моего поколения тяжело пережили распад СССР, что само по себе неудивительно для нас, тех, кто родом из страны, которой больше нет. Удивительно то, что как личную трагедию это событие воспринял и Николай Иванович. А ведь не жил он в том самом СССР, но всегда с любовью и надеждой, как говорит он сам, следил за событиями на своей родине.

То ласкою ты оделяешь,
В объятых лелеешь своих,
То грознее тучи ты станешь.
Печален и мрачен твой лик.
В порыве любви ты ласкаешь
Народы земли.
Во гневе ты всё разрушаешь,
Нешадно разбрасываешь их.
То ты величава держава,
То вдруг ты ничтожно мала,
То вновь восстаешь ты из пепла —
Велика советска страна.
И снова взыграл дух мятежный,

Распался Советский союз.
Когда же конец испытаний?
Когда же все беды пройдут?!

Однажды, будучи в Кульдже я заехала в гости и застала Николая за странным, как показалось мне на первый взгляд, занятием: Николай устанавливал на могилах, на брошенных, забытых могилах, кресты. Он посетовал на то, что времени совсем не хватает, давно уж хотел порядок навести, а то стоят они одинокие и забытые и прийти к ним уж некому. Рядом бегали его дети, и мне подумалось: что они будут вспоминать из своего детства? Так хочется верить, что отца, восстанавливающего кресты на забытых русских могилах. А не это ли и есть та самая историческая память, о которой так много говорят в школьных курсах истории? Китай стал их Родиной, их домом, Николай многого добился, став директором русской школы в Кульдже и депутатом Всекитайского политического консультативного совета. Вот и выходит, что кладбище это не стало помехой Николаю и не станет помехой его детям, потому что живут эти люди с любовью в сердце, бережно относясь к прошлому и уважая настоящее.

«Февраль на исходе, запахло весной, и сердце проснулось в груди. В нём плещется радость струёй золотой манящей звездой впереди.»

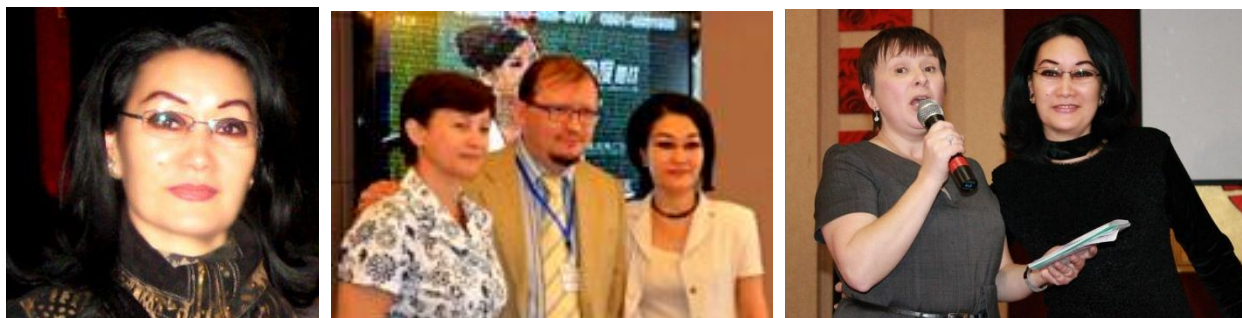
Когда я заканчивала писать эту статью, зазвонил телефон: звонил Николай. Рассказал, что сильно болеет мама, у детей в школе экзамены, и что ездил сегодня посмотреть на свой новый дом, который строит своими руками далеко от того самого кладбища, где живёт сейчас. Очень надеется, что весной отпразднуют новоселье. И это будет не просто новоселье, это будет новая страница в жизни семьи Лунёвых. Остаётся ждать, какие строки родятся у Николая от жизни в этом новом доме...

О клубе

«Русский клуб в Урумчи» — это основанное на членстве некоммерческое, неполитическое, нерелигиозное, добровольное, самоуправляемое общественное объединение русскоязычных соотечественников, постоянно или временно проживающих в городе Урумчи и Синьцзяне.

Клуб был создан 5 ноября 2007 года. Его появление вызвано естественной потребностью создать здесь, на территории КНР, частичку родины. В своём напутствии председатель Координационного совета

соотечественников Китая и руководитель «Русского клуба в Шанхае» Михаил Дроздов написал: "Дорогие соотечественники, проживающие в Синьцзяне! Очень надеюсь на то, что вам удастся объединиться и наполнить деятельность своей организации высоким содержанием служения своей стране ". «Служение русскому делу» основная идея сплочения русскоязычной общины в Синьцзяне и, конечно, в Урумчи. «Русский клуб в Урумчи» видит свою миссию, прежде всего, в просветительской деятельности: это встречи русских и русскоязычных соотечественников, обсуждение насущных проблем жизни общины, изучение истории русской эмиграции в Синьцзяне, мероприятия, направленные на сохранение, развитие и распространение русского языка, знакомство с достижениями русской культуры.

ღ❀ღ R.H ❀ღ

17 июл 2014 г. Дроздов М.В. – 10.11.12 г., Председатель Координационного Совета соотечественников в Китае. Старкова Н.В.- председатель «Русского клуба», г.Урумчи.

Из переписки. Ра Ни Ма

Николай Иванович! Синьцзян – страна гор, степей, пустынь. Страна кишлаков и кыштак, айлов, городов, древних караванных троп и путей. Основное население ее – древний, как караванные тропы, тюркоязычный народ уйгуры. А кроме них – дунгане, киргизы, казахи, татары, монголы. А в рассматриваемое время – отхлынувшие за рубеж Российской империи белогвардейцы - золотопогонники. И бежавшие от раскулачивания хозяйственные мужички разных народов Советского Союза. И разбитые красноармейцами басмачи. И китайцы...

Да, и по сей день в Инин (Кульдже) город с двумя названиями, проживают русские с тех времен, но не только в Кульдже, но и по всей

Синьцзяни. Многие русские в 1980-тые годы эмигрировали в Австралию и Канаду, так и не познав Россию. И таких я встречала в Китае...

Пять лет назад я сопровождала правительственную делегацию Республики Алтай, среди них был историк, который позже написал книгу об этой поездке. У нас была программа «Золотое кольцо Алтая» (сюда входят 4 государства. (Казахстан, Россия, Монголия, Китай). Начали это кольцо с Китая. По дороге на Алтай в Канас мы остановились в небольшом городке Борчун, заехали на рынок за фруктами и случайно встретили русскую женщину - баба Зина, она работала на рынке. Ее предки жили в Кульдже много лет, Баба Зина говорит по-русски, но ее дети и внуки не знают русского языка. Помню баба Зина говорила, что русских в этом городе много, и все являются детьми и внуками мигрантов тех прошедших лет...

В Кульдже по сей день еще живет «Сталинская школа и перед ней два огромных дуба посаженные еще в 1913 году. Их очень берегут и они находятся под охраной...

На территории русского консульства тех лет также растут и живут русские березы, также известью белят деревья и камушки вокруг деревьев. (Ra Hi Ma)

Шестая конференция соотечественников в Китае проживающих,

прошла 19 июня 2012 в г. Урумчи (Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Тема её: «Роль общественных объединений в укреплении дружбы между народами России и Китая: цели, задачи, новые возможности». Конференция организована Координационным советом соотечественников в Китае и Русским клубом в Урумчи при поддержке «Россотрудничества» (Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству).

Приветствуя участников конференции, Генеральный консул РФ в Шанхае А.Н.Сморозин говорил о той важной роли, которую играют объединения соотечественников в вопросах сохранения русской культуры за рубежом, укрепления имиджа России в мире. Он отметил, что сила

общественных организаций растёт и Русские клубы, организованные в разных городах Китая, играют всё более заметную роль в жизни китайского общества.

Михаил Дроздов, председатель Координационного совета соотечественников, проживающих в Китае, кратко остановился на истории проведения страновых конференций, отметив, что ежегодно участники их решают важные для соотечественников вопросы по определенной теме.

Выступает председатель КССК М.В.Дроздов. Почетной наградой КССК удостоен китаец Ян Тао.

«Такой подход позволяет предметно и последовательно обсуждать самые важные стороны нашей жизни в Китае, более прицельно и ответственно подходить к выработке рекомендаций, которые несут

прикладной характер». Так в 2007 году на первой конференции поднимались вопросы сохранения русского языка как средства самоидентификации. Затем рассматривался опыт создания общественных объединений соотечественников в Китае, проблемы социализации, образования и воспитания подрастающего поколения. Темами конференций были вопросы охраны и сохранения исторических памятников, связанных с историей русского присутствия в Китае, связи бизнеса с объединениями соотечественников.

М. В. Дроздов сказал, что определяя тему шестой конференции, исходили из того, что «устойчивое развитие русской общины возможно только при условии совершенствования сотрудничества между народами России и Китая, в том числе посредством так называемой народной дипломатии». Говоря о представлениях местного населения о наших соотечественниках, он заметил, что в целом складывается благоприятный облик россиянина, т.к. это образованный, знающий иностранный язык и культуру страны пребывания человек. «А общественные объединения соотечественников заявили о себе как о зрелых объединениях людей, которые могут восприниматься местным населением со знаком плюс». Соотечественники активно сотрудничают с заинтересованными китайскими организациями, ведут совместную деятельность по ряду направлений. Чрезвычайно полезной стала информация о том, что с 1 января 2012 года начал свою деятельность Фонд поддержки и защиты прав соотечественников. Учредителями его являются МИД России и «Россотрудничество». Фонд призван обеспечить условия, при которых наши соотечественники смогут почувствовать свою защищённость, в странах, на территории которых они проживают. Планируется организация оказания информационной, организационной, методической и юридической поддержки, в том числе предоставлении услуг адвоката. Ещё одно направление работы Фонда – мониторинг правового положения соотечественников в государствах их проживания.

Интерес к деятельности Фонда большой. Ведь даже в КНР – стране очень благополучной с точки зрения положения иностранцев – нередки случаи, когда соотечественники попадают в сложные ситуации. Анализ произошедшего убеждает в том, что многих сложностей можно было бы избежать, будь у наших соотечественников более точные представления и знания о китайских законах. Нужно сказать, что в Китае с 2010 года уже разработан и действует интернет-проект «Скорая юридическая помощь в Китае», который нашёл положительные отклики соотечественников и

оказывает им реальную помощь. Так что с созданием Фонда работа на этом направлении может быть усилена.

Выступающие на конференции делились своим опытом взаимодействия с китайскими организациями и культурно-историческими сообществами, рассказывали о делах клубов, которые проводятся совместно с китайскими друзьями. Организаторы предоставили возможность корреспонденту журнала «Эксперт», председателю Русского клуба в Гонконге (Сянгане) Марку Завадскому презентовать интересный информационный проект «Russian beyond the headlines». К сожалению, Марк не смог приехать в Урумчи, однако он все же выступил при помощи телемоста и ответил на вопросы присутствующих.

Выступление Николая Лунёва, директора русской школы в г.Инин, было интересным и оригинальным. После того, как выступил Николай, был показан пронзительный фильм режиссёра Надежды Поповой «Кадриль над Тяньшанем». Поразил и созданный при поддержке Русского клуба в Шанхае и отца Дионисия Поздняева (Гонконг) фильм «Бэйгуань – последняя российская духовная миссия в Китае», снятый режиссёром Галиной Дудкиной.

На конференции были подведены итоги фотоконкурса [«Улыбка друга»](#), проведенного Координационным советом, ставшим попыткой подружить русских и китайцев. Были представлены работы, на которых запечатлены русские и китайские дети, из Китая и России. На фотографии, ставшей победителем, изображены маленькая русская девочка, которая протягивает ладошку китайскому мальчику. Автор этой очень трогательной фотоработы был награждён денежным призом. На конференции прошла также презентация книги нашего соотечественника, живущего в Китае, Владимира Марченко «Китай. Записки из чемодана», составленной из занимательных рассказов о Китае и китайцах. На презентации присутствовал автор (активист Русского клуба в Шанхае). Все привезенные им книги моментально разошлись.

Уже стало доброй традицией на конференции награждать соотечественников, внесших заметный вклад в общее дело за прошедший отчётный период. На этот раз грамотами посла России в Китае были награждены Сергей Ерёмин (г. Харбин) и Николай Лунёв (г. Инин). Почётную награду КССК получил и друг Русского клуба в Урумчи Ян Тао. Особенную изюминку конференции придал арт-проект художника Сергея Баловина (Русский клуб в Шанхае). Сергей предложил каждому

участнику нарисовать на холсте своего коллегу из общественного объединения, расположенного в другом городе. Таким образом, был создан коллективный портрет русских в Китае, авторами которого могут себя с полным правом считать все участники конференции.

Кстати, двумя днями ранее Сергей Баловин при поддержке Русского клуба в Урумчи осуществил в этом городе свою знаменитую арт-акцию «Натуральный обмен» с которой он планирует осуществить кругосветное путешествие.

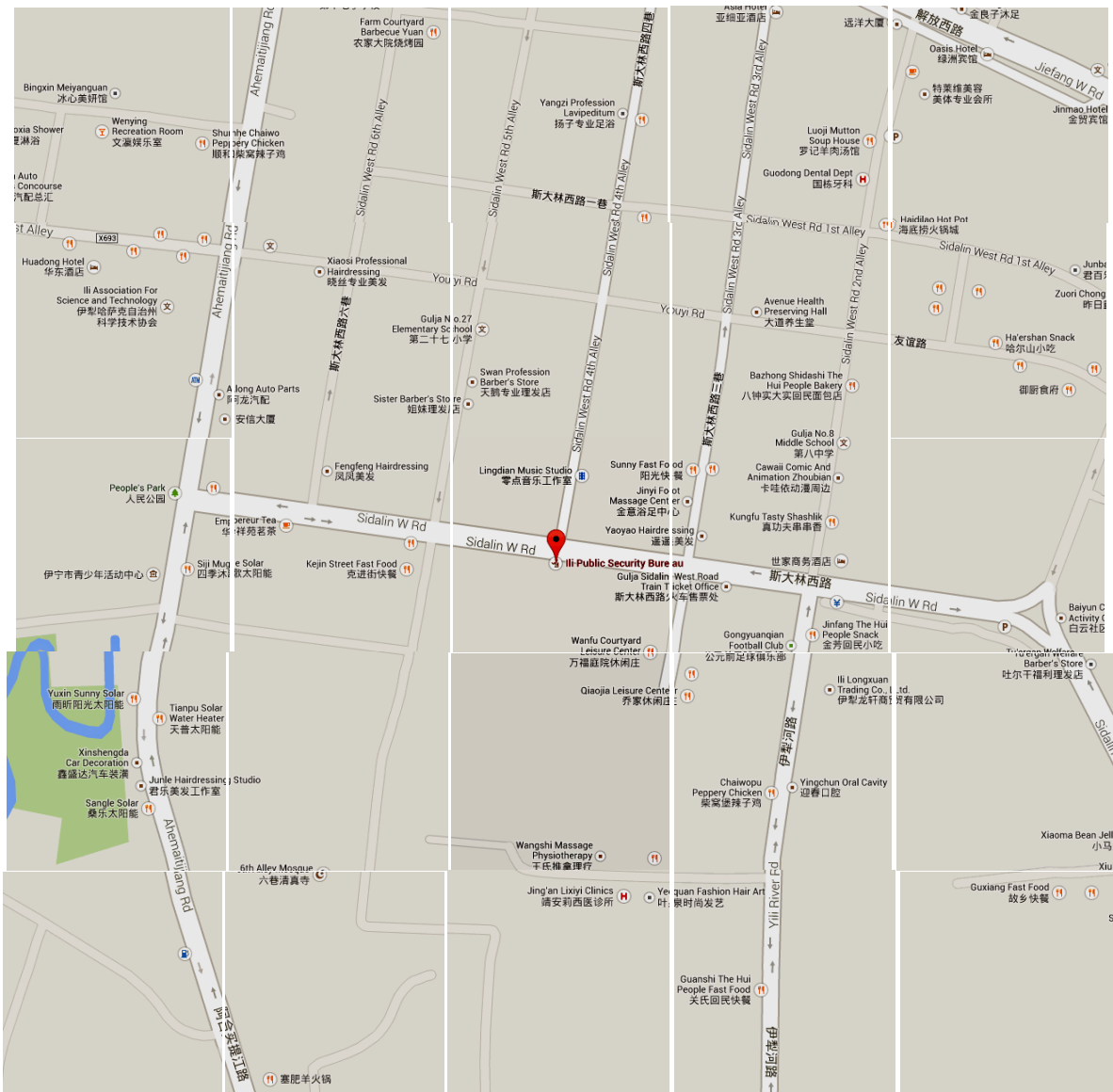

Возложение цветов. Окаменевшие деревья - достопримечательность Урумчи

Завершилась конференция возложением цветов к русскому воинскому захоронению в Урумчи. Венок к памяtnому знаку павшим за китайский народ русским героям возложили председатель КССК М.В.Дроздов, генеральный консул в Шанхае А.Н.Сморозин, председатель Русского клуба в Урумчи Н.В.Старкова и депутат Народного политического консультативного совета Китая, директор русской школы в г. Инин Н.И.Лунев.

По итогам Шестой конференции соотечественников была принята Резолюция, были намечены планы работы на будущий год. Очередная конференция пройдет через год в Гонконге или Макао.

Лариса Жебокритская, (Харбин)

Окрестности ул. Сталина И.В. г. Кульджа, Илийский край, Китай.

Boris Zazulin 23 окт. 2014г.

Здравствуйте, Николай Иванович! Некоторые братаны мои здоровы. Я этим летом ездил в Кульджу. А живу я сейчас в Гуанчжоу. В Петербурге я бывал в 2008 г. Это был я первый раз в России. Я родился в Кульдже. Фото Сталинской школы у меня нет. Но я могу попросить моих племянников сделать фото. Название книги "Где ты, моя Родина?" заманчиво. Про нас уже снимали фильм "Потерянная Диаспора"... ..название фильма "Кадриль над Тянь-Шанем". Посмотреть можно здесь <https://yadi.sk/i/YM15kХерсMwme> Фото с форелями, где "...взял и отпустил.." Это было в горах "ТОККУЗТАРА" Другие фото с форелью в горах "Торасу". Мои племяшки сейчас собирают хлопок на плантациях в Буртале, это за оз. Сайрам. Вернутся через месяц... Хотел спросить, чем вы занимаетесь? Зачем вам все это?

Кадриль над Тянь-Шанем. Документальный фильм (Россия, 2011).

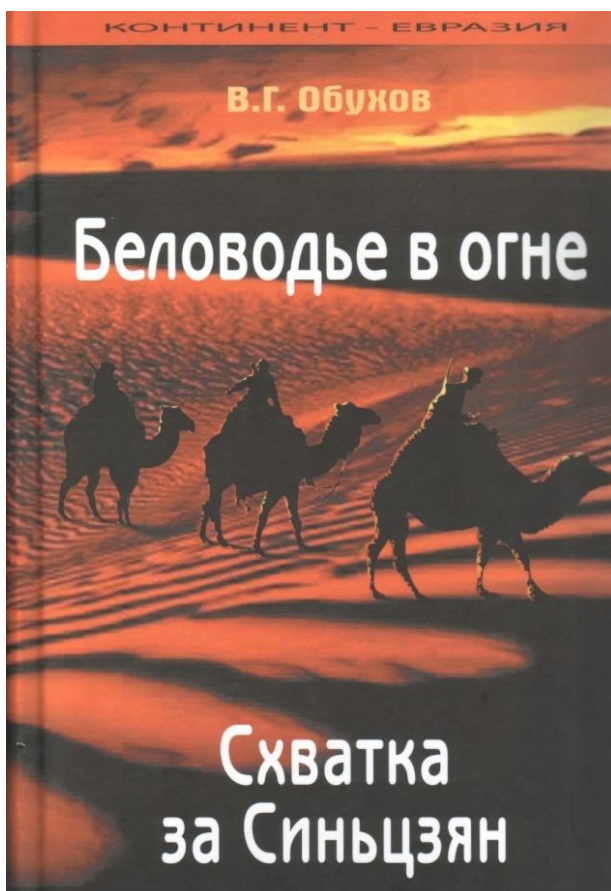
Режиссер Надежда Попова. Текст читает Владимир Волков.

Кульджа - город на западе Китая, живут здесь китайцы и уйгуры, но мало кто знает, что всего 80 лет назад его называли российской Кульджой. Здесь искали пристанище в поисках лучшей доли русские люди, бежавшие тогда из России. Вот откуда появились в этих местах баяны, аккордеоны, гармошки и грустные русские мелодии. Как сложились судьбы изгнанников, вынесших все тяготы XX века, но сохранивших веру, язык и память о своей далекой родине для будущих поколений. А какими будут эти поколения - это уже как бог даст... Принимали участие жители Кульджи: Иван Лунев, Николай Лунев и Лидия Лунева, Римма Лунева, Александр Зазулин, Борис Курганаев и Татьяна Курганаева, Виктория Лунева.

Произведения писателя Обухова Вадима Геннадиевича.

Вадим Геннадиевич Обухов со своими книгами "Схватка шести империй. Битва за Синьцзян", «Беловодье в огне», «Потерянное Беловодье»...

17 мая 2013г. Я.З. Яхин, Н.В. Грачева (Ломакина), О.А. Галанцева и Н.И.Долдин на праздновании 80-летия Бакчарского детского дома.

Готова ехать в Бакчар на празднование 80-летия детдома группа Союза выпускников детских домов и интернатов Томской области.

Долдин Н.И. и Колыхалов Вен. А. – авторы книги «СИРОТА СИБИРИ» - воспоминания воспитанников и педагогов, воспитателей и сотрудников приютов и детских домов о выживании в Нарымском крае в годы Войны. 21 апр. 2016г.

9 Мая 2015 г. – год 70-летия и Победы и памяти Ивана Л. Долдина.

**Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...**

Гамзатов Расул

Мы помним!

Над Россией все небо померкло,
Над Россией большая беда.
Эшелоны уходят в военное пекло,
А назад возвратятся когда?

Похоронки, летят похоронки...
Почернела душа матерей.
Шлют проклятья фашистам вдогонку,
Провожая своих сыновей, дочерей.

Полыхали зарницы кровавою раной,
Не для всех наступал рассвет.
Эту скорбь не унять словами-
Только криком на целый свет!

У станков - старики и подростки
И случался в полях недород.
Русских песен родных отголоски
Нас спасали, да вера в народ.

После этой невыносимой боли
Нам дороже всего во сто крат.
Золотистые перлы восходов,
Ослепительный мирный закат.

Будем помнить! Как пули косили,
Как слеталось на нас воронье.
Берегите великое имя «Россия»
И огромное доброе сердце Её!

Грачева Надежда Васильевна, 1938 г.р.

Река Или при весеннем половодии...

Окрестности города Кульджи

Произведение «ПУТИ ЗЕМНЫЕ» подготовлено и издано в двух томах.

«Житие Анны Г.Д.» создана на основании воспоминаний и бесед с Анной Г. Долдиной (Сериковой) в 90 лет, после ее инсульта и восстановления речи.

«Илийский край» это свидетельства и сообщения сородичей и земляков, родители которых участвовали в войне и погибли на полях сражений.

ПУТИ ЗЕМНЫЕ. Долдин Н. И. Томск, 2016 год.

Том 2, 222 стр. Тираж 1000 экз.

Издание третье с изменениями и дополнениями.

Фотографии из архива семьи Долдина Н. И. ,
Казанцева В.И., Наземцевой Е. Н., Обухова В. Г.,
Дьячкова Е.И., Добрянской В.М., Уразовского В.М.

Составление и подготовка к изданию материалов
на основании аудиозаписей воспоминаний МАМЫ
и бесед с родственниками, переписки с сородичами
соотечественниками и подбор фотографий
выполнены Николаем Ивановичем Долдиным.

Компьютерный набор текста Н. И. Долдин.

Верстка и корректор текста Л. А. Долдина, Т.Ю. Назаренко

Дизайн обложки Дм. Н. Долдин.

Технический редактор Н. И. Долдин.

СЛАВА ГЕРОЯМ ПАВШИМ ЗА РОДИНУ!